

**Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова
Экономический факультет
Центр по изучению проблем народонаселения**

АВДЕЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

***ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ
НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
В ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЯХ***

**Москва
МАКС Пресс
2003**

ББК

**Исторические типы народонаселения в докапиталистических
формациях. – Москва: МАКС Пресс, 2003 – 160 с.**

ISBN

© А.А.Авдеев, 2003

Отпечатано с готового оригинал макета

ОГЛАВЛЕНИЕ

| | |
|--|-----|
| ПРЕДИСЛОВИЕ | 4 |
| Введение | 9 |
| Глава I. РАЗРАБОТКА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ..... | 13 |
| 1.1 Качество и развитие народонаселения | 14 |
| 1.2. Методологические основы изучения управления. Исторические типы социального управления | 25 |
| 1.3. Понятие типа народонаселения..... | 43 |
| Глава 2. СТАНОВЛЕНИЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ КАК СИСТЕМЫ, ПОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ..... | 53 |
| 2.1. Проблема реконструкции сообщества древних людей. Происхождение экзогамии..... | 55 |
| 2.2 Бифункциональность древнейших социальных институтов..... | 72 |
| Глава 3. ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ..... | 93 |
| 3.1. Народонаселение в доклассовую эпоху | 94 |
| 3.2. Народонаселение при рабовладении | 106 |
| 3.3. Народонаселение при феодализме..... | 119 |
| ЗАКЛЮЧЕНИЕ | 133 |
| СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ | 140 |

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю текст был написан почти 20 лет тому назад и публикуется практически без каких-либо добавлений и исправлений. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: почему данная работа, не имеющая, в общем-то, выраженного политического и идеологического звучания, публикуется только сегодня? Для того, чтобы дать исчерпывающий ответ на этот вопрос, наверное, пришлось бы написать новую работу мемуарного характера, не уступающую по объему данному сочинению. Тем не менее, в этом небольшом предисловии автор попытается дать схематичное описание мотивам этой запоздалой публикации.

Прежде всего, хотелось бы надеяться, что эта публикация послужит подспорьем в самостоятельной работе студентов, интересующихся проблемами общей теории населения и исторической демографией. Дело в том, что многие элементы, положения, иллюстрации и примеры из данного исследования использовались в 1998-2000 годах в работе семинара «История мирового населения» для студентов, выбравших специализацию по демографии в магистратуре экономического факультета МГУ. Впрочем, о семинаре можно говорить лишь в большой доле условности, так как в официальной программе он фигурировал как специальный курс, и большая часть отпущенного по программе времени уходила на чтение лекций. Тем не менее, студенты немало времени тратили и на дискуссии, будучи, как казалось, заинтересованы и даже несколько удивлены ракурсом обсуждавшихся проблем. В особенности неожиданной для них были трактовка понятия населения в конкретном историческом контексте и вопрос о генезисе и эволюции семейно-брачных отношений. Многие из них просили указать какое-либо издание, суммарно представляющее основные положения, обсуждавшиеся нами на семинаре. К сожалению, им можно было рекомендовать только целую серию весьма разнообразных публикаций, каждая из которых содержала лишь отдельные элементы той общей концепции, вокруг которой строилась работа семинара. Подобная же просьба исходила и от студентов

Высшей школы социальных наук в Париже, участвовавших в работе семинара «Население, семья и общество в России при старом режиме и в советское время». Французские студенты в целом специализировались по социальной истории России, и для них особый интерес представлял принцип построения схемы функционирования локального населения, которую можно было бы применять для моделирования брачности и исторических населений. Таким образом, можно надеяться, что данная публикация будет хотя бы частичным возвращением моего долга студентам.

Предлагаемый вниманию читателей текст печатается без изменений, хотя он написан почти 20 лет и, безусловно, носит отпечаток той эпохи, когда элементы официальной государственной идеологии (и фразеологии) были атрибутом любого научного текста. Сегодня, кажется, можно было бы легко «вычистить» упоминание о решениях съезда КПСС или «притянутые за уши» цитаты классиков марксизма-ленинизма, тем более что компьютер позволяет это сделать достаточно быстро. Но, тем не менее, от подобной «чистки» было решено отказаться, не только потому, что идеологические вкрапления в тексте, в общем-то, незначительны, но и для того, чтобы сохранить специфику научного текста начала 1980-х годов. Позволим себе пояснить чуть подробнее, почему эта специфика представляется важной.

Для российской и советской демографии вторая половина 1970-х годов была отмечена оживленной идеологической дискуссией о демографической революции, или демографическом переходе.¹ Сегодня эта дискуссия может показаться гротеском, но в то время она наверняка представляла центральное событие жизни демографического сообщества. Эта дискуссия, в свою очередь, была наследницей и закономерным

¹ См. В.А.Борисов – Перспективы рождаемости. Москва. Изд-во «Статистика», 1976; А.Г.Вишневский – Демографическая революция. Москва, Изд-во «Статистика», 1976; А.И.Антонов – Социология семьи (Теоретические и методологические проблемы). Москва. Изд-во «Статистика», 1980; А.Г.Вишневский – Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. Москва, «Финансы и статистика», 1982,

продолжением более раннего спора о предмете демографии и «комплексной науки» о народонаселении.¹

Столь острое пристрастие советских демографов к идеологическим дискуссиям было не случайно. Дело в том, что начавшееся с середины 1960-х годов некоторое оживление и институциональное укрепление демографических исследований в Советском Союзе происходило на фоне практически полной засекреченности данных демографической статистики. Единственный содержательный, но не слишком объемный демографический сборник «Население СССР. 1973» вышел в 1975 году. Да еще под руководством Б.Ц.Урланиса издавался справочник «Народонаселение стран мира», содержащий крохи информации по СССР. Демографы буквально задыхались от отсутствия информации, и теоретические дискуссии были единственной отдушиной, или последним клапаном, позволявшим выпускать творческий пар.² Здесь не место для того, чтобы начать подробный разбор отдельных положений дискуссии и позиций ее участников. Будем надеяться, что когда-нибудь историк науки вернется к этому поучительному, но, в общем-то, достаточно бесплодному периоду развития советской демографии. Эти дискуссии упомянуты здесь лишь только потому, что обсуждение многих категорий в публикуемой работе по большей части обусловлено контекстом научной жизни той эпохи. В частности, введение такой категории, как «исторический тип населения», было в значительной степени попыткой примирить различные теоретические позиции, из которых одна абсолютизировала критерий «воспроизводства населения», а другая, достаточно резонно критикуя такого рода абсолютизацию, фактически ничего не предлагала взамен, ограничиваясь весьма отвлеченными

¹ См. Вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения. Всесоюзный симпозиум. Москва, 24-26 ноября 1966 года. Издательство Московского университета, 1969. В частности – доклад Д.И.Валентя и Ю.Н.Козырева – Наука о народонаселении, ее методологические основы, особенно с.19-23 и выступление А.Г.Волкова, с.65-67 и по этому поводу А.Г.Вишневский – Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. Москва, «Финансы и статистика», 1982, с.265,

² Более подробно по этому вопросу см. А. Vichnevski « La démographie soviétique après la Seconde Guerre mondiale » » Les contours de la Démographie au seuil du XXI^e siècle. Edité par Jean-Claude Chasteland et Louis Roussel, Edition de l'INED, p.157-187 ; A.Avdeev « Avenir de la démographie en Russie », ibid, p.369-396.

рассуждениями о «качестве населения». Поскольку в то время противостояние участников дискуссии достигло наибольшей остроты, тезис автора об относительности критериев типологии населения применительно к конкретной ситуации остался просто не услышанным.

Кроме того, сохранение первоначального текста без каких-либо изменений обусловлено и тем, что после прочтения текста как самим автором, так и его коллегами, в общем-то, не было найдено ничего такого, от чего сегодня хотелось бы отказаться. Хотя, конечно, накопленный к сегодняшнему дню новый материал позволил бы развить и более ярко проиллюстрировать некоторые положения работы. Но добавлять новый материал в данный текст, кажется, не имеет особого смысла, учитывая общий контекст работы. Это развитие будет сделано в других публикациях, подготовка которых в настоящее время близится к завершению.

Наконец, последняя причина данной публикации данной работы в том, что многие разработанные в ней положения послужили теоретическим основанием проводимых в настоящее время исследований по исторической демографии России. Речь идет о проекте с условным названием «Демография и экономика крестьянского хозяйства в России в XVIII-XIX веках», над которым, кроме автора, работают Алан Блум из Национального института демографических исследований Франции и Ирина Троицкая из Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета.¹ Собственно, и происхождение этого проекта во многом обязано тому интересу к исторической демографии, который возник в ходе работы над публикуемым ныне текстом, представляющим собой не что иное, как диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности «Демография и экономика народонаселения», защищенную осенью 1984 года. К величайшему сожалению, в то время, как, впрочем, и сегодня, большинство диссертаций оставалось неопубликованными и в лучшем

¹ Упомянутое исследование в настоящее время выполняется при поддержке программы INTAS (грант INTAS2000-00586) и в рамках сотрудничества между Центром по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им.М.В.Ломоносова, Национального института демографических исследований Франции (INED) и Центра русских исследований Высшей школы социальных наук в Париже (EHESS).

случае прочитывалось лишь десятком специалистов. Хотя после успешной защиты данного диссертационного исследования и раздалось несколько голосов, рекомендовавших «подумать» о публикации результатов исследования, в ту эпоху о возможности публикации можно было только думать...

К счастью, благодаря помощи и поддержке моих старших коллег и учителей в 1986 и 1987 годах было опубликовано два небольших текста, что уже было большим успехом.¹ Тем не менее, было немного досадно, что в опубликованные тексты не были включены самые интересные положения, которые, собственно, и получили дальнейшее теоретическое развитие и практическое применение.

Пользуясь случаем, хотелось бы поблагодарить всех тех, кто помогал автору и руководил его научной работой в 1975-1983 годах, в особенности дорогого учителя и научного руководителя профессора А.И.Антонова, сотрудников в то время сектора теории народонаселения Н.В.Звереву и В.М.Медкова, а также покойных руководителя Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета профессора Д.И.Валентя и профессора Д.К.Шелестова, всегда горячо поддерживавшего и много помогавшего советами в отношении исторических аспектов демографических исследований. Особенную благодарность хочется выразить моему близкому другу и коллеге И.А.Троицкой, благодаря трогательной заботе и усилиям которой эта публикация стала возможной.

¹ А.Авдеев – «Семья в докапиталистических формациях» в сб. Детность семьи: вчера сегодня, завтра. Москва: «Мысль», 1986, с.26-38; Глава 1 Качество, развитие, исторические типы народонаселения» раздела II *Народонаселение: поступательное движение*. В книге: Народонаселение: прошлое, настоящее и будущее. Под руководством Н.В.Зверевой и В.М.Медкова. Москва: «Мысль», с.95-116.

Введение

Задача проведения эффективной демографической политики, выдвинутая XXVI съездом КПСС¹, ставит в центр всех демографических исследований проблему разработки теоретических основ управления демографическими процессами. Определенный вклад в ее решение вносят исследования исторического развития народонаселения, которые не только дают представление о прошлом, но и помогают лучше разобраться в вопросах сегодняшнего дня. В.И. Ленин отмечал, что для понимания любого общественного явления необходимо знать, как это явление возникло, какие главные этапы в своем развитии проходило, и с точки зрения его развития смотреть, чем оно стало теперь.²

Усиление интереса к демографической истории связано и с развитием прогностической функции современной демографии, “которая может успешно выполняться и развиваться лишь на основе использования все более обширных и глубоких знаний не только о текущих, конъюнктурных особенностях демопроцесса, но и о его специфике в прошлом, ибо знание о будущем не может вырабатываться иначе как на базе знания о предшествующем этому будущему”.³

В настоящее время во многих странах сохраняются черты хозяйственной жизни, социальной организации, а также нормы демографического поведения, уходящие корнями в далекое прошлое. Эти явления требуют анализа и оценки перспектив их развития. Изучение народонаселения докапиталистических формаций проливает свет на социально-экономические факторы высокой рождаемости и способствует пониманию закономерностей такого явления, как снижение рождаемости, наблюдающееся в современном мире. Все это придает анализу детерминации демографических процессов в докапиталистических формациях не только научное, но и практическое значение.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., Политиздат, 1981, с.136-137

² Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.39, с.67

³ Пискунов В.И. О периодизации мирового демопроцесса (препринт научного доклада). Киев: ИЭ АН УССР, 1982, с.8

Целью данного исследования является разработка методологического подхода к изучению народонаселения в историческом разрезе, исследование организации воспроизводства населения в докапиталистических формациях, а также его роли в общественном развитии. В связи с поставленной целью определены следующие задачи:

- конкретизировать такие ключевые понятия общей теории народонаселения, как качество и развитие народонаселения, в применении к историческому анализу;
- разработать системное представление народонаселения на основе достижений современной теории социального управления, определить его важнейшие компоненты и их координацию на различных исторических ступенях общественного развития;
- разработать принцип периодизации развития народонаселения и проследить взаимосвязь между воспроизводством населения и воспроизводством социально-экономической структуры в докапиталистических формациях;
- определить причины высокой рождаемости и потребности в многодетности в различных социально-экономических условиях и у различных социальных групп населения в докапиталистическую эпоху.

В работе особое внимание уделяется исследованию организации воспроизводства населения с момента появления человека современного типа и человеческого общества до расцвета феодального способа производства. Хотя в настоящее время существует ряд работ, посвященных изучению различных аспектов развития народонаселения в докапиталистическую эпоху, социально-экономические механизмы, регулировавшие интенсивность демографических процессов, остаются недостаточно изученными, а широкая разработка методологии исследования народонаселения в историческом разрезе, можно сказать, только начинается.¹

¹ Исследованию различных аспектов развития народонаселения докапиталистических формаций посвящены следующие работы: Авербух М.С. Законы народонаселения докапиталистических

В целом данное исследование специально посвящено проблеме качественного анализа народонаселения в докапиталистических формациях с точки зрения организации воспроизводства численности и специфики социального управления демографическими процессами. В работе проведено комплексное, междисциплинарное исследование, в котором объединены данные демографии, истории и этнографии на основе концепции исторического типа народонаселения, и этим определяется ее научная новизна.

В первую очередь автор пытается уточнить понятия развития и качества народонаселения применительно к историческому анализу. Затем, опираясь на понятие исторического типа социального управления, автор постарался определить понятие исторического типа народонаселения, отражающее определенное историческое качество, меру и этап развития народонаселения, и служащее, таким образом, основой для периодизации демографической истории общества. Далее, строятся модели-схемы функционирования народонаселения докапиталистических формаций, которые могут использоваться для количественного анализа.

Привлекая конкретный материал, автор уделяет большое внимание функциональному значению первых социальных институтов для управления воспроизводством населения. В ходе анализа взаимосвязей между развитием социальной структуры и демографическим воспроизводством в докапиталистических формациях автор исследует роль законодательств, различных обычаев и традиций как конкретных механизмов социального управления демографическими процессами. Автор однозначно склоняется к точке зрения, что именно семейное

формаций. М., 1967; Антонов А.И. Социология рождаемости. М., 1980; Барг М.А. К вопросу о росте населения в Англии XI-XIII вв. - "Вопросы истории", 1947, № 11; Валентей Д.И. Теория и политика народонаселения. М., 1967; Вишневский А.Г. Демографическая революция. М., 1976; его же: Воспроизводство населения и общество. М., 1982; Дарский Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи - в кн.: Демографическое развитие семьи. М., 1979; Козлов В.И. Динамика численности народов. М., 1969; Коростылев Г.М. Рост народонаселения и общественный прогресс. Свердловск, 1969; Корхов Ю.А. Опыт исчисления роста населения в Европе. - "Вопросы истории", 1946, № 8-9; Перковский А.Л. К вопросу о законе народонаселения докапиталистических формаций. - Демографические тетради, Киев, 1972, вып. IV-V; Самаркин В.В. Историческая демография западноевропейского средневековья. - "Вопросы истории", 1977, № 2; Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М., 1966; его же: Происхождение брака и семьи. М., 1974; Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе (опыт исчисления). М., 1941; и др.

производство обуславливает потребность в многодетности и ведет к высокой рождаемости. Разрушение семейного производства при прочих равных условиях является основной причиной уменьшения рождаемости.

Проведенное исследование носит в большей степени методологический и теоретический характер. Полученные результаты имеют значение, прежде всего, для развития общей теории народонаселения, а также для разработки научных основ управления демографическими процессами. Разработанный подход к анализу процессов развития народонаселения при помощи построения графа функционирования, на основе демографических моделей выбытия, может быть применен не только в исторических исследованиях, но и при анализе современных проблем народонаселения в отдельной стране или регионе.

Результаты исследования и его отдельные положения использовались Центром по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова при работе над темой “Развитие общей теории и политики народонаселения”.

Основные результаты работы докладывались и обсуждались на теоретических семинарах отдела теории и методологии изучения народонаселения Центра по изучению проблем народонаселения и на кафедре народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова в 1982-1983 годах.

Глава I. РАЗРАБОТКА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Почти во всех работах, посвященных современным проблемам демографии, в той или иной степени затрагиваются общие вопросы изучения народонаселения и, в частности, вопросы методологии. Это не случайно. Демография, будучи относительно молодой наукой, еще не сформировала окончательно свой понятийный аппарат, не выработала общепринятых методологических схем анализа.¹ В этой связи и исследование истории развития народонаселения необходимо начинать с решения некоторых методологических вопросов, с определения важнейших исходных понятий.

Методология любой науки формируется под воздействием двух основных факторов. Во-первых, некоторых общенаучных принципов, отражающих определенное мировоззрение. Во-вторых, под воздействием конкретных исследовательских целей и задач, обусловленных степенью познания объекта изучения, с одной стороны, и нуждами практики - с другой. Демография является общественной, а следовательно классовой наукой. Поэтому в современном мире существует марксистская демография, основывающаяся на принципах исторического и диалектического материализма, и буржуазная демография, в методологии которой преобладают позитивистские мировоззренческие принципы.²

Становление демографии как самостоятельной общественной науки идет по пути превращения ее из преимущественно индуктивной в преимущественно дедуктивную. Это направление развития демографии, кроме внутринаучных причин, обусловлено специфической задачей управления демографическими процессами, поставленной практикой сегодняшнего дня. Решение этой задачи только начинается, и для успеха в этом деле требуется подходить к изучению любого демографического

¹ Большую роль в разработке методологических основ изучения развития народонаселения сыграла коллективная монография "Система знаний о народонаселении" под ред. Д.И.Валентя, М., 1976

² См. Коростылев Г.М., Краев В.С. Буржуазные концепции народонаселения. М., 1981, с.62 и след.

процесса или явления с особой, управленческой точки зрения, с учетом общих законов управления, которые могут быть ориентирами при изучении специфики управления демографическими процессами. Не является исключением в данном случае и изучение исторического развития народонаселения, которое является необходимым моментом познания сущности явлений сегодняшнего дня и предвидения будущего хода событий, а не простым сбором исторических фактов и расположением их в хронологическом порядке.

Задачей данной главы является уточнение некоторых понятий общей теории народонаселения применительно к историческому анализу и разработка такого принципа периодизации развития народонаселения, который можно использовать не только в исторических исследованиях, но и при решении проблем сегодняшнего дня. Этот принцип должен методологически связать воедино всю историю развития народонаселения, показать общие и основные черты этапов этого развития.

1.1 Качество и развитие народонаселения

Изучение народонаселения в историческом разрезе имеет своими базовыми методологическими категориями понятия качества и развития народонаселения. В настоящее время существует довольно широкая литература, в которой в той или иной мере раскрывается содержание этих понятий, но общепринятой точки зрения на этот вопрос не выработано. Главная проблема здесь заключается в определении соотношения понятий “народонаселение” и “общество”, и существующие позиции исследователей можно условно разделить на две группы (внутри которых тоже нет полного методологического и идейного единства).

К первой группе относятся определения, в которых решительно разделяются общество и народонаселение как система и подсистема, как целое и часть. Так, О.В.Лармин, считая народонаселение социальной подсистемой общества, пишет, что оно “включает в себя далеко не все связи, существующие между людьми и группами людей в обществе. Оно

включает в себя связи и отношения, которые обуславливают протекание только демографических процессов”.¹ Но в дальнейшем анализе, признавая народонаселение открытой системой, автор сближает это понятие с понятием “общество”. Это сближение происходит при определении демографических процессов, к которым О.В.Лармин относит все общественные процессы, непосредственно определяющие изменение количественных и качественных характеристик населения (под последними понимаются “его структура по полу, возрасту, состоянию здоровья, брачности, уровню образования, а также по классовому, этническому, социально-групповому и социально-профессиональному составу”).²

Несколько иную позицию занимает А.Г.Вишневский, который разделяет общество как “большую систему, в рамках которой протекает вся чрезвычайно многообразная социальная жизнь людей”³ и население как “ту же совокупность людей, которая составляет общество, но рассматриваемую только с точки зрения возобновления человеческих поколений”.⁴ Выделяя народонаселение в качестве функциональной подсистемы общества и признавая эту подсистему открытой, постоянно взаимодействующей с социальной (в узком смысле) и экономической подсистемами, автор в то же время наделяет ее “механизмами управления своим поведением “изнутри”, механизмами самоуправления, подчиненными внутренним же ориентирам ее функционирования”⁵, а также свойством демографического гомеостаза.

Обе указанные позиции имеют своей общей чертой то, что население как онтологическая категория противопоставляется обществу, но различаются они (позиции) определением внутренней-внешней среды подсистемы “народонаселение”. Вопрос о границе между системой и средой очень сложен, критерием определения этой границы может быть

¹ Лармин О.В. Методологические проблемы изучения народонаселения. М., 1974, с.21

² Лармин О.В. Указ.соч., с.23

³ Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М., 1982, с.7

⁴ Там же, с.8

⁵ Там же, с.18-19

прямое, непосредственное участие определенного объекта, явления или процесса в создании свойств системы.¹ Если О.В.Лармин, рассматривая народонаселение как открытую систему, органично пришел к сближению понятий “население” и “общество” и, таким образом, к отрицанию своей изначальной предпосылки, то А.Г.Вишневский, напротив, последовательно проводя разделение внутренней и внешней среды населения (демографической системы), приходит к выводу о демографическом самоуправлении, о самостоятельности демографической подсистемы. Мы не можем согласиться с выводами А.Г.Вишневского и с его методологией, потому что при ее последовательном проведении общество будет представлено не в качестве целостной системы, а в виде механической суммы по крайней мере двух самостоятельных подсистем: демографической, имеющей, по мнению автора, внутренние ориентиры развития, и экономической, которая, как известно, имеет внутренний источник развития - противоречие между производительными силами и производственными отношениями.²

Ко второй группе определений можно отнести такие, в которых понятия “народонаселение” и “общество” сближаются. Так, В.И.Козлов считает, что термин “общество” чаще всего употребляют для обозначения коллектива людей, характеризующегося исторически сложившимся уровнем развития производительных сил, определенными производственными отношениями и т.д., приближая его к понятию “народонаселение”, которое также всегда привязывается к определенной социально-экономической формации.³ Сближают, в известном смысле, понятия “народонаселение” и “общество” и Б.Д.Бреев, Д.И.Валентей, Н.В.Зверева, В.М.Медков, которые особое внимание уделяют гносеологическому статусу категории “народонаселение”, разделяя понимание его как объекта изучения множества наук (в этом плане

¹ Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. М., 1981, с.32

² Этот недостаток методологии А.Г.Вишневского отмечает В.П.Пискунов: “О периодизации мирового демопроцесса”. Киев, 1982, с.45-50

³ Козлов В.И. Динамика численности народов. М., 1969, с.5

понятия общество и население близки) и как предмета исследования отдельных наук, входящих в более широкую систему научных знаний.¹

На наш взгляд, это наиболее перспективное направление методологических исследований основных категорий общей теории народонаселения. И обусловлено это тем, что здесь на основе определения гносеологического статуса категории “народонаселение” происходит выделение в демографическом исследовании моментов, которые являются общими с точки зрения марксистско-ленинской теории познания. Это, в свою очередь, позволяет методологически увязывать изучение народонаселения и общую теорию народонаселения с изучением других сторон общественной жизни, с другими общественными науками. Но изложенные точки зрения имеют и определенные недостатки, в частности, недостаточное внимание уделяется определению онтологического статуса категории “народонаселение”. Хотя мы в целом разделяем позицию этих авторов, но считаем, что она нуждается в некотором уточнении.

Познание объективного мира идет от созерцания чувственно-конкретного, через анализ и построение абстрактного образа реального явления к воспроизводству его как духовно-конкретного путем синтезирования конкретных понятий, теорий или систем знаний. Реальным объектом изучения всех общественных наук является общество, представляющее собой целостную систему, а целью комплекса общественных наук является познание общества как целостной системы. Каждая отдельная общественная наука конструирует свой собственный предмет, концентрируя внимание не на всем многообразии фактов, а лишь на тех, которые кажутся существенными с точки зрения решения конкретных практических задач. И именно успешность решения конкретных задач является критерием правильности отбора фактов и установления причинно-следственных связей между явлениями.

Общество как целостная система состоит из четырех основных групп компонентов: 1) вещных, то есть из результатов предметной деятельности людей; 2) процессов (то есть самой деятельности) экономических,

¹ Система знаний о народонаселении. М., 1976, с.66-71

социальных, демографических; 3) общественных идей, существующих в сознании людей и являющихся результатом их духовной деятельности и 4) самих людей, представляющих основной компонент общества, абсолютно необходимый момент его существования.¹ В бытии только общество выступает как конкретное во всем многообразии его проявлений. Можно выделить реальные подсистемы общества. Если рассматривать в целом человеческое общество, то ими будут: мировые системы капитализма и социализма, отдельные государства, регионы, производственные коллективы, семья и другие группы, и каждая из этих подсистем будет включать все четыре компонента.

При таком понимании общества предметом демографии и ее задачей является изучение деятельности людей, результатом которой является “производство самого человека, продолжение рода”.² Народонаселение выступает в данном случае как системное понятие, характеризующее одну из сторон реального общества.³ Оно выступает как абстрактная модель, отражающая одну из сторон действительности, то есть как концептуальная схема, являющаяся определенным способом организации знаний, сведений, то есть информации об изучаемой системе (т.е. об обществе - А.А.).⁴

Таким образом, схема познания выглядит так: от чувственно-конкретного, от реального общества с помощью определенной процедуры осуществляется переход к абстрактной модели, характеризующей лишь одну из сторон общественного организма; здесь конкретное подвергается “испарению путем превращения его в абстрактные определения”.⁵ Затем идет теоретическое изучение вновь созданного объекта, аналога реальной системы. “... абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления”⁶: духовно-конкретное предстает в

¹ См. Афанасьев В.Г. Указ.соч., с.21-24

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.21, с.26

³ Подобное понимание предмета науки о народонаселении содержится в “Системе знаний о народонаселении”, с.68

⁴ Афанасьев В.Г. Указ.соч., с.40

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.46, ч.1, с.37

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.46, ч.1, с.37

виде теории развития народонаселения, критерием истинности которой является осуществляемая на ее основе практическая деятельность.

Понимание народонаселения как целостной характеристики общества - это только первый шаг в раскрытии его качества. Дальнейший анализ качества народонаселения можно осуществить с помощью особого понятия “синергия” (от греческого “синергос” - совместно действующий).

Исследование сложных систем определяет необходимость использования целостных описаний, не сводимых к определенному набору признаков или к детальным описаниям. Например, атмосфера изучается с различных точек зрения, и ее целостными описаниями будут: погода, возможность распространения радиоволн, чистота и т.д. Подобные целостные понятия, связываемые с устойчивой подсистемой взаимозависимых признаков, характеризующих данную систему, называются синергией.¹ Классическим примером синергии является температура, представляющая собой целостную характеристику состояния газа, хотя формально-логически это состояние надо характеризовать путем описания скорости и траекторий отдельных молекул. Синергия - это определенный способ организации информации о сложных системах.

Общество представляет собой сложную целостную систему, и мы организуем получаемую при восприятии информацию при помощи синергий (население, экономика, идеология и т.д.). Выбор синергий определяется точкой зрения, с которой общество изучается, и целью изучения. Если попытаться детально описать любую из этих синергий, то мы получим бесконечный ряд признаков, которые невозможно правильно организовать из-за обилия информации.

Народонаселение - это синергия общества, с помощью которой организуется знание о нем. Потребность в появлении такой синергии

¹ Основные принципы этого подхода развиты при анализе живых систем в работе: Васильев Ю.М., Гельфанд И.М., Губерман Ш.А., Шик М.Л. Взаимодействие в биологических системах. - “Природа”, 1969, № 6, с.13-21, № 7, с.24-33. Использование их на практике оказалось весьма эффективным, см. Гельфанд И.М., Розенфельд Б.И., Шифрин М.А. Структурная организация данных в задачах медицинской диагностики и прогнозирования. М., 1982 (предварительная публикация)

возникает лишь на определенном этапе общественного развития, когда усложнение общественной жизни достигает такой степени, что такие понятия, как люди, жители, народ становятся недостаточными для организации информации об обществе. Характерно, что само понятие и термин возникают почти спонтанно и сразу же получают достаточно широкое распространение.¹

Существуют различные уровни описания общества как целостной системы. На самом высоком уровне (а следовательно, на самом простом и абстрактном) оно описывается при помощи синергий типа “народонаселение”. На втором уровне происходит описание синергий первого уровня при помощи более элементарных понятий, которые тоже являются синергиями. Далее синергии второго уровня описываются при помощи синергий третьего уровня, и т.д. Здесь мы имеем дело с методологически важным моментом, который заключается в том, что синергия предполагает всегда наличие двух уровней и служит связующим звеном между ними. Она является мостиком от детального описания к описанию более простому и целостному. Специфика синергии как целостной характеристики заключается в том, что по синергии верхнего уровня нельзя полностью восстановить детали нижнего, а верхний уровень не определяется однозначно нижним, но зависит от структуры целостной системы.²

Синергиями (целостными характеристиками) народонаселения являются, на наш взгляд, три основных понятия. Во-первых, это демографическая структура, которая на поверхности явлений выступает как соотношение возрастно-половых групп, определяемое интенсивностью демографических процессов. Демографическая структура, с одной стороны, является результатом деятельности людей по производству и воспроизводству жизни себе подобных, а с другой -

¹ О возникновении термина “население” (“народонаселение”) подробнее см. Шелестов Д.К. Возникновение демографической науки. Вестн. Моск.ун-та, сер.6 “Экономика”, 1982, № 4, с.63-64

² Вывод о самостоятельности и самоуправляемости демографической системы как раз основывается на том, что по режиму воспроизводства населения нельзя полностью восстановить состояние общества, а по состоянию общества (общественно-экономическая формация) нельзя сделать однозначный вывод о состоянии демографических процессов. Это противоречие преодолевается с помощью понятия синергии и учета целостности общества как системы.

представляет саму эту деятельность, фиксируемую сознанием как демографические процессы рождаемости и смертности. Демографическая деятельность или, как принято говорить, демографическое поведение определяется системой отношений, складывающихся в процессе демографического производства и по его поводу.¹

Самым древним демографическим отношением является, видимо, отношение «родители – дети», затем появились такие отношения как «муж – жена», «брат – сестра» и др. Фактически, развитие системы родства – это развитие демографических отношений. Первоначально все они служили только упорядочению половых отношений в коллективе. Впоследствии, с появлением института собственности, отношения собственности и наследования имущества наложились на демографические отношения, и возникло впечатление, что демографический характер их вообще утрачен. На самом деле этот характер сохранился до наших дней, а сами демографические отношения будут существовать вечно.

Демографический характер отношений «муж, жена, дети, братья и сестры» выпал из поля зрения уже в древнем мире. И Платон, и Аристотель, строившие модели идеальных обществ, обосновывали необходимость ограничения половых отношений между родственниками по преимуществу соображениями этики.²

Демографическими можно назвать отношения, возникающие в процессе демографического воспроизводства и по его поводу. Они могут существовать в различных формах: это и системы родства (родственные отношения), и социальные нормы, и различные традиции и обычаи, регулирующие демографическое поведение и демографическое воспроизводство. С развитием общества меняется историческое содержание демографических отношений, но сами они существуют всегда.

¹ Вишнеvский А.Г. Указ.соч., с.37

² См. Платон. «Государство», V, 4616; Аристотель «Этика», VIII, 14, 19; «Политика», VII, 15

Структура общества как целостной системы представляет не только отношения людей друг к другу, но и отношения между различными сферами общественной жизни – экономической, политической, идеологической, демографической и т.д.¹ Поэтому характеристика народонаселения с помощью только демографической структуры будет неполной. В этой связи мы выделяем еще две важнейшие характеристики (синергии). Это – социальная структура, прежде всего социально-экономическая структура, которая играет решающую роль в общественном развитии и особая структура взаимодействия между социальной и демографической структурами.²

Социально-экономическая структура «работает» как бы на двух теоретических уровнях. С одной стороны, она является важнейшей синергией общественной системы в целом, а с другой – она является синергией народонаселения (и любой другой синергии первого уровня, кроме себя самой), так как с помощью ее в данном случае решается задача определения субординации процессов и отношений в обществе, вскрываются функциональные и причинные связи.³

Вопрос о координации экономической и демографической функций общества был в общих чертах решен еще классиками марксизма. Рассматривая проблему изменения исторической роли семьи в развитии общества, К.Маркс и Ф.Энгельс отмечали: «Эта семья, которая вначале была единственным социальным отношением, впоследствии, когда умножившиеся потребности порождают новые общественные отношения, а размножившееся население новые потребности, семья становится (...) подчиненным отношением»⁴ (подчеркнуто нами). В дальнейшем, после выхода в свет книги Л.Г.Моргана «Древнее общество», в которой было

¹ Афанасьев В.Г. Общество: познание, системность и управление, с.25

² Подход к развитию народонаселения как взаимодействию между демографическим и социальным развитием осуществлен в работах: Особенности демографического развития в СССР, под ред. Р.С.Ротовой, М., 1982, с.3-21; Коростылев Г.М., Краев В.С. Буржуазные концепции народонаселения. М., 1981, с.14, но в них не рассматривалась специально структура этого взаимодействия.

³ «Население – это абстракция, - писал Карл Маркс, если я оставлю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю основ, на которых они покоятся...» Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.12, с.726

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.3, с.27

доказано, что первоначально социальное развитие заключалось в изменении организации общества на основании различия полов, а демографическая и экономическая функции были слиты воедино, Ф.Энгельс, развивая тезис, высказанный еще в «Немецкой идеологии», писал: «Общественные порядки, при которых живут люди определенной эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства (непосредственной жизни – А.А.), степенью развития, с одной стороны, - труда, с другой, - семьи».¹ Это положение является методологической основой определения как места и роли функциональных подсистем (экономической и демографической, - принципиально отличающихся от социальных подсистем: индивид – семья – класс – государство) в обществе, так и законов самостоятельного развития каждой из них.²

Отношения координации и субординации представляют собой устойчивую структуру, которая обеспечивает сохранение качественного своеобразия и устойчивости общественной системы в целом. Эта устойчивость структур позволяет говорить о наличии в обществе особых механизмов управления, которые обеспечивают целостность, сохранение, функционирование и развитие системы. В этой связи мы предполагаем, что третьей важнейшей характеристикой народонаселения является управление взаимодействием между демографической и экономической структурами.

Определение народонаселения как целостной характеристики общества, представление его в качестве абстрактной, теоретической системы, элементами которой являются демографическая и

¹ Там же, т.21, с.26

² Отметим, что это положение основоположников научного коммунизма не воспринималось и не воспринимается однозначно. Его оспаривал К.Каутский, считавший положение Энгельса простой игрой слов, не имеющей теоретического значения (Каутский К. Размножение и развитие в природе и в обществе, Харьков, 1923, с.101). этот тезис признается ошибочным в предисловии издательства к конспекту К.Маркса книги Л.Г.Моргана «Древнее общество» (Архив Маркса и Энгельса, М., 1941, т.IX, с.IV-V). Эта позиция основана, на наш взгляд, на подмене анализа целостной организации общества, рассмотрения координации и субординации функций и элементов системы, поиском только однозначных причинно-следственных связей. В настоящее время тоже нет единой точки зрения на это положение; см., напр., Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество, с.18-19 и Пискунов В.П. О периодизации мирового демопрцесса, с.31-44

экономическая структуры, а также управление взаимодействием между ними, являются всеобщим, а потому неполным, абстрактным, в нем не учитывается момент развития. Учет этого момента заставляет обратиться не к рассмотрению народонаселения как качества вообще, а к рассмотрению его исторического качества.

Общество непрерывно развивается – это является всеобщим законом, развивается и народонаселение, как целостная характеристика общественной системы. Для раскрытия специфики исторического развития народонаселения категория качества является недостаточной. Необходим его анализ со стороны пространственно-временных границ и структуры, то есть со стороны количества. В этом случае качество будет выступать как качественно-определенное количество или мера.¹

Анализ развития народонаселения можно проводить на основании рассмотрения исторического изменения его синергий. Экономическая структура общества, развиваясь, проходит определенные этапы, эти этапы развития описываются категорией общественно-экономической формации. Она представляет собой отражение меры развития, то есть такого предела, при достижении которого количественные изменения ведут за собой изменения качества. Таким образом, хотя бы одна синергия народонаселения меняет свое историческое качество в ходе развития общества.

С количественной точки зрения в развитии демографической структуры можно выделить два периода: период сочетания высокой смертности и высокой рождаемости и период сочетания низкой смертности и низкой рождаемости. Разные интенсивности демографических процессов определяли разную демографическую структуру. Постольку поскольку изменялись экономическая и демографическая структуры, изменялось и взаимодействие между ними, а следовательно и управление ими.

¹ На необходимость рассмотрения характеристик населения как единства количества и качества указывал Ю.А.Бжилянский, см. Управление развитием народонаселения в СССР, под ред. А.Я.Кваши, М., 1977, с.58-59

При анализе развития народонаселения встает задача выбора меры этого развития. Мы полагаем, что в основу этого выбора может быть положена категория «общественно-экономическая формация», так как с ее помощью можно наилучшим образом увязать количественные и качественные изменения народонаселения. Такая методологическая позиция позволяет рассмотреть прямую и обратную зависимость перехода количественных изменений в качественные. Развитие производительных сил общества в определенный момент времени приводит к качественному скачку в системе производственных отношений, к качественному изменению социальной структуры. В свою очередь это ведет к изменению специфики взаимодействия между социальной структурой и демографической, что, в свою очередь, обуславливает изменение демографических отношений и может вести к изменению количественных характеристик режима воспроизводства численности населения и к изменению демографической структуры в целом. Для того, чтобы лучше обосновать выбор общественно-экономической формации в качестве методологической базы периодизации развития народонаселения, необходимо рассмотреть отдельно историческое движение его характеристик, и в особенности – управления взаимодействием социальной и демографической структур, так как этот вопрос является наименее разработанным и наиболее спорным.

1.2. Методологические основы изучения управления. Исторические типы социального управления

Управление – внутреннее свойство общественной системы, присущее ей на любом этапе исторического развития, оно вытекает из системной природы общества, из общественного характера труда.¹ Управление согласовывает функции различных подсистем общества, подчиняя деятельность подсистем нижнего уровня деятельности подсистем верхнего уровня. Оно согласовывает также различные функции каждой отдельной подсистемы, благодаря чему деятельность подсистем является

¹ Афанасьев В.Г. Общество, системность, познание и управление, с.29

целостной. Таким образом, любая функция каждой социальной подсистемы находится на пересечении двух координат: с одной стороны, она должна быть согласована с другими функциями этой подсистемы, а с другой – целостная деятельность этой подсистемы должна быть подчинена деятельности подсистемы более высокого уровня и, в конечном итоге, функционированию общества как целостной системы.

Эта структура взаимосвязей отчетливо прослеживается на примере демографической функции семьи. Семья представляет собой подсистему общества, в которой осуществляется производство самого человека, но она выполняет и другие функции: бытовую, экономическую, духовную и т.д. Жизнедеятельность семьи является целостной, то есть не сводится к простой сумме ее функций, мало того, выполнение каждой из функций семьи в отдельности не является для нее абсолютно необходимой. В различные исторические периоды одни функции выходят на первый план, другие – могут подавляться. Так, например, снижение рождаемости ниже уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения, означает, что условия деятельности семьи на современном этапе каким-то образом подавляют выполнение демографической функции. Но деятельность семьи как социального института подчинена обществу в целом, для которого выполнение демографической функции семьи является абсолютно необходимым условием существования. Поэтому общество может оказывать воздействие на семьи, с целью стимуляции выполнения ею демографической функции. Такое воздействие может осуществляться в виде государственной политики: на XXVI съезде КПСС подчеркивалось, что главный путь решения обострившихся проблем народонаселения – «усиление заботы о семье, молодоженах и, прежде всего, о женщине. Ведь каждому ясно, как нелегко порой сочетать обязанности матери с активным участием в производстве и общественной жизни»¹ (подчеркнуто нами).

Управление демографическими процессами не сводится только к мероприятиям, направленным на укрепление демографической функции

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с.54

семьи. В настоящее время существует целый ряд работ, в которых отстаивается концепция комплексного подхода к управлению народонаселением, то есть одновременного и согласованного воздействия на все его характеристики, и в которых это управление рассматривается как подсистема единого социально-экономического управления обществом.¹ Подобный подход к проблеме нам представляется единственно верным, но методологическая разработка его, на наш взгляд, еще не завершена. Это обусловлено тем, что в существующих работах главное внимание уделяется анализу специфики управления демографическими процессами, и в меньшей степени рассматриваются общие моменты любых процессов и систем управления. Но познание специфики не может быть полным без учета общего, в данном случае без учета общих законов управления, которые должны служить ориентирами и наполняться специфическим содержанием в ходе конкретных демографических исследований.

Отметим, что в целом в настоящее время существует тенденция к учету общих моментов при анализе проблемы управления демографическими процессами. Об этом говорит широкое употребление термина «управление», который утвердился в демографическом языке относительно недавно, до этого говорили о «демографической политике». Хотя оба термина взаимосвязаны, между ними существует разница: использование понятия «демографическая политика» ориентирует на выбор и определение приоритета целей управления, тогда как использование понятия «управление» подразумевает изучение организации, средств и методов достижения этих целей. В настоящее время речь идет о программно-целевом подходе в управлении демографическими процессами, суть которого состоит в том, чтобы подчинить решение частных вопросов достижению общих целей, стоящих перед обществом.

¹ Помимо упоминавшейся «Системы знаний о народонаселении, надо отметить работы: «Управление развитием народонаселения в СССР», под ред. А.Я.Кваши, М., 1977; «Основы управления развитием народонаселения», под ред. Н.В.Зверевой, М., 1982; «Управление демографическими процессами» (Народонаселение, вып.29), М., 1980, а также ряд статей Д.И.Валентя

Общие законы, свойственные любому виду управления, в том числе и управлению демографическими процессами, раскрыты кибернетикой. До кибернетики «внимание обращали не на то, что есть общего в различных процессах и системах управления, будь то жизнь, экономика или техника, а на специфику этих процессов в различных областях».¹ Кибернетика рассматривает управление как циклический, информационный процесс, носящий антиэнтропийный характер, который упорядочивает систему в целом. Управление – это свойство особых, сложных динамических систем. В таких системах можно выделить управляемую и управляющую подсистемы, хотя на практике это сделать иногда довольно сложно. Суть управления состоит в том, что управляющая подсистема получает информацию² о внутреннем состоянии системы и ее внешней среде, перерабатывает ее (формирует цели и программы деятельности), затем передает информацию исполнительным органам (осуществляет собственно управляющее воздействие) и, наконец, осуществляет обратную связь, то есть сравнивает цели и результаты, получает информацию о новых тенденциях, несоответствиях и т.д. Затем цикл управления повторяется вновь.

Не вдаваясь в более подробную характеристику понятий кибернетики, остановим внимание на важнейшем для нас положении о способах организации уровней управления. Общество как целостная самоуправляемая система состоит из ряда относительно автономных самоуправляемых подсистем, которые находятся в иерархическом соподчинении. Это соподчинение выражается в том, что управляющая система более высокого ранга определенным образом настраивает

¹ Бирюков В.Б. Кибернетика и методология науки. М., 1974, с.14

² Понятие информации в кибернетике имеет специфическое содержание, и учет этого содержания важен и при разработке проблем управления демографическими процессами. Информацией называется сообщение, полученное в результате выбора из множества других, и которое уменьшает существовавшую прежде неопределенность. Информация существует в сигнальной форме, сигналом может быть любое явление или процесс реального мира, в том случае, если они несут какую-либо информацию для самоуправляемой системы. В обществе носителями информации являются юридические акты, нормы поведения и т.п. Важное значение имеет разделение информации на накопленную и циркулирующую, так как постановка целей и выработка программ управления происходит на основе сравнения циркулирующей, текущей информации с накопленной, которая организована определенным образом в идеальную информационную модель состояния системы. В обществе роль таких информационных моделей играют теоретические научные системы.

управляющие системы более низкого ранга. Например, деятельность отдельного человека (самоуправляемой подсистемы низшего ранга) направляется семьей, производственным коллективом, социальной группой, классом, обществом. Причем, управляющие системы более высокого уровня могут формироваться двумя способами. Способ организации верхнего уровня управления называется структурным, если он представлен управляющей системой, которая связана с нижним уровнем специальными каналами связи. Примером такого способа организации управления является связь индивид – семья, бригада – производственный коллектив и т.д.¹

Высший уровень управления может быть организован таким образом, что нельзя выделить (структурировать) особую управляющую систему. Такой способ организации высшего уровня управления называется статистическим.² Классическим примером статистической организации верхнего яруса управления является капиталистический рынок, на котором в случайном порядке сталкиваются обособленные товаропроизводители, каким-то случайным образом обмениваются информацией и, в результате этого, формируют индивидуальные программы деятельности. Статистически организована в современном мире и взаимосвязь семья – общество.

Кибернетика, раскрывая общие закономерности процессов управления, дает лишь общую концептуальную схему. Она не способна раскрыть сущность управления демографическими процессами, так как оперирует только всеобщими категориями. Эта методологическая ограниченность кибернетики преодолевается с помощью наполнения этих всеобщих категорий (выделение которых является необходимой ступенью анализа) реальным, конкретным содержанием.

Специфика управления определяется, прежде всего, его объектом. В обществе объектами управления являются его целостные подсистемы, то

¹ См. Ляпунов А.А. В чем состоит системный подход к изучению реальных объектов сложной природы, - в кн.: Управляемые системы. – Новосибирск, 1970, с.7. Его же: Об управляющих системах живой природы, - в кн. О сущности жизни, М., 1964, с.77-78

² Ляпунов А.А. Об управляющих системах живой природы, с.7-8

есть имеющие компоненты всех четырех групп и целый ряд функций (экономическую, демографическую, идеологическую, политическую и т.д.). Управление этими подсистемами заключается в согласовании их функций и оптимизации их деятельности и состояния в целом. Поэтому управление этими системами (социальное управление) является целостным, нерасчлененным. Тем не менее, можно выделить различные стороны, или аспекты, социального управления, соответствующие различным сторонам жизнедеятельности социальных систем (различным функциям) и рассматривать их как особые виды управления, объектами которого будут определенные функции социальной системы, или функциональные подсистемы (экономическая, демографическая, идеологическая и т.д.). Эти функциональные системы выступают в качестве элементов социальных систем и потому не являются самоуправляемыми.¹ Управление функциональными системами выступает, соответственно, как сторона или элемент целостного социального управления, и выделение его происходит не только по объекту управления, но и по специфической цели.² Например, целью экономического управления является оптимизация и согласование производственной деятельности всех общественных подсистем, целью демографического управления является оптимизация демографической функции подсистем общества (индивида и семьи) и ее согласование с другими функциями. Согласование определенной функции с другими как цель управления ею определяет включенность его («отраслевого» управления) в целостное социальное управление. Поскольку

¹ Анализ общества как целостной самоуправляемой системы осуществлен в работах В.Г.Афанасьева: Научное управление обществом. М., 1973; Системность и общество. М., 1980; Общество: системность, познание и управление. М., 1981. Необходимо отметить также работу Г.Г.Васильева «Роль конкретных социологических исследований в научном управлении социальными процессами» (М., 1981), содержащую интересный критический анализ точек зрения на проблему целостности социальной системы.

² Цели управления в обществе можно определить двояко: если управление организовано структурно, то цель представляется в виде идеального образа будущего результата деятельности (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.12, с.718); если же управление организовано статистически, то цель определяется лишь апостериори, как результат. Например, общей целью экономического управления является установление оптимальных пропорций между различными видами конкретного труда, но при капитализме целью каждого производителя являются не оптимальные размеры производства, а получение максимальной прибыли, носителя же общей цели управления вообще нет, тем не менее, эта цель достигается как результат действия закона стоимости

определяющую роль в развитии общества играет материальное производство и отношения по поводу этого производства (экономическая система), постольку можно предположить, что общей целью демографического управления является согласование демографической и экономической функций общества, или оптимизация взаимодействия экономической и демографической структур.

Управление демографическими процессами в обществе представляет собой систему, состоящую из нескольких иерархических уровней. Самый нижний из них – это личность, индивид, который одновременно является и объектом, и субъектом управления. Выбор индивидом определенного стереотипа поведения зависит от накопленной им в период социализации (то есть становления как личности) информации, которая структурируется в систему ценностных ориентаций, в частности в потребность в детях, и от оценки индивидом текущих условий, которые являются внешней средой для его внутреннего мира.¹

Вторым ярусом управления является семья, которая как подсистема общества более высокого, чем индивид, ранга настраивает определенным образом демографическое поведение ее членов. В семье происходит социализация индивидов, формирование у них системы ценностных ориентаций, в том числе и потребности в детях. Семья определяет непосредственное поведение ее членов, поскольку она как малая социальная группа и социальный институт является целостной системой. Как показали специальные исследования, результаты репродуктивной деятельности семьи определяются тремя основными факторами: 1) совпадением-расхождением репродуктивных ориентаций членов семьи (поскольку их ориентация происходила в разных условиях, в разных семьях); 2) типом лидерства и лидером семьи (здесь семья выступает как малая социальная группа) и 3) господствующими в обществе нормами детности и репродуктивного поведения

¹ О структуре репродуктивного поведения и потребности в детях см.: Антонов А.И. Социология рождаемости. М., 1980, с.81-187, а также Бойко В.В. Малодетная семья (социально-психологическое исследование). М., 1980, с.46-151

(престиж семьи с разным числом детей, место ее как социального института в обществе).¹ Все эти три фактора и, в особенности, социальная институционализация семьи, определяют структурную организацию взаимодействия между системами демографического управления первого и второго яруса. Отметим, что и на индивидуальном уровне, и на уровне семьи управление репродуктивной и вообще демографической деятельностью выступает как одна из сторон общего управления жизнедеятельностью системы.

Следующим ярусом управления является социальная группа, к которой принадлежит семья. Этот ярус управления историчен. На ранних этапах истории место такой социальной группы заступал род, состоящий из отдельных семей. В роде организация управления демографическим воспроизводством была структурной: оно было функцией совета рода, следившего за соблюдением правил вступления в брак и табу, причем, это были одни из основных его функций.² По мере исчезновения рода как социального института шла и деструктуризация этого яруса управления. Но этот ярус сохранялся, так как сохранялась гомогенность браков в антагонистических обществах. Основным регулятором выступает здесь социальная групповая норма репродуктивного поведения, а выполнение ее контролируется «общественным мнением» группы. Картина меняется с уничтожением социального антагонизма и увеличением гетерогенных браков. Хотя групповые нормы по-прежнему сохраняются, контроль за их соблюдением может осуществляться только на уровне семьи, в которой принимаются решения. Фактически, групповая норма продолжает играть роль лишь в формировании репродуктивных ориентаций личности. А с увеличением социальной однородности общества значение этого яруса управления сходит на нет.

¹ См. Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и ее проблемы (социально-демографическое исследование). М., 1978, с.24-31, 63-105. Эмпирическая иллюстрация этого положения содержится в работах: Авдеев А.А., Дудченко О.Н. Изучение совпадения мнений мужей и жен о предпочитаемом числе детей, в кн.: Семья и дети. М., 1982, с.61-67; Антонов А.И. Взаимоотношения супругов и репродуктивное поведение семьи, там же, с.67-74

² Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линии человеческого процесса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934, с.43 (в дальнейшем «Древнее общество»)

С высшим ярусом управления – на уровне государства, или в догосударственную эпоху на уровне племени, союза племен и т.п., дело обстоит гораздо сложнее. В различные эпохи управление демографическими процессами, а именно рождаемостью, спорадически структурировалось. Но это было не правило, а исключение. В Древнем Риме государство при помощи специальных законодательных актов пыталось стимулировать рождаемость. При этом не создавалось специального органа, функцией которого было бы исключительно демографическое управление. Начиная с конца XIX века, в капиталистическом государственном аппарате начинают создаваться специальные органы, занимающиеся демографическими проблемами, но они носят не управленческий, а скорее консультативный характер. Создаются также и общественные организации, такие, как «Национальный союз для увеличения населения Франции» и «Мальтузианская лига» в Англии. Во второй половине XX века специальные государственные органы развивающихся стран и международные организации занимаются разработкой и реализацией программ планирования семьи в странах третьего мира. Но доля этого структурированного управления остается ничтожной по сравнению с управлением статистическим.

Социалистическое общество характеризуется ростом структуризации управления всеми сторонами общественной жизни. Первоочередной и важнейшей задачей социалистического общества является структуризация высшего яруса управления экономикой. Необходимость научного управления демографическими процессами ставит на повестку дня задачу структуризации высшего яруса управления (на уровне государства) демографическими процессами.

Специфика любого вида социального управления определяется не только особенностями его объекта, но и всей социальной средой системы, элементом которой этот объект является. Общественное развитие означает и изменение характера социального управления, изменение структуры средств сбора и переработки информации.

Социальное управление имеет свои специфические носители управляющей информации – это обычаи, традиции, юридические акты, законы, социальные нормы и т.д. В различные исторические эпохи в системе управления по-разному осуществляется обратная связь и управляющее воздействие. В каждой конкретной схеме социального управления можно выделить характерные черты, которые образуют устойчивую структуру, что позволяет говорить об определенных исторических типах социального управления.

Демографическое управление как одна из сторон социального – тоже изменяется в ходе развития общества. Хотя сам объект управления – демографические процессы – может не меняться (если их оценивать, например, системой статистических показателей), но задачи, методы и структура управления могут стать совершенно иными. Это связано с тем, что меняется вся внутренняя среда системы, все ее компоненты. Определенное состояние демографических процессов выступает как результат управления и не говорит нам ни о структуре, ни о методах управления. Например, результатом экономического управления и при капитализме, и при социализме является установление пропорций между различными видами конкретного труда, но при капитализме в структуре управления на высшем уровне преобладают рыночные, стихийные регуляторы, а на уровне отдельных предприятий господствует рациональное управление; при социализме на всех уровнях управления господствует рациональное, планомерное управление экономикой.

Сказанное об управлении экономикой в такой же мере относится и к управлению демографическими процессами. Хотя состояние и динамика последних в капиталистическом и социалистическом обществах во многом похожи, структуры управления различны, что обусловлено различной социальной структурой, различиями возможностей социального управления, различием внутренней социальной среды в целом. Ниже мы более подробно остановимся на различии типов социального управления при капитализме и при социализме. Здесь же мы только хотим подчеркнуть, что на основании состояния объекта

управления, результата управления, нельзя судить о всей системе управления в целом. Но наиболее распространенный подход к выделению исторических типов демографического управления основан как раз на сравнении состояний управляемого объекта. Как известно, на протяжении всех докапиталистических формаций рождаемость практически не ограничивалась, что было связано с высокой вероятностью смертности в раннем возрасте и с экономически и социально обусловленной выгодностью многодетной семьи. При капитализме происходит снижение рождаемости, переход к малодетности, которая сохраняется и при социализме. Таким образом, всю демографическую историю, с точки зрения состояния объекта, можно разделить на два больших периода: период многодетности и высокой рождаемости и период малодетности и низкой рождаемости. Отсюда делается вывод о существовании двух типов социально-культурного механизма, управляющего поведением индивида.

Периоду многодетности (высокой рождаемости) соответствует традиционное управление, когда «в самых различных областях своей жизни человек ведет себя в соответствии с окаменевшими правилами, с определенной схемой, которая не предусматривает его личного волеизъявления, его свободного выбора, рационального осмысления его действий».¹ При переходе к малодетности «поведение, основанное на непреложном следовании традиционному образцу, уступает место поведению, в основе которого лежит рациональная мотивация каждого поступка».²

На наш взгляд, концепция двух исторических типов демографического управления имеет ряд методологических недостатков. Прежде всего, потому, что она, как уже отмечалось, основана на сравнении только результатов управления, а не на историческом анализе всей системы в целом. Кроме того, вызывает сомнение противопоставление «рациональности» мотивации современного человека

¹ Вишневский А.Г. Демографическая революция. М., 1976, с.37

² Там же, с.44. Тезис о двух типах социального управления демографическими процессами – один из основных в теории демографического гомеостаза А.Г.Вишневского. Его точку зрения разделяют и другие ученые, см., напр., Дарский Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи. – В сб.: Демографическое развитие семьи. М., 1979, с.97

«иррациональности» человека традиционного. Как справедливо отмечает Дж.Колдуэлл, если рассматривать понятие рациональности не только с экономической, но и с более широкой точки зрения, то возникает необходимость признать, что всякая линия поведения, направленная на соответствие определенным социальным стандартам, является тем самым рациональной.¹

В концепции двух исторических типов управления не учитывается специфика различных ярусов управления в обществе и принципиальная разница между функциональной и социальной системами.

При выделении традиционного типа управления рассматриваются как нижний (индивидуальный) ярус управления, так и верхний (на уровне всего сообщества людей), определяющий характер функционирования нижнего яруса; при выделении рационального типа управления анализируется только самый нижний ярус демографического управления. Проблема организации управляющей системы в обществе в целом не рассматривается вообще, а ведь именно организация верхнего яруса управления демографическими процессами отличает систему управления при капитализме от системы управления при социализме.

Нам кажется, что методологически верно выделить в истории общества три типа социального управления и, соответственно, управления демографического. Каждый из трех типов имеет устойчивую структуру и соответствует определенной исторической эпохе.

В основе выделения трех исторических типов социального управления лежит тезис К.Маркса о трех последовательно сменяющих друг друга типах общественных отношений. «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) – таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости, – такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего

¹ Caldwell J.C. Toward a restatement of demographic transition theory. – Population and Development Review, vol.2, N° 3-4, 1976, p.366

обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние – такова третья ступень».¹

Каждому типу общественных отношений соответствует своя специфическая структура средств сбора и переработки информации. Социальное управление – это сложная, иерархически соподчиненная система, элементами которой являются обычаи, традиции, нормы, статистические и рациональные способы управления. В различные исторические эпохи эти элементы сосуществуют рядом, но доминирующую роль играет какой-нибудь один из них. В зависимости от того, какой регулятор социальной жизни является главным, Г.Г.Васильев предлагает выделить следующие исторические типы социального управления: традиционный, «в структуре которого в качестве главного регулятора выступают обычаи и традиции», и который соответствует отношениям родственным, патриархальным и отношениям личной зависимости; «статистический, где доминирует статистический способ управления, и в-третьих, научный, в котором основным является рациональный механизм управления, подчиненный интересам трудящихся масс и опирающийся на познание и использование законов социального развития».²

Демографическое управление является одной из сторон социального, и поэтому концепция трех исторических типов социального управления может быть применена при исследовании истории развития народонаселения, при изучении социально-экономической детерминации воспроизводства населения в различные исторические эпохи.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.46, ч.1, с.100-101

² Васильев Г.Г., предложивший концепцию трех исторических типов социального управления, не считает термины, применяемые для их обозначения, удачными, но подчеркивает, что они не имеют ничего общего с «терминологией, используемой в буржуазных социологических концепциях для обозначения различных периодов в истории общества». Васильев Г.Г. Роль конкретных социологических исследований в научном управлении социальными процессами. М., 1981, с.34-35

При традиционном управлении опыт поколений накапливается и фиксируется в обычаях и традициях, которые представляют специфический механизм передачи управляющей информации. Усвоение этой информации, содержащейся в традициях, каждым новым поколением представляет собой канал прямой связи, при этом традиции выступают как программы поведения людей и социальной деятельности вообще. Обратная связь при этом типе социального управления представляет собой сравнение поведения индивидов с образцом, опять-таки заданным традицией. При отклонении поведения от образца принимаются определенные меры, связанные, как правило, не с корректировкой программы деятельности (то есть не с изменением обычая), а с корректировкой поведения. Управленческие функции органов родовой, а затем и государственной власти сводятся к надзору за строгим соблюдением существующих норм общественной жизни. Программы деятельности, за редким исключением, не разрабатываются специально управленческими органами, если таковые имеются, а существуют готовыми в обычаях и традициях, которые формируются стихийно-эмпирически.

Демографическое управление возникло на самых ранних этапах развития общества, как упорядочение половых отношений в коллективе и регуляция его численности. Цели традиционного демографического управления не осознавались, а лишь фиксировались в социо-культурных нормах. Поэтому на основании обычаев и традиций, регулировавших демографическое поведение людей, особенно в первобытную эпоху, нельзя точно сказать, чем именно они вызваны к жизни? Ю.И.Семенов считает, что упорядочение половых отношений было обусловлено исключительно нуждами материального производства.¹ Нам же кажется, что его упорядочение, в особенности агамия (запрещение полового общения внутри рода), имело весьма определенные демографические цели. На это указывает исключение половых отношений между кровными родственниками до того, как род стал производственной единицей.

¹ См. Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М., 1966; его же: Происхождение семьи и брака, М., 1974

Объективно агамия была средством соблюдения гигиены расы, а сезонные половые табу обеспечивали сокращение физической нагрузки на женщин в последний период беременности и родов.

При традиционном типе демографического управления существуют и особые управленческие органы, субъект управления. Первоначально субъект управления, видимо, не был выделен структурно, - им был весь социальный коллектив. В дальнейшем, с появлением рода, а затем семьи субъект управления получает структурное оформление, в качестве него выступает совет рода или глава большой патриархальной семьи. Поскольку семья становится основной производственной ячейкой, функции контроля норм демографического поведения остаются в основном в семье. Образовавшееся с появлением классов государство берет на себя юридическую защиту порядка брачных отношений путем регистрации браков и законов о наследовании, важную роль в этом плане играет и церковь, как особый социальный институт.

С развитием капиталистического способа производства традиционный механизм социального управления демографическими процессами постепенно теряет свою доминирующую роль. Это выражается, прежде всего, в ослаблении санкций за несоблюдением традиции и обычая. Сама традиция отходит в прошлое, оставаясь лишь в некоторых ритуалах, и уступает место социальной норме, которая является регулятором демографического поведения личности.¹ Норма фиксируется либо как результат поведения большинства людей данной социальной группы, то есть как результат статистически организованного управления, либо, будучи интернализирована, как потребность личности, как ее установки и ориентации.

Для капитализма характерна высокая динамичность социальной жизни. Это связано с циклическим характером производства и со значительным ускорением научно-технического прогресса. Непосредственное выражение эта динамика находит в довольно быстром изменении условий жизни людей. В этой обстановке в управлении

¹ Антонов А.И. Социология рождаемости. М., 1974, с.81-86

демографическими процессами начинает превалировать статистический механизм.

Статистическое управление демографическими процессами имеет следующую структуру. В процессе социализации индивид получает информацию, зафиксированную в социальной норме, выступающей как результат прошлой демографической деятельности; на основе этой информации у него складывается система демографических потребностей, установок и ориентаций. Для реализации своих демографических потребностей индивид выбирает вариант поведения, который представляется ему наилучшим. При воплощении этого варианта в жизнь происходит постоянная корректировка программы деятельности в зависимости от изменяющихся условий жизни. Причем эта корректировка может быть столь значительна, что достигнутый результат будет сильно отличаться от запланированного.¹ Таким образом, хотя бы на уровне личности и отдельной семьи, казалось бы, происходит вполне сознательная постановка целей и разработка программ их достижения, в целом ясно, что их деятельность направляется не при помощи сознательно составленной программы, а стихийными механизмами рыночной регуляции. «Стихия рынка, - пишет В.Г.Афанасьев, - при капитализме является главной управляющей силой не только производства, но и социальных отношений: она заставляет людей действовать (независимо от того, каковы их собственные силы) соответственно природе, требованиям социальной системы».² Название «статистический» в данном случае подчеркивает, что корректирующую информацию о текущих условиях жизни индивид и семья (нижние ярусы управления) получают в случайном режиме (информацию о состоянии всей системы в целом). Если при традиционном управлении незыблемость стереотипов поведения подкрепляется неизменностью условий жизни, то при статистическом

¹ «Индивиды, - отмечает К.Маркс, - подчинены общественному производству, существующему вне их наподобие некоего рока, а не общественное производство подчинено индивидам, которые управляли бы им как своим достоянием. Поэтому ничего не может быть ошибочнее и нелепее, нежели на основе меновой стоимости и денег предполагать контроль объединенных индивидов над их совокупным производством». - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.46, ч.1, с.101-102

² Афанасьев В.Г. Научное управление обществом. М., 1973, с.45

управлении известны только прошлые и текущие условия, будущие же остаются неизвестными, непредсказуемыми.

Периоду господства непосредственно общественных отношений соответствует научный тип управления социальными, в том числе и демографическими, процессами. Его специфика заключается в том, что оно опирается на знание объективных закономерностей развития управляемой системы. Это знание является достаточным условием осуществления научного управления. Необходимым условием является общественная собственность на средства производства. Научное управление может осуществляться только как комплексное воздействие на все стороны общественной жизни. Если какие-то процессы не являются объектом централизованного управления, то их спонтанное развитие будет играть роль стихийного регулятора развития всей общественной системы в целом.

Социалистическое общество – первое в истории не приспособляется к действию объективных законов, а сознательно их использует. Научное управление социальными процессами играет доминирующую роль в социалистическом обществе, но при социализме сохраняется и элемент стихийности в управлении, так как сохраняются еще овеществленные, товарно-денежные отношения, играющие подчиненную роль, и остаются непознанными некоторые объективные законы, которые и играют роль стихийных регуляторов. Поэтому одним из показателей развития коммунистического общества в целом является увеличение доли научного управления социальными процессами.

Научное управление демографическими процессами является необходимым элементом управления развитием народонаселения и всей социальной системы в целом. Оно является исторически необходимым моментом развития общества, а не следствием неблагоприятной демографической ситуации. Цели научного управления демографическими процессами могут определяться состоянием этих процессов, но разработка программы достижения этих целей должна основываться на анализе состояния всего общественного организма. Это

означает, что все мероприятия, разработанные в рамках программы достижения демографических целей, должны оцениваться с точки зрения их согласованности с программами управления другими сторонами общественной жизни. Эта оценка ведет к взаимной увязке программ социального управления и выработке единой программы развития общества на данный период времени (см. Рис.1).

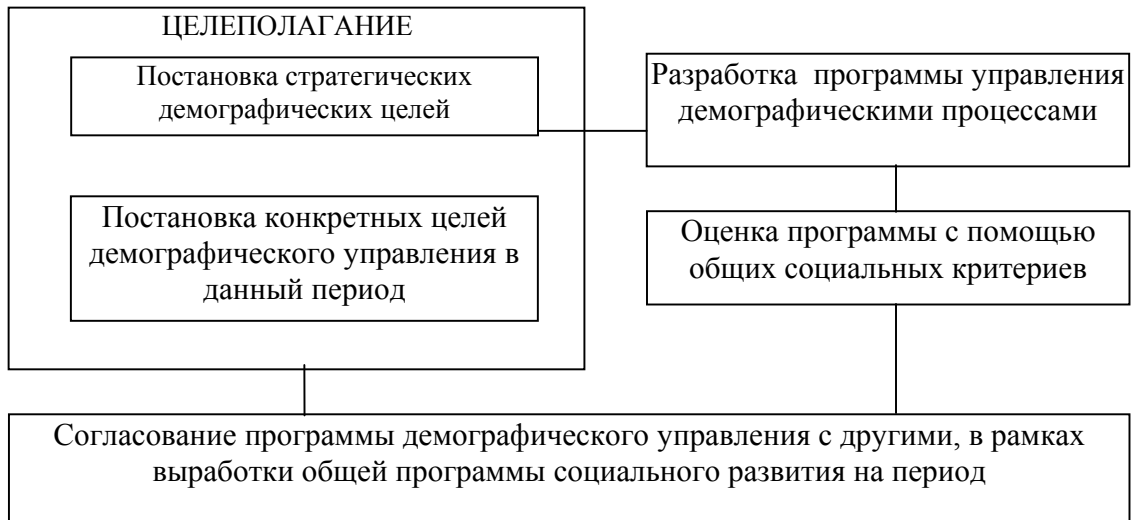


Рис.1. Схема разработки конкретных целей научного управления демографическими процессами

Понятие управления демографическими процессами, как одной из сторон социального управления, с учетом его количественно-информационной основы и общей для всех видов управления структуры, является одним из важнейших элементов методологической базы разработки общей теории развития народонаселения. Выделение трех типов социального управления: традиционного, статистического и научного, дает ключ не только к познанию закономерностей развития народонаселения, определению его этапов, но и к разработке подхода к решению практических задач. В известном смысле, концепция исторических типов социального управления демографическими процессами решает проблему возможности и необходимости сознательного демографического управления в масштабах общества и дает концептуальную схему анализа проблем народонаселения. Она имеет большое методологическое и эвристическое значение, помогает четче

сформулировать конкретные исследовательские задачи при изучении особенностей демографического управления на различных исторических этапах развития общества.

1.3. Понятие типа народонаселения

История общества, как всеобщая, так и демографическая, выступает в виде последовательности целого ряда событий, одни из которых являются закономерными, а другие – случайными. Собственно исторический метод познания подразумевает изучение всех событий и явлений во всем их многообразии. Поэтому исторический метод дает знание лишь о единичном, отдельном, тогда как конкретное знание о целостной системе, о закономерностях ее функционирования и развития получить только с его помощью нельзя. Недостатки исторического метода преодолеваются при помощи специального изучения общего, повторяющегося в развитии общества – логическим методом. Последний представляет по своей сути систематизированный исторический метод, историю, очищенную от второстепенных событий и случайностей. «В этом смысле, - писал К.Маркс, - ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу».¹

Логическое и историческое едины, и абсолютизация какого-либо одного метода ведет или к пустому теоретизированию, или к потере перед миром фактов и явлений. Логический метод дает базу для конкретных исторических исследований. Как правило, исследователь имеет перед собой объект в его развитой форме, с помощью научных абстракций он восстанавливает исходную форму для того, чтобы вернуться к развитой форме, логически восстановив развитие данного объекта. Логическое дает концептуальную основу для обобщения исторических фактов и получения, таким образом, конкретного знания.

Одним из моментов логического метода является построение теоретической модели, отражающей существенные, с точки зрения

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.46, ч.1, с.39

определенной исследовательской цели, связи реального объекта. В демографии роль такой модели играет народонаселение, как системное понятие, отражающее одну из сторон реального общества.¹ Об основных элементах народонаселения как теоретической модели мы уже говорили в терминах синергий, от которых достаточно просто перейти к системному представлению народонаселения. Сущность этой процедуры состоит в представлении всех синергий народонаселения в качестве теоретических терминов, связанных между собой определенными правилами логического вывода, а с реальными сторонами жизни общества, идеальными образами которых они являются, - правилами соответствия. Общей целью исследования будет нахождение правил логического вывода (взаимосвязей между терминами) и эмпирическая интерпретация полученных теоретических результатов.² Синергии как теоретические термины будут являться компонентами теоретической системы.

Каждый из компонентов системы «народонаселение» образует особую подсистему, имеющую определенное функциональное назначение, и потому может рассматриваться как относительно независимый, имеющий самостоятельные тенденции, и только взаимодействие всех компонентов ведет к возникновению системных качеств.

Социальная и демографическая структуры определяют пространственно-временную организацию народонаселения. Каждой

¹ «Под моделью понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отражая или воспроизводя объект исследования, способна замещать ее так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте» - Штофф В.А. Моделирование и философия. М.-Л., 1966, с.19. Как считает В.Г.Афанасьев, модель должна удовлетворять следующим требованиям: 1) быть соответствием, подобием системы-оригинала, но это сходство не может быть полным, так как потеряется специфика модели; 2) быть целенаправленной, то есть ее параметры должны быть увязаны с поставленной перед системой целью, с ожидаемым результатом; 3) быть относительно свободной от субъективных мнений разработчиков модели (Общество: системность, познание и управление, с.196-197)

² Нетрудно видеть, что в данном случае мы имеем дело с гипотетико-дедуктивной моделью. «Их термины, - пишет К.Гемпель, - представляются узлами, тогда как нити, связывающие, частично являются определениями, частично же – основными и производными гипотезами теории. Вся система держится, так сказать, над плоскостью наблюдения с помощью правил интерпретации... От некоторых данных наблюдения мы можем восходить, посредством одной из интерпретативных нитей, к некоторым пунктам теоретической сети, от них – через определения и гипотезы – к другим пунктам, от которых другие интерпретативные нити вновь ведут к плоскости наблюдения» (цит. по кн.: Карнан Р. Философские основания физики. М., 1971, с.350). О структуре гипотетико-дедуктивной модели см. Меркулов И.П. Гипотетико-дедуктивная модель и развитие научного знания. М., 1980

общественно-экономической формации, этапу развития социальной структуры, соответствует определенная общность людей: первобытному обществу соответствуют род и племя, рабовладельческому и феодальному – народность и национальность, капиталистическому – нация. В рамках этих исторических общностей замыкаются почти все процессы воспроизводства социальной и демографической структур.¹ Включенность индивидов в конкретные социальные отношения определяет пределы интеграции системы. При изучении закономерностей воспроизводства населения в различные исторические эпохи, необходимо брать в качестве объекта исследования ту историческую общность людей, которая присуща определенной общественно-экономической формации.

Народонаселение постоянно изменяется во времени и в пространстве, изменяется каждый из его основных компонентов и их взаимодействие. Каждый из компонентов народонаселения может быть рассмотрен как относительно самостоятельный, имеющий свой собственный период изменения. Но взаимодействие всех трех компонентов образует устойчивую структуру, соответствующую определенной общественно-экономической формации. Устойчивость этой структуры позволяет выделить исторические типы народонаселения, которые являются мерой и определенным этапом его развития.

В настоящее время достаточно изучено самостоятельное движение двух основных компонентов народонаселения: социальной структуры и демографической структуры. Развитие первой объясняется теорией общественно-экономической формации, развитие второй – при помощи понятия «тип воспроизводства населения».

¹ Ю.И.Семенов называет такую общность социальным организмом, понимая под ним – отдельное, единичное общество, самостоятельную единицу общественного развития (Семенов Ю.И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки. ВИ, 1966, № 8, с.94). В.И.Козлов уточняет это понятие, считая, что оно применимо лишь к тем социальным образованиям, которые могут существовать и развиваться независимо от других. «Это условие связано прежде всего с определенными количественными размерами социальных образований и реально определяется тремя основными процессами. Первый из них – производство материальных благ, необходимых для существования входящих в этот социальный организм людей, второй – воспроизводство данного организма в биологическом смысле путем рождения нового поколения, третий – воспроизводство его в социальном смысле путем передачи этому поколению определенных социальных форм, этических и эстетических норм и традиций быта». Козлов В.И. Динамика численности народов. М., 1969, с.23

Понятие типа воспроизводства населения или демографического режима (*le régime démographique*) было введено в демографию А.Ландри, в рамках его теории демографической революции.¹ Сам тип воспроизводства является определенным сочетанием уровней рождаемости и смертности, измеряемым при помощи различных показателей. Конструирование типа воспроизводства населения на основе исключительно количественных характеристик обуславливает методологическую ограниченность этого понятия при использовании его для объяснения демографического развития.

Попытки преодоления этой ограниченности сводятся к поиску и привязке к каждому из типов воспроизводства определенных социально-экономических условий, детерминирующих его. Но именно здесь методологическая ограниченность понятия и проявляется в полной мере. Непреодолимой трудностью для исследователей становится объяснение того, почему различным социально-экономическим условиям, различным общественно-экономическим формациям соответствует один и тот же тип воспроизводства населения? Попытки построить объяснительную схему в данном случае сводились к поиску того общего, что существует в различных формациях, в различные исторические эпохи... Но этим общим оказывается, в конце концов, только сам тип воспроизводства населения. Таким образом, возникает гипотеза о самостоятельности демографической подсистемы, об обусловленности ее развития эндогенными взаимосвязями.

Нам кажется неправомерным использование понятия типа воспроизводства населения в качестве методологической основы объяснения демографического развития. Выше уже показывалось, что на основании состояния управляемого объекта нельзя судить о специфике системы управления. В данном случае тип воспроизводства характеризует только лишь состояние объекта управления. Но нельзя отрицать и определенного значения этого понятия для исследования закономерностей развития народонаселения. Это понятие отражает всеобщее в развитии

¹ Landry A. La révolution démographique, études et essais sur les problèmes de la population. Paris, 1934, с.54

народонаселения, и потому изучение типов воспроизводства населения (количественный аспект) является необходимым этапом исследования закономерностей развития, но не исчерпывает его. К.Маркс писал: «есть определения, общие всем ступеням развития, которые фиксируются мышлением как всеобщие; однако так называемые общие условия всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства».¹ Изменение количественных характеристик воспроизводства населения (изменение типа) – это лишь момент развития народонаселения, который вовсе не исчерпывает это развитие. Понятие типа воспроизводства населения «выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений»², и выделено оно должно быть именно потому, что отличие от этого общего и всеобщего и есть то, что составляет развитие.³

Исторический тип народонаселения представляет собой целостную характеристику определенного этапа его развития, отражает изменения его качества. Исторические типы народонаселения – это такие этапы его развития, количественное отличие которых друг от друга принимает вид «непреодолимой качественной противоположности».⁴

Уникальность каждого из типов народонаселения не означает, что в них отсутствуют общие черты и общие закономерности развития. Воспроизводство демографической структуры как количественный процесс присуще обществу на всех ступенях развития. С точки зрения интенсивности демографических процессов можно выделить тип воспроизводства, присущий всем докапиталистическим формациям (высокая рождаемость и высокая смертность) и тип, присущий капиталистической и коммунистической формациям (низкая смертность и низкая рождаемость). Характер социального управления одинаков во всех докапиталистических формациях (чего нельзя сказать о конкретной

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.12, с.714

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.12, с.711

³ Там же

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.20, с.574

системе управления демографическими процессами) и различен в капиталистической и коммунистической формациях. И каждой общественно-экономической формации присуща своя социальная структура. Таким образом, каждый исторический тип народонаселения представляет собой уникальную комбинацию трех компонентов и, следовательно, отражает определенное историческое качество, общее и особенное в развитии народонаселения.

Данный подход к выделению исторических типов народонаселения имеет методологическое значение не только для построения объяснительной схемы демографического развития, но и для разработки системы научного управления демографическими процессами. Так как этот подход позволяет построить модель народонаселения, которая будет математически, кибернетически (или формально-логически) подобно системе-оригиналу – обществу.¹ В этом плане (математическом) это подобие будет и функциональным, и структурным, то есть модель будет отражать и динамические тенденции, и структуру своего прообраза.

Построение модели типа народонаселения может быть осуществлено на основе несколько модифицированной схемы демографической модели переходов, или выбытия. Элементарным примером такой модели является таблица смертности, показывающая вероятность перехода индивида из одной группы в другую. Модель демографических переходов может быть как детерминационной, так и стохастической, причем построение стохастических моделей представляется более перспективным, так как они улавливают и показывают такие тенденции, которые детерминационные модели, наоборот, нивелируют.²

И детерминационные, и стохастические модели переходов (этот термин лучше отражает сущность этого класса моделей, чем термин «модели выбытия») в своей основе имеют схему (граф) переходов из одной группы в другую. Таким образом, возникает задача выбора

¹ Это подобие – «чисто структурного характера, когда в модели отражаются характеристики системы-оригинала, которые можно выразить количественно». – Афанасьев В.Г. Указ.соч., с.198

² Об этом см. Кейфиц Н. Математический анализ населения. – В сб.: Демографические модели, М., 1977, с.15-17

группировочных признаков, в нашем случае этими признаками являются пол, возраст (хотя бы укрупненно – взрослые-дети) и принадлежность к определенной социальной группе. Комбинация этих признаков и является критерием выделения типов народонаселения, в том числе и исторических типов.

Стохастическая модель представляет движение индивида или определенной группы «в виде последовательности возможных состояний», - пишет Г.Файхтингер, - она показывает «возможные пути», которые проходит лицо, достигая демографических состояний «возраст»¹ (см. Рис.2).

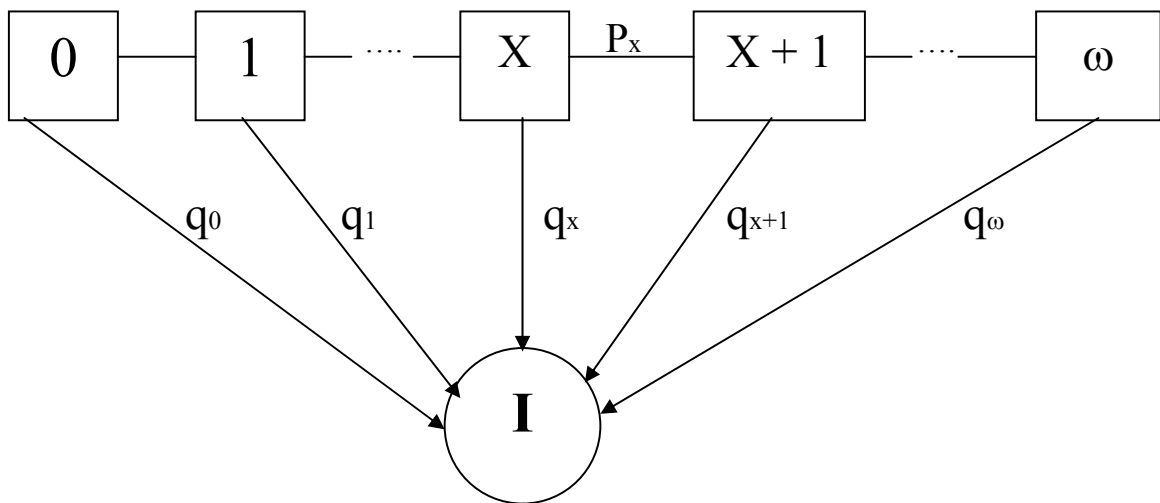


Рис.2 Диаграмма состояний простого процесса выживания (по Г.Файхтингеру)

x – возраст (ω - максимально возможный возраст), q_x – вероятность умереть в возрасте x , $P_x = 1 - q_x$

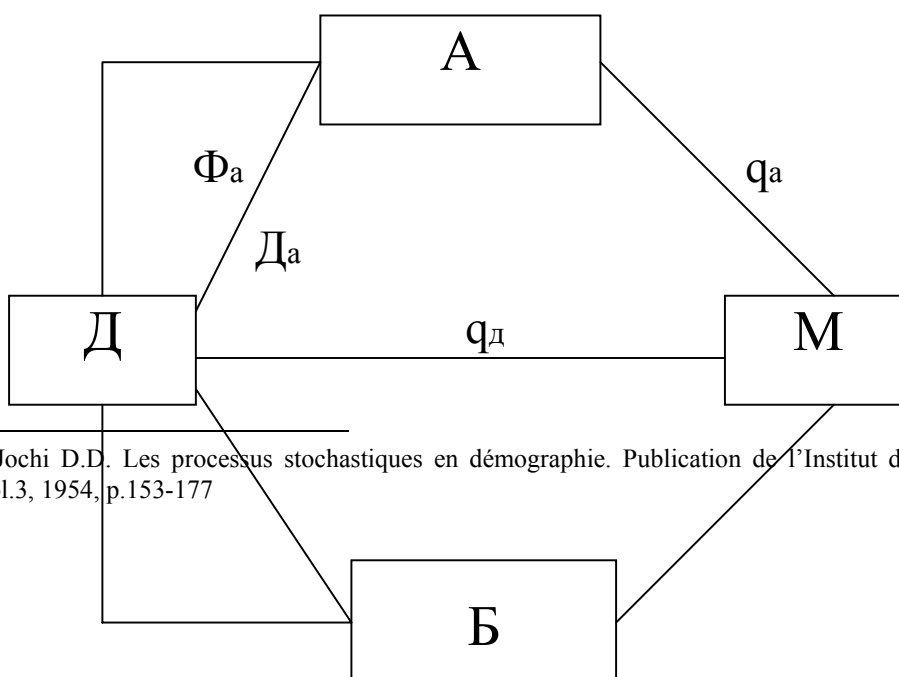
Диаграмма на рис.2 представляет только принципиальную схему модели. Применяя эту схему к историческому типу народонаселения, можно усложнить модель, сделав так, чтобы она отражала развитие демографической и социальной структур. Возможности усложнения простой модели переходов апробированы Гудменом и Жоши, построившими стохастическую модель, состоящую из индивидов двух типов, отличающихся интенсивностями смертности и рождаемости, причем женщины (индивиды первого типа) могут рожать индивидов

¹ Файхтингер Г. Стохастические модели выживания в статистике населения. – В сб.: Демографические модели, с.172

любого типа, в то время как мужчины (индивиды второго типа) сами не воспроизводятся.¹

Можно усложнить эту модель, предположив наличие, например, трех типов индивидов в населении. Тип А и тип Б – будут представлять индивидов, объединенных по признаку участия в производстве материальных благ, то есть будут представлять определенные социальные группы. В каждом из этих типов можно предположить существование подтипов по демографическому признаку (пол и возраст). Третий тип индивидов (Д) будет представлять детей, рожденных женщинами как группы А, так и группы Б. Выбытие из группы Д может произойти в результате смерти или перехода в одну из групп взрослых при включении в общественное производство или вступлении в брак. Социальную принадлежность жен будем определять по социальному статусу мужей. Упрощенно взаимосвязи данной модели представлены на рисунке 3.

Дальнейшее усложнение модели идет по пути увеличения признаков, дифференцирующих население по группам. А увеличение числа групп ведет к увеличению набора вероятностей наступления демографического события для отдельного лица. Преимуществом этой модели, основанной на цепях Маркова, является то, что в ней используются дискретные величины, а потому расчет набора вероятностей или таблиц перехода может быть осуществлен на базе обычных статистических данных.



¹ Jochi D.D. Les processus stochastiques en démographie. Publication de l'Institut de Statistique de Paris, vol.3, 1954, p.153-177



Рис.3 Граф состояния процессов выбытия в однополном населении, состоящем из трех типов индивидов. M – выбытие в результате смерти; $\Phi_{a,b}$ – рождаемость в группе А и Б; q_d – вероятность умереть для детей, $q_{a,b}$ – вероятность умереть для взрослых, $D_{a,b}$ – вероятность перехода из группы Д в группы А и Б

Собственно разработка модели типа народонаселения включает два этапа:

- 1) выбор группирующих признаков и построение графа переходов;
- 2) построение таблиц вероятностей перехода из группы в группу на основании анализа статистических данных за выбранный период. Поисковый прогноз на основании этой модели будет исходить из предположения неизменности полученного набора вероятностей.¹ Задача управления народонаселением с целью приведения его в желаемое состояние будет сводиться к изменению некоторых вероятностей перехода.

На основании подобной схемы можно построить и модель исторического типа народонаселения, которая отражала бы противоречие между воспроизводством социальной и демографической структуры. Условием существования любого конкретного общества является сохранение его социальной структуры. Именно ее сохранение и обуславливает сохранение качественного своеобразия общества. Но социальная структура может «вырождаться» из-за несоответствия демографического воспроизводства социальному. В этом случае общество может предпринимать попытки сохранения социальной структуры за счет

¹ Подобная методика была использована Н.П.Тихомировым для разработки прогнозов населения по демографическим и социальным признакам. См. Тихомиров Н.П. Математические модели в социологии. М., 1983

ограничения или, наоборот, поощрения социальной мобильности населения. Выявить противоречие между воспроизводством социальной и демографической структур можно при помощи экстраполяционного прогноза на базе стохастической модели типа народонаселения.

Модель исторического типа народонаселения имеет большое эвристическое значение. С ее помощью выбирается подход к изучению закономерностей развития народонаселения на различных этапах истории, выявляются общие и специфические законы этого развития. Эта модель имеет и практическое значение, как способ разработки программ научного управления демографическими процессами. Но такая модель (схема функционирования) не исчерпывает содержания понятия «исторический тип народонаселения». В методологическом плане она имеет ограниченное значение, так как не учитывает специфики управления процессами воспроизводства населения.

Учет специфики демографического управления ведет к изучению не только того, что происходит и что должно быть, но и к изучению того, почему и как это происходит. Социальное управление демографическими процессами играет роль информационных связей в системе народонаселения, тогда как потоки, связывающие одну группу с другой в модели исторического типа народонаселения, являются связями материальными. Оба вида связей иерархически соподчинены, и определяющую роль играют информационные связи, которые и детерминируют вероятность выживания в модели исторического типа народонаселения.

Понятие исторического типа народонаселения является методологической основой синтеза системы народонаселения и предпосылкой для решения конкретных задач управления демографическими процессами. Использование этого понятия для исследования конкретных проблем народонаселения позволяет применять весь спектр методик изучения социальных явлений, от формально-математических построений до конкретно-исторических изысканий.

Глава 2. СТАНОВЛЕНИЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ КАК СИСТЕМЫ, ПОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ

Изучение организации воспроизводства населения в доклассовую эпоху интересно прежде всего потому, что в этот период сформировалась структура народонаселения как системы, возникли демографические отношения и социальное управление демографическими процессами, принципиально отличающееся от механизмов управления воспроизводством популяций в животном мире.¹ Кроме того, анализ воспроизводства народонаселения в первобытном обществе может, в какой-то степени, пролить свет на перспективы рождаемости в современных развивающихся странах, где еще сохраняются пережитки родоплеменной организации.

В настоящее время существует ряд работ, в которых рассматриваются вопросы воспроизводства населения в первобытную эпоху. В первую очередь это работы А.Кэпп-Саундерса и Л.Крживицкого, а также монументальный труд по палеодемографии венгерских ученых А.Ачади и И.Немешкери, в котором на основании изучения антропологического материала строятся таблицы смертности палеоантропов и выдвигаются интересные гипотезы об эволюции продолжительности жизни в первобытную эпоху.² К этому труду примыкает и работа Б.Ц.Урланиса, в которой имеется раздел, посвященный продолжительности жизни в первобытную эпоху.³ Теоретические вопросы воспроизводства населения

¹ Изучение становления народонаселения как системы можно проводить с двух позиций. Поскольку народонаселение является теоретическим термином, моделью, организующей определенным образом знание об одной из сторон жизнедеятельности общества, постольку его можно изучать с науковедческой точки зрения. Этому посвящена работа Д.К.Шелестова «Демография: история и современность», М., 1983 и его же «Народонаселение: история термина и современность» в кн.: Народонаселение СССР сегодня, М., 1982. Кроме того, становление и развитие народонаселения как системы можно изучать с конкретно-демографической и исторической точек зрения, так как народонаселение является важнейшей характеристикой (синергией) общества, и потому развивается вместе с ним.

² Carr-Saunders.A.M. The population problem. A study of human evolution. Oxford, 1922; Krzywicki L. Primitive society and its vital statistics. Warsaw, 1934; Acsády Gy., Nemeskéry J. History of human life spane and mortality. Budapest, 1970

³ Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. М., 1978

на ранних этапах человеческой истории затрагиваются в работах М.С.Авербуха, Д.И.Валентя, А.Г.Вишневого, В.И.Козлова и др.

Отметим, что решение вопроса о регуляции воспроизводства населения в первобытную эпоху имеет принципиальное значение и для изучения таких проблем древнейшей истории, как определение области возникновения человека и его расселения по земному шару, что самым очевидным образом связано с воспроизводством численности первобытного человека. В настоящее время вопрос о географическом местоположении и площади прародины человечества не нашел окончательного решения.¹ То же можно сказать и о проблеме расогенеза, имеющей серьезное идеологическое звучание.

По хронологии, период, исследуемый в данной главе, соответствует предложенному А.Г.Вишневым архетипу воспроизводства населения, который «характеризуется единством условий демографического равновесия при преобладании присваивающей экономики, соответствующих таким условиям демографических отношений и порождаемых ими надстроечных форм (норм, обычаев, верований и т.п.)».² Выделение архетипа проводится по количественному критерию, мы же в данном случае концентрируем внимание на специфике организации воспроизводства населения, то есть на первичных формах демографических отношений и их происхождении, не касаясь вопроса о количественном росте населения.

Вскрытие закономерностей развития народонаселения доклассового общества можно осуществить только на основе широкого междисциплинарного исследования, проделать которое в данной работе невозможно. Поэтому мы попытаемся наметить лишь методологическую схему такого анализа, основанную на концепции исторического типа народонаселения. При этом проблему воспроизводства населения в первобытном обществе мы будем рассматривать, прежде всего, как проблему управления в системе народонаселения.

¹ См. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983, с.205

² Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество, с.54-55

2.1. Проблема реконструкции сообщества древних людей. Происхождение экзогамии

В истории первобытного общества и происхождения человека современного типа имеется множество нерешенных вопросов. Это один из самых молодых разделов исторической науки, и поэтому появление каких-либо новых данных археологии, антропологии и этнографии может вести к решительной перестройке господствующих взглядов и гипотез. В связи со спецификой источников информации все теоретические построения здесь носят более гипотетический характер, чем в какой-либо другой области истории. Поэтому и многие из высказываемых в данном параграфе положений являются не более как гипотезами, требующими дальнейшей практической разработки.

У советских историков первобытного общества общепринятым является положение о том, что готовое общество возникло одновременно с готовым человеком. Поэтому в периодизации первобытной истории, основанной на методологических положениях В.И.Ленина, высказанных им в письме к А.М.Горькому,¹ и в понимании антропо- и социогенеза как единого процесса выделяются три этапа: 1) стадо обезьян, берущих палки; 2) первобытные люди – первобытное стадо; 3) люди кланового (родового) общества.² Причем, если два первых этапа относятся к периоду становления человеческого общества, то на последнем этапе появляется готовое человеческое общество, которое получает качественно новую специфику развития. Это позволяет некоторым исследователям выносить первые два этапа древнейшей истории за пределы первобытно-общинной формации,³ но такая позиция является спорной и не принимается многими учеными, рассматривающими эти этапы как особый переходный период в рамках первобытной формации.⁴

Выделение этапов первобытной истории важно с точки зрения определения границы между популяцией животных и народонаселением

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. (ПСС), т.48, с.230-232

² Якимов В.П. Ранние стадии антропогенеза. – В сб.: Происхождение человека и древнее расселение человечества. Труды Института этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая (ТИЭ), т.XVI, М., 1951, с.10

³ Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М., 1966, с.21

⁴ Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П. История первобытного общества. М., 1982, с.7

как особой подсистемой человеческого общества. Нет сомнения в том, что организация воспроизводства популяции определенным образом изменяется во времени, развивается, но законы ее развития коренным образом отличаются от законов развития народонаселения как социального образования. Основой развития воспроизводства биологической популяции является филогенетическое (видовое) и онтогенетическое (индивидуальное) обучение. Сама же структура сообщества животных оформляется в результате инстинктивных действий животных в определенных (довольно часто повторяющихся) ситуациях. Филогенетическое обучение животных в условиях изменения внешней среды, как правило, связано и с изменением его физического типа и лежит, таким образом, в основе эволюционного развития в животном мире вообще. Человек же в отличие от всех животных может значительно менять формы своего поведения с изменением внешних условий, в то время как на его генотипе это не будет отражаться. Человек выделился из животного мира, потому что стал обладателем новых, индивидуально приобретаемых способов поведения.¹

Грань между человеком и животным преодолевалась в течение весьма продолжительного периода, во время которого сообщества архантропов и палеоантропов несомненно сочетали в себе элементы популяции животных и человеческого общества. Нам представляется поэтому, что именно на пути поиска рудиментарных остатков организации сообществ животных в древнейших человеческих обществах могут быть получены интереснейшие данные.

Проблема реконструкции изначальной организации человечества всегда являлась наиболее интересным и трудным участком древнейшей истории. Огромную роль в решении этой проблемы сыграл труд Моргана «Древнее общество», в котором в качестве объекта исследования и источника реконструкции древнего общества использовались примитивные системы родства. Исследование и изучение систем родства, превратившееся в настоящее время, буквально, в самостоятельную

¹ См. Северцев А.Н. Эволюция и психика. М., 1922; Рогинский Я.Я. Антропологические вопросы в проблеме происхождения человека. ТИЭ, т. XVI, М., 1951, с.1927

отрасль этнографии, долгое время было единственным путем реконструкции древней организации людей. Но, начиная со второй половины XX века, в связи с развитием этологии и приматологии, историки стали пытаться использовать данные этих научных дисциплин для исследования проблемы появления человеческого общества и его древнейших институтов.

Эта новая тенденция в научном исследовании нашла свое отражение в большом труде Ю.И.Семенова «Как возникло человечество», но на этом пути историков подстерегали и новые трудности. Бурное развитие приматологии в 60-х годах привело к

тому, что многие выводы этой науки, сделанные на основании наблюдений за изолированными группами животных, были признаны ошибочными после проведения широких полевых исследований. В частности, это касается гаремной семьи обезьян, которую Ю.И.Семенов считал безусловным объединением приматов, и системы иерархии доминирования у обезьян. В позднейшей работе Ю.И.Семенов учел новые данные этологии приматов, но в целом его концепция осталась неизменной.¹

Проблема первоначальной организации человеческого общества распадается на две самостоятельные, но в то же время взаимосвязанные проблемы: 1) происхождение экзогамии (объединений, внутри которых брачные отношения запрещены) и 2) происхождение эндогамных групп (объединение нескольких экзогамных коллективов, в котором брачные отношения устанавливаются между членами различных коллективов, но обязательно в рамках объединения). Очевидно, что эти проблемы тесно связаны с вопросом организации воспроизводства населения на ранних этапах человеческой истории и формирования народонаселения как системы, в которой замыкаются процессы воспроизводства.

Одним из первых предпринял попытку объяснения экзогамии Дж.Ф.Мак-Ленан (термины «экзогамия» и «эндогамия» принадлежат ему).

¹ Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М., 1974. См. также: История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза, с.247-274

В своей работе «Первобытный брак. Исследование о происхождении обряда похищения в свадебных церемониях»,¹ разделив все племена на эндогамные и экзогамные, Мак-Ленан увидел истоки последней в обычаях «воинственных» дикарей убивать бесполезных на войне девочек, что вынуждало их искать себе жен на стороне. Это объяснение было раскритиковано всеми последующими исследователями, которые справедливо обвинили Мак-Ленана в том, что он противопоставил экзогамные части эндогамному целому – первобытному племени.

Следующее объяснение экзогамии появилось с выходом в свет книги Л.Г.Моргана «Древнее общество...» и стало весьма распространенным. Морган объяснял экзогамию стремлением людей предотвратить кровосмесительные половые связи, которые отрицательно сказываются на потомстве. Этой точки зрения придерживались многие советские и зарубежные ученые (А.Джолли и Ф.Роз, Л.Я.Штернберг, Л.Файсон и А.Хауитт и др.).²

Несколько особняком стоит концепция Э.Вестермарка, утверждавшего, что существует инстинктивное отвращение к половым связям не между родственниками, а «к половым связям между лицами, живущими в тесной близости с самого детства. А так как эти лица в большинстве случаев являются родственниками, то чувство это выражается в боязни вступить в брак с родственником».³

В дальнейшем теории, объяснявшие экзогамию стремлением, сознательным или бессознательным, предотвратить инцест были отброшены, потому что ставилось под сомнение, во-первых, предположение о вредности родственных браков вообще, и, во-вторых, предположение о том, что первобытный человек понимал связь между половым актом и рождением детей.⁴ Многие советские ученые объясняют

¹ McLennan J.F. Primitive Marriage. An Inquiry into the origin of the form of capture in marriage ceremonies. London, 1896

² См. Морган Л.Г. Древнее общество, Л., 1934; Джолли А., Роз Ф. Значение табу в первобытном обществе. 1947, т.VI-VII; Штернберг Л.Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933; Fison L. and Hawitt A. Kamilaroi and Kurnai. Melbourne, Sydney, Adelaide and Brishan, 1880

³ Westermarck E. The history of human marriage. L., NY, 1894

⁴ См. Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П. История первобытного общества, с.76

возникновение экзогамии, исходя из анализа производственной деятельности первобытных коллективов. Так, А.М.Золотарев, Д.А.Ольдерогге¹ и некоторые другие связывают возникновение экзогамии со стремлением первобытных племен преодолеть свою первоначальную замкнутость и изолированность. «Установление отношений взаимопомощи и защиты, - пишет Д.А.Ольдерогге, - а также обязательств взаимных браков между двумя (?) первобытными племенами (?) имело своим естественным результатом как экзогамию, то есть запрет брака в своей группе, так и эндогамию, то есть обязательство брака в пределах двух или большего числа дружественных групп.² Вопросительными знаками мы отметили в этой цитате моменты, объяснение которых является слабым местом данной концепции. Во-первых, что представляло собой первобытное племя до возникновения экзогамии? И во-вторых, почему первоначальной структуре первобытного родового общества было присуще наличие двух, а не больше, взаимобрачующихся коллективов, так как стремление к развитию хозяйственных, дружеских и других связей должно вести к появлению возможно большего числа взаимосвязанных групп?

Особый интерес представляет объяснение возникновения экзогамии как средства упорядочения хозяйственной жизни и повышения сплоченности первобытного коллектива. Эта концепция завоевала большую популярность с середины 60-х годов, после выхода в свет работы Ю.И.Семенова «Как возникло человечество». Надо отметить, что эта гипотеза наиболее логично объясняет возникновение экзогамии, и в нее весьма удачно вписываются данные современной этнографии. Но и эта гипотеза исходит из недоказанного положения о первоначальной изолированности отдельных небольших человеческих (вернее, предчеловеческих) групп. В настоящее время в этнографии отсутствуют данные о существовании где-либо человеческих изолятов, равных по размеру экзогамному роду. В своей концепции Ю.И.Семенов

¹ Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964; Ольдерогге Д.А. Эпигамия. М., 1983

² Ольдерогге Д.А. Указ. соч., с.20

противопоставляет отношения производственные, как социальные, отношениям детопроизводственным, как отношениям биологическим. По его мнению, эволюция человеческой общности состояла в том, «что производственные, социальные отношения все в большей степени вытесняли отношения половые, детопроизводственные из жизни людей, в том, что оно (стадо) все в большей и большей степени становилось коллективом социальным, производственным и в меньшей степени объединением детопроизводственным, биологическим».¹ Рассматривая отношения по детопроизводству как биологические, Ю.И.Семенов видит в них источник внутригрупповых конфликтов. Непосредственной причиной конфликтов является зоологическая ревность, поэтому на определенном этапе развития первобытного стада возникает конфликт «между производством и детопроизводством»,² так как первое интегрирует, сплачивает коллектив, а второе разрушает, расшатывает его.

Нетрудно заметить, что основной посылкой этой теории является признание изначальной неупорядоченности половых отношений в предчеловеческом стаде – аномии, как отсутствия «позитивных социальных норм, регулирующих отношения между полами».³ Этой же посылки придерживается и ряд других авторов (А.М.Золотарев, С.П.Толстов, М.Салинз).⁴ Нам это предположение представляется сомнительным, так как оно выносит важнейшую функцию коллектива – воспроизводство его численности – за пределы его социальной организации. Нет никакого сомнения в том, что функции такого института, как экзогамия, связаны, прежде всего, с организацией воспроизводства численности населения первобытной общности. Согласно господствующей в настоящее время концепции получается, что функция эта выполняется случайно, а истинная цель создания этих

¹ Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М., 1966, с.317

² Там же, с.309

³ Семенов Ю.И. Происхождение семьи и брака, с.38

⁴ Золотарев А.М. Указ соч.; Толстов С.П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. – Проблемы истории докапиталистических обществ, вып.9-10, 1935; Sahlins M. The origin of the society. – «Scientific American», 1960, vol.203, N° 3, p.76-87

институтов состояла совсем в другом, в упорядочении трудовой деятельности.

Мы полагаем, что для понимания закономерностей становления и развития человеческого общества необходимо рассматривать социогенез как двойкий процесс. С одной стороны, это развитие процесса труда, с другой – это появление социальных норм, регулирующих отношения по детопроизводству в рамках первобытной общности людей. Причем, именно нормы, регулирующие детопроизводство через регламентацию половых отношений, и выступали первоначально как системообразующий фактор. До первого общественного разделения труда родовое общество выглядело как организация, основной целью которой является управление воспроизводством населения. Социальный статус человека определялся, прежде всего, его принадлежностью к определенной половозрастной группе, отличительным признаком которой являлся определенный, фиксированный социальными нормами, порядок ее участия в процессе воспроизводства потомства.

Для того, чтобы доказать это положение, необходимо разобраться, действительно ли первобытное сообщество предлюдей было небольшой промискуитетной ордой, превратившейся затем в экзогамную группу и род. Для этого надо, в свою очередь, реконструировать структуру сообщества предлюдей и его пространственную организацию, что можно сделать на основании данных этологии приматов.

Используя данные приматологии для реконструкции ранних форм социальной организации, нельзя забывать о принципиальной разнице между биологическими формами организации сообщества обезьян и социальными институтами человеческого общества. Но несомненно, здесь существует и определенная преемственность. Как считает П.И.Борисковский, «в стадах обезьян постепенно зарождались отдельные элементы человеческого общества. А с другой стороны, у древнейших людей, архантропов, еще долгое время переживали отдельные элементы, характерные не для людей, а для обезьян».¹ Одним из первых идею о том,

¹ Борисковский П.И. Возникновение человеческого общества. – Палеолит мира. Африка. Л., 1977, с.22

что можно найти у обезьян зачатки «тех форм поведения, которые дали возможность стаду животных прогрессивно развиваться»,¹ выдвинул известный советский приматолог Н.Ю.Войтонис. В дальнейшем данные приматологии использовались, как уже отмечалось, Ю.И.Семеновым – историком. Идею Н.Ю.Войтониса поддерживает известный советский специалист в области приматологии Н.А.Тих.² Интересное обобщение новейших данных приматологии в связи с проблемой социогенеза сделал Л.А.Файнберг, который считает, что «допустимо искать в сообществах обезьян те или иные формы поведения, которые могли бы оказать влияние на формирование внутригрупповых отношений у прегоминид, может быть, и у ранних гоминид».³

Развивая тезис о применимости данных современной приматологии для восстановления организационных форм сообществ древнейших антропоидов, можно предположить существование преемственности этих форм в процессе эволюции прегоминид и гоминид. Маловероятно, что каждая из последовательно сменявших друг друга физических форм древних антропоидов стартовала в своем развитии с одинаковых позиций. Более правдоподобным кажется предположение о передаче накопленного социального опыта с одной ступени эволюционного развития на другую. Без этого предположения пришлось бы признать социогенез, в отличие от антропогенеза, не единым процессом, а рядом параллельных процессов, самостоятельно развивающихся на каждой отдельной стадии антропогенеза.

Изучая сообщества обезьян, Р.Фокс выделил два типа стад: первый тип – это стадо с одним самцом, включающее подтипы (самец + самка с детенышами и гаремная семья обезьян, существующая не обособленно, а в составе стада, являющегося более устойчивым объединением, чем отдельный гарем). Второй тип сообщества обезьян – это стадо со многими самцами.⁴ Долгое время считалось, что гаремная семья – наиболее

¹ Войтонис Н.Ю. Предыстория интеллекта. М.-Л., 1949, с.192

² Тих Н.А. Предыстория общества. Л., 1970

³ Файнберг Л.А. У истоков социогенеза. М., 1980, с.14

⁴ Fox R. Primate Kin and Human Kinship. – Biosocial Anthropology. L., 1975, p.12

типичная форма объединения обезьян, при которой в стаде существует очень жесткая система доминирования, возникают постоянные конфликты из-за обладания самками. Это мнение базировалось на выводах, сделанных С.Цукерманом на основании наблюдения за стадом павианов в Лондонском зоопарке. Эти выводы о существовании зоологического, прежде всего полового, индивидуализма, внутригрупповой агрессивности и частых конфликтов из-за самок были сделаны при наблюдении за стадом с нарушенной половозрастной структурой, составленным из самок, принадлежавших различным первоначальным стадам.¹ В настоящее время можно с уверенностью считать эти взгляды ошибочными, однако именно на них базируется концепция, считающая главным в процессе формирования человеческого общества борьбу с зоологическим индивидуализмом.

В гаремах отсутствуют устойчивые генеалогические группы, но существуют более или менее постоянные союзы самца и самки. В стаде со многими самцами в принципе все самки принадлежат всем самцам. Но при этом существует и система регулирования половых отношений. В этих стадах существуют устойчивые генеалогические группы, или матрилинии, отражающие «связь потомства, в том числе и взрослого, особенно самок, с матерью и между собой».² Многочисленные полевые исследования позволили сделать вывод, что регулирование половых отношений осуществляется не столько при помощи системы линейного доминирования самцов, сколько на основе взаимодействия различных матрифокальных групп. Напротив, система доминирования молодняка макак на 95% определяется «рангом» их матерей.³ Также выяснено, что «ранг» матрифокальной группы в большей степени зависит от силы женского ядра, нежели от доминирующего самца.⁴ Эти данные позволили Р.Фоксу сделать вывод о том, что базой системы организации стада

¹ Zuckerman S. The Social Life of Monkeys and Aps. L., 1932

² Файнберг Л.А. У истоков социогенеза, с.17

³ Файнберг Л.А. У истоков социогенеза, с.18

⁴ Vandenbergh J. The development of social structure in Free-Ranging Resus Monkeys, - "Behavior", 1967, vol.29, N° 1, p.94-95

обезьян (со многими самцами) является взаимодействие матрилиний, имеющих свой ранг, с линейной иерархией самцов.¹

Характерной чертой матрилинии является ограничение половых связей в ее пределах, что достигается 1) уходом части самцов, достигших половой зрелости, из своего стада в другие и 2) сохранением между матерью и потомством отношений «мать-детеныш», несовместимых с половым партнерством. Эти данные позволяли делать вывод о полном отсутствии инцеста в стадах обезьян, но позднее было установлено, что молодые самцы макак в первый сезон половой активности спариваются по преимуществу с матерями, и это спаривание не включает форм брачного ухаживания и не ведет к зачатию. Р.Фокс считает, что это определенное испытание самцов. Среди братьев и сестер спаривание происходит не более чем в 14% пар «брат-сестра».² Выявлены также формы поведения обезьян, уменьшающие вероятность спаривания не только в матрилинии, но и между дочерьми и отцами. Все это описано в работе Н.Бишофа «Сравнительная этология избежания инцеста».³

Сообщества низших обезьян не являются жестко замкнутыми объединениями. Л.А.Файнберг приводит наблюдения Н.Коямы о расколе стада макак. Покидая стадо, самец уходит один, самка же уводит всю матрилинию и матрилинию более низкого «ранга». В первоначальном стаде было 16 матрилиний: 7 из них вошли во вновь образовавшееся стадо. Постепенно самцы из новообразованного стада перешли в первоначальное, и наоборот. Наблюдались случаи деления стада и на три части.⁴

Данные об организации половых отношений приматов настолько подходят на классическую модель дуальной организации первобытных племен, что поневоле их обобщение кажется несколько тенденциозным. Но это впечатление исчезает, если рассматривать организацию половой жизни и, соответственно, воспроизводства популяции с точки зрения

¹ Fox R. Op.cit., p.20

² Файнберг Л.А. Указ. соч., с.21

³ Bichof N. Comparative Etology of Incest Avoidance. – Biosocial Anthropology, L., 1975

⁴ Файнберг Л.А. Указ.соч., с.25

общих закономерностей биологической эволюции. В.А.Геодакян считает, что общим законом биологической эволюции является действие стабилизирующего отбора через женский пол, который, таким образом, олицетворяет устойчивость, в то время как мужской пол несет функцию подвижного начала и создает поле для эволюционной изменчивости.¹ Другими словами, перемещение самцов между матрилиниями ведет к активному обмену генами, что и обеспечивает необходимую изменчивость.

В связи с этим законом делается вывод о существовании двух тенденций: 1) к половым связям вне стада и 2) к ограничению этих связей группой стада, составляющих одну популяцию.² Л.А.Файнберг пишет, что «тенденция к половым связям вне стада, но внутри популяции создает предпосылку для возникновения в отдаленном будущем слабого прообраза эндогамного племени, состоящего из экзогамных родов».³ Более категоричен в своих выводах на этот счет Н.Бишоф. Отмечая, что при спаривании сиблингов (детей одних родителей) отсутствие рекомбинации генов не обеспечивает достаточной изменчивости и адаптивной пластичности на пути эволюции, он считает, что механизмы избежания инцеста в животном мире в рудиментарном виде остались и в человеческом обществе и стали косвенной причиной табу инцеста у первобытных племен.⁴

Отметим, что кроме уменьшения изменчивости при инцесте происходит и накопление неблагоприятного генетического груза, ведущее к увеличению числа тяжелых наследственных заболеваний, уменьшению плодовитости. Все это, с учетом длительности вынашивания и выхаживания детенышей у многих животных, может вести к уменьшению численности популяции и полному вырождению.

¹ Геодакян В.А. О структуре эволюционирующих систем. – В кн.: Проблемы кибернетики. Вып.25, М., 1972

² См. Тимофеев-Ресовский Н.В., Яблоков А.В., Глотов Н.В. Очерк учения о популяции. М., 1973

³ Файнберг Л.А. Указ.соч., с.27

⁴ Bichof N. Op.cit., p.57-58

По мнению Бишофа, человек лишь социально интерпретировал инстинктивные запреты и желания, ибо только так можно было обеспечить их устойчивость в человеческом обществе.¹ Нам представляется в целом правильной точка зрения Н.Бишофа, видящего начало социогенеза в социальной интерпретации биологических инстинктов. Если раньше исследователи противопоставляли биологическое социальному, как индивидуалистическое, нерациональное с точки зрения социума, то Бишоф нашел в организации поведения животных зерна рациональности, выработанной в ходе тысячелетий биологической эволюции. Действительно, если не приписывать первобытному человеку знания (в современном значении этого слова) основ генетики и не придумывать концепцию господства ревности и борьбы за женщин в первобытном коллективе (концепцию, которая может возникнуть только на основании наблюдения современных отношений между полами), то предположение Бишофа придется признать наиболее правдоподобным.

Совершенно очевидно, что при рассмотрении проблемы социогенеза нельзя ограничиваться учетом развития организации сообщества на основании филогенетического обучения. Огромную роль в данном случае играет и онтогенетическое обучение, так как именно увеличение способности к индивидуальному выбору поведения в изменяющихся условиях являлось, очевидно, содержанием эволюции гоминид. Как показали некоторые эксперименты, в плане принятия новых видов поведения самцы и самки у современных приматов играют разную роль.

Широко известен эксперимент со стадом японских макак, живущих в естественных условиях в Японии.² Животных подкармливали бататом, и однажды молодая самка не стяхнула, как обычно, землю с клубня, а вымыла его в ручье. Через 9 лет так поступали 70% обезьян ее стада и 90%, родившихся после появления навыка. Другая молодая самка

¹ Bichof N. Op.cit., p.62-63

² Сообщение об этом эксперименте см.: Frish J. Individual behavior and intertroop variability in Japanese macaques. – *Primates*, № 4, 1970, vol.11, p.249-251; Фабри К.Э. О подражании у животных. – *Вопросы психологии*, 1974, № 2; Файнберг Л.А. Указ.соч., с.28

случайно ополоснула батат в море, подсоленный батат понравился, и вскоре так стала делать большая часть ее стада. При этом макаки двигались к морю бипедально, проходя до 50 метров, держа в передних конечностях батат. Фриш предложил следующую схему закрепления навыков (онтогенетических): молодняк учится случайно и передает навык матери; родившиеся после появления навыка перенимают его у матерей, а дольше всех навык не усваивают взрослые самцы.

Таким образом, в генетическом плане самки представляют стабильность, а самцы изменчивость; в плане поведения наоборот: самки и их потомство – носители нового, самцы же – «консерваторы». В этой связи очевидно, что матрифокальная организация обезьян должна была сыграть решающую роль в эволюции гоминид. Этой точки зрения придерживается Н.А.Тих, которая пишет о победе «прогрессивной» линии самок над «консервативной» линией самцов.¹ Это позволяет искать истоки экзогамии и матрилинейной филиации еще в тех выработанных природой биологических механизмах, которые сыграли решающую роль в интенсификации процесса эволюции прегоминид и гоминид. Принимая концепцию социального оформления древнейших биологических механизмов как содержание процесса социогенеза, мы должны отметить, что функциональное назначение всех этих механизмов, как социальных, так и биологических, заключается в обеспечении воспроизводства численности и структуры (половозрастной) популяции. Понимая под последней не абстрактную совокупность всех особей данного вида, проживающих на земном шаре, а лишь тех, кто обменивается генетической информацией в процессе воспроизводства потомства.

До этого речь шла, в основном, о «вертикальной» структуре стада обезьян, но весьма важно и определение его «горизонтальной» структуры для изучения возможностей использования данных приматологии при реконструкции древнейших сообществ людей и их ближайших предков. Под горизонтальной структурой мы понимаем пространственную организацию сообщества, и основным критерием определения этой

¹ Тих Н.А. Предыстория общества. Л., 1970, с.282

организации мы считаем включенность особей в процессы воспроизводства данной популяции.

Как уже отмечалось, гаремная семья не является безусловным объединением у приматов. Л.А.Файнберг считает, что структура стада во многом зависит от экологических условий его жизни. Гаремные семьи обезьян возникают лишь в особо неблагоприятных условиях и являются, видимо, средством уменьшения давления популяции на средства существования. Последнее достигается за счет уменьшения численности самцов, при этом репродуктивные способности популяции не уменьшаются. Но надо отметить, что при гаремной организации, при уменьшении количества самцов, принимающих участие в репродукции, должны уменьшиться и возможности изменчивости и адаптивной пластичности на пути эволюции. Если признавать наличие естественного, полового отбора при эволюции гоминид, то надо считать маловероятным наличие гаремной организации у наиболее интенсивно эволюционирующих видов.

Высказанное выше можно проиллюстрировать сравнением организации обезьян одного и того же вида, но живущих в разных условиях. Павианы-анубисы, живущие в Уганде в лесу и лесостепи, где масса пищи, наедаются за 30-40 минут кормления, потом отдыхают, играют, чистят друг другу кожу, ласкаются. При передвижении никогда не бросают отстающих, а поджидают их. Обезьяны того же вида, но живущие в Кении в саванне, где пищи значительно меньше, пасутся в течение всего дня. Никогда не дожидаются отставших, которые становятся жертвами хищников. Контакт между животными очень мало. Мартышки, живущие в Уганде, не имеют выраженной территориальности и иерархической структуры доминирования. Столкновений между самцами не наблюдается, высока интенсивность миграции между стадами. Мартышки, живущие в Кении, имеют жесткую иерархическую структуру, территориальность, у них часты конфликты из-за самок, свою территорию они защищают всем стадом. То же самое наблюдается и у лангуров Северной Индии и Шри-Ланки, живущих

неиерархическими группами обоего пола, и лангуров, обитающих в Южной Индии, живущих гаремами и мужскими группами, которые время от времени «свергают» главу гарема и заменяют его новым.¹

При гаремной организации стадо представляет собой сумму гаремов, не объединенных четкой структурой, и при этом может достигать очень больших размеров. Стадо со многими самцами обычно меньше, несколько десятков особей, а у горных горилл – около десятка, но оно представляет собой достаточно четкую структуру, основанную на матрифокальных группах. Надо отметить, что, если гаремная организация с иерархической структурой доминирования самцов сразу бросалась в глаза, то организация популяций и стад со многими самцами долгое время ускользала от внимания исследователей. Особенно это относится к организации популяций наиболее близкого «родственника» человека – современного шимпанзе.

Так, В.и Ф.Рейнольдсы, наблюдавшие за шимпанзе в лесу Будонго, пришли к выводу, что популяция шимпанзе является открытым сообществом, отношения между полами сводятся к половым актам, и никаких других связей не возникает.² Наблюдения Рейнольдсов использовал для обоснования своей концепции Ю.И.Семенов. Позднее японскими учеными были получены новые данные о пространственной организации сообществ шимпанзе. Наблюдая в течение ряда лет жизнь шимпанзе гор Махали в Танзании, они установили, что шимпанзе образуют несколько отдельных популяций, состав которых мало изменяется. Единицей организации является большая группа смешанного половозрастного состава, которая в зависимости от ситуации подразделяется на мелкие подгруппы. Ю.Сугияма назвал эту группу предобщиной, сравнивая ее организацию с организацией бушменов.³

Наблюдая за шимпанзе в лесу Будонго (там же, где и Рейнольдсы), Ю.Сугияма установил существование районных популяций, которые

¹ Файнберг Л.А. Указ.соч., с.30-31

² Reynolds V., Reynolds F. The chimpanzees of the Budongo forest. – “Primate Behavior. Field study of monkeys and apes”. NY, 1965, p.420

³ См. Файнберг Л.А. Указ.соч., с.34-35

представляют из себя закрытые сообщества. Иногда границы районных популяций перекрываются, тогда в местах контакта образуются временные группы, состоящие из животных разных сообществ, но в целом шимпанзе относятся к чужакам холодно и даже враждебно, особенно если чужак появляется на их территории. В обычное время популяция распадается на мелкие группы, в 85% случаев состоящие из самцов и самок с детьми или только из самцов. При передвижении по открытой местности вся популяция объединяется, выстраивается определенным «боевым» порядком и использует бипедальное передвижение. Объединяющей силой у шимпанзе служит ориентация друг на друга, причем она носит гедонистический характер (животные представляются друг другу), а не антагонистический, как при ярко выраженном доминировании.¹

На основании всех этих наблюдений можно выдвинуть предположение, что организация стада древнейших гоминид и первых людей во многом напоминала организацию стад современных приматов, которая оставляет наибольший простор для эволюционной изменчивости. Очевидно, что структура жесткого доминирования, не оставляющая места для вариации поведения, и гаремная организация, уменьшающая размеры используемого генофонда, для этого не годятся. Возможно, что некоторые из параллельно существовавших видов древних гоминид имели эти формы организации, особенно если они попадали в неблагоприятные условия, и поэтому, вероятно, они стали тупиковыми ветвями эволюции.

По-видимому, основная единица предобщества напоминала районную популяцию современных антропоидов, с организацией половых отношений как в стаде со многими самцами. На занимаемой ею территории она распадалась на отдельные матрифокальные группы, ядро которых составляли «кровные родственники». Эти группы самостоятельно собирали пищу в пределах ареала обитания популяции. На границах территории популяций, вероятно, образовывались контактные группы, посредством чего осуществлялся обмен

¹ Там же, с.38-42

информацией, как генетической, так и протокультурной. При защите от врагов и при миграциях, в случае истощения источников питания на данной территории, вся популяция объединялась. Отметим, что образование гаремных семей как средство уменьшения давления на продовольствие не годилось для предчеловеческих орд, если они были охотниками, так как вело к уменьшению числа мужчин – добытчиков мяса. Нельзя согласиться с теми учеными, которые считают диспропорцию полов в первобытном стаде его атрибутом. Мнение о более высокой смертности женщин у первобытных людей не выдерживает никакой критики. Прежде всего, против этого свидетельствует выработанная на протяжении биологической эволюции вида пропорция между рожденьями мальчиков и девочек. Кроме того, ни у кого из животных не наблюдается более высокая смертность самок по сравнению с самцами в нормальных условиях; почему же у человека, поднявшегося на высшую ступень эволюции, женщины должны начать умирать чаще, а в первобытном обществе должна появиться диспропорция полов, которой не было на предыдущих ступенях эволюции? Более вероятным является предположение, что доли мужчин и женщин в первобытном стаде были примерно одинаковыми.

Несомненно, что такая организация первобытного стада была направлена на наилучшее использование его репродуктивного потенциала. Основным условием успешной жизнедеятельности всего стада и каждого из его членов было сохранение определенных размеров популяции. Человеку не нужно было преодолевать свой индивидуализм, потому что он не организовывался в стадо и в общину, – он изначально был стадным, общественным животным. Возможность осознания себя как независимой индивидуальности могла появиться лишь на таком этапе развития общества, когда стала возможной хотя бы относительная независимость человека от коллектива. То есть, когда появилась иллюзия, что человек может в одиночку добывать себе пропитание.

2.2 Бифункциональность древнейших социальных институтов

Зависимость каждого человека и всего стада от численности последнего означает необходимость всеми силами заботиться о продолжении рода. Это, в свою очередь, привело к тому, что первые социальные институты человечества были институтами, регулирующими воспроизводство населения. Абсолютизация этого момента была бы сильным упрощением, а потому ошибкой. В отличие от сообществ животных, человеческое общество имеет еще одну важнейшую функцию – организацию добычи средств существования на основе разделения труда. Конечно, на ранних ступенях развития общества разделение труда находилось в зачаточной форме, но, тем не менее, неверно рассматривать социогенез исключительно как социальное оформление управления воспроизводством популяции. Социогенез представлял собой сочетание двух равнопорядковых процессов: становление социального управления демографическим воспроизводством и становление социальной структуры общества, основанной на разделении труда.

По форме проявления эти два процесса должны были изначально совпадать, потому что разделение труда в раннем первобытном обществе осуществлялось по полу и возрасту. Поэтому каждая возрастно-половая группа должна была иметь определенную функцию, как участник разделения труда и как участник процесса воспроизводства численности популяции. Именно учет этой двойного рода функциональной нагрузки возрастно-половых групп древнего общества имеет, по нашему мнению, пролить свет на понимание сущности таких институтов древнего общества, как род, экзогамия, возрастные группы и т.п.

Традиционно к объяснению сущности и происхождения этих институтов подходят только с точки зрения их роли либо в разделении труда, либо в продолжении рода. Зачастую, пытаясь вывести их происхождение из какой-нибудь одной функции, выполнение этими группами второй функции рассматривают чуть ли не как случайное. Такой подход представляется неверным, в его основе лежит

подсознательно сохраняющаяся методология робинзонады, представляющая человеческое общество объединением первоначально изолированных индивидов, имеющих для этого определенную цель. Мы попытаемся доказать положение об изначальной бифункциональности социальных институтов первобытного общества на примерах организации племен аборигенов Австралии, наиболее отсталых в социальном развитии, и возрастных групп народов Восточной Африки, потому что в других местах этот институт не сохранился в таком виде.

Данные о племенах коренных жителей Австралии дают богатый материал для реконструкции первоначальной организации человеческого общества. Н.А.Бутинов выдвинул гипотезу о том, что вся организация австралийских племен базируется на примитивном территориальном разделении труда.¹ Это разделение труда обусловлено экологическими причинами. С одной стороны, труд четко делится по сезонам, а с другой – значительные различия ландшафта даже в пределах небольшой территории ведет к различиям в хозяйственной деятельности обитающих на ней коллективов. Именно эти различия, по мнению Н.А.Бутинова, ведут к хозяйственным контактам между отдельными коллективами, что опровергает взгляд на первобытную общину как на совершенно замкнутый коллектив.²

Из-за несовпадения хозяйственных циклов у различных общин и разнообразия природных условий (связанных с несовпадением периодов засухи и дождей в различных районах) возник обычай взаимопосещения локальных групп. Ссылаясь на Хауитта (Howitt), Бутинов отмечает, что во время обрядов инициации (посвящения молодежи во взрослых) вместе собираются несколько локальных групп (племен). Обычно это происходит в период обилия пищи на данной территории. Племена, посещающие друг друга, имеют одни и те же обряды инициации и образуют взаимобрачующуюся группу.

¹ Бутинов Н.А. Проблема экзогамии. – В сб.: Родовое общество. ТИЭ, т.XIV, М., 1951; его же: Разделение труда в первобытном обществе. – В сб.: Проблемы истории первобытного общества. ТЭИ, т.54, М.-Л., 1960, с.114-115

² Бутинов Н.А. Разделение труда в первобытном обществе

Анализ многочисленных наблюдений позволяет Н.А.Бутинову сделать следующий вывод: «Оживленный обмен и постоянные взаимопосещения локальных групп опровергают представление об австралийской локальной группе как о чем-то замкнутом, изолированном. Локальная группа сама по себе существовать не могла, она была связана хозяйственно с соседними и отдаленными локальными группами – в разные времена года по-разному. Это и вызвало к жизни такое явление, как относительное культурное единство всего населения Австралии».¹

В локальных группах отмечается четкое разделение труда по полу; разделение труда по возрасту у женщин практически отсутствует: с раннего возраста они занимаются собирательством. У мужчин существует многостепенное разделение труда по возрасту, и переходы из одной степени в другую связаны с обрядами инициации.

Австралийские племена, а их около 500, отличаются друг от друга диалектом и территорией, больше никаких черт племенной организации (вождь, совет племени и т.п.) нет.² Само племя редко выступает как единое целое. Важно отметить, что соседние племена не резко разграничены одно от другого, живущие на границе часто относят себя то к одному, то к другому племени. Диалект одного племени незаметно переходит в диалект другого. Насчитывает племя обычно от 200 до 1000 человек.

Локальная группа насчитывает от 30 до 100 человек, имеет главаря и совет взрослых мужчин, является хозяйственно самостоятельной единицей. Для производственных целей делится обычно на несколько мелких семейных групп, состоящих из нескольких братьев с родителями, женами и детьми. В Австралии распространена патрилинейная филиация, и жена переходит в локальную группу мужа. Семейная группа индивидуально ищет пищу (женщины и дети – собирательство, мужчины – охота). Все семейные группы, принадлежащие к одной локальной,

¹ Бутинов Н.А. Указ.соч., с.121

² Spenser B., Gillen F. The native tribes of Central Australia. L., 1938, p.9

собираются вместе каждые 3-4 дня, условившись заранее о месте встречи.¹

В локальной группе всегда два брачных класса; племена, имеющие четыре брачных класса, делят людей внутри этих классов по поколениям. В каждой локальной группе к одному брачному классу принадлежат поколения дедов и внуков, отцы и дети принадлежат к разным брачным классам (см. Рис.4). Брачный класс экзогамен, локальная группа – тоже.

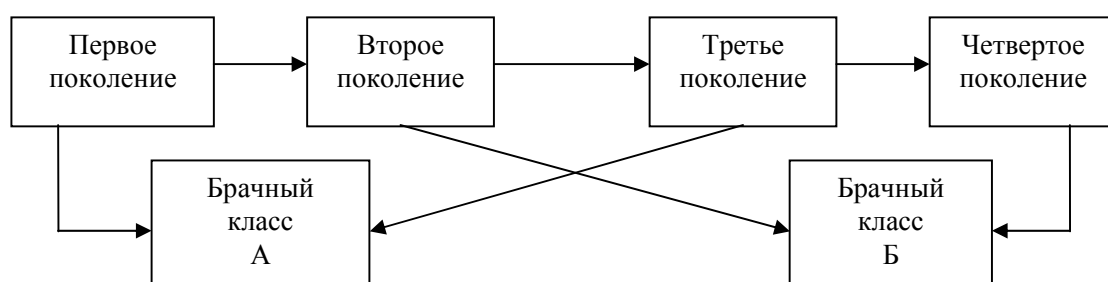


Рис.4 Схема поколений и брачных классов у камиларои (Австралия)

Бутинов совершенно справедливо замечает, что, будучи «совершенно самостоятельными единицами в хозяйственном отношении, локальные группы оказывались в семейно-брачном отношении лишь частями более сложного целого».² Племя с четырьмя брачными классами состоит из двух частей. В первую часть входят локальные группы с брачными классами А и Б, во вторую – с классами В и Г. потенциальными супругами друг для друга являются члены брачных классов А и В, Б и Г. деление локальных групп племени на две части позволяет Н.А.Бутинову утверждать, что «локальные группы выступали здесь как части двух половин, двух первоначальных родов, части единой дуальной организации».³ На наш взгляд, факт наличия двух частей (у Бутинова – половин) австралийского племени вовсе не означает изначальности дуальной организации, как союза двух племен или общин с целью продолжения рода. Ссылаясь на Файсона (Fison L.), которому один австралиец рассказывал, что он-де во всех племенах может найти брачный класс, откуда он может взять жену,

¹ Бутинов Н.А. Проблема экзогамии, с.9-10

² Там же, с.10

³ Бутинов Н.А. Проблема экзогамии, с.10

Бутинов пишет, что дуальная организация имела всеобщий характер, и «все население Австралии было разделено по существу на два первоначальных рода, и мужчина одного из них имел право на всех женщин (с учетом, конечно, брачных классов) другого».¹ Упоминание о брачных классах здесь вообще непонятно, потому что возникает вопрос, что же возникло раньше – «первоначальный род» или брачные классы. Со времени выхода книги Л.Г.Моргана «Древнее общество» брачные классы считаются институтом, предшествовавшим роду.

Возможна и другая гипотеза возникновения экзогамии и института брачных классов. Локальная группа в австралийских племенах, вероятно, является социальной интерпретацией матрифокальной группы предчеловеческого сообщества, этим и можно объяснить ее экзогамию. Само понятие «брачный класс» возникло отнюдь не в Австралии, а в Европе в прошлом веке. Этим понятием обозначали группу людей, не имеющих права вступать в половые отношения между собой и обязанных искать полового партнера в определенной аналогичной группе. В Австралии каждый брачный класс имеет собственное имя. Так, у камиларои существует четыре брачных класса: Ипаи, Кумбу, Куби и Мури. У южных Аранда тоже четыре класса: Пануга, Бультара, Пурула и Кульмара. Принадлежность к одной из групп указывает прежде всего на то, к какому поколению принадлежит человек. При патрилинейной филиации, если старшее поколение в локальной группе Пануга, то дети их – Бультара, а внуки опять Пануга. Поскольку при невысокой продолжительности жизни в первобытную эпоху вряд ли могли быть живы одновременно более трех поколений, то получалось, что деды и внуки оказывались в одной категории, а это весьма очевидно связывается с первобытным половозрастным разделением труда. Возможно, что первоначальной функцией брачных классов было разделение общества по поколениям, так как это был единственный критерий возраста у первобытных людей, не знающих еще счета далее пяти-десяти.

¹ Там же

Надо учесть еще, что филиация и матрилинейная, и патрилинейная в классификационных системах родства – качественно иное явление, чем в описательных системах. В описательных системах родства «Я» является центром отсчета родственных отношений, и для каждого индивида существует своя система координат. Человека, которого я называю братом, моя мать назовет сыном, а мой сын – дядей. В классификационной системе родства, например, у южных Аранда, человек класса пануга будет братом для всех без исключения членов сообщества пануга. И для этого человека все пануга – братья и сестры, все бультара – отцы, все женщины кумара – матери, все женщины пурула – жены, и т.д. В этом смысле экзогамность брачного класса как возрастной группы означает запрет инцеста, половых отношений между братьями и сестрами. В данном случае мы имеем дело с продолжением экзогамии всей локальной группы, к которой принадлежат потомки одного человека, безразлично, мужчины это или женщины.

Каждый из четырех брачных классов имеет пару: пануга женятся и выходят замуж за пурула, для бультара такой парой являются кумара. Вступать в половые отношения с представителями других брачных классов запрещается, потому что при алокальном, групповом браке фактически это будут отношения с матерью или дочерью.

В качестве примера попробуем переложить классификационную систему родства южных Аранда на современную описательную систему. Я – бультара, мой отец – пануга, моя мать – пурула, мои братья и сестры – бультара, мой сын – пануга, моя дочь – пануга. Итак, мы видим, что женщины, принадлежащие к запретным брачным классам, являются для человека либо матерью (матерями), либо дочерью (дочерьми). Классификационная система означает не то, что люди вообще не знают своих ближайших кровных родственников, но то, что во внимание принимается социальное, а не кровное родство.

Организация общества на основе различия полов, выступающая как институт брачных классов, может быть объяснена без рассмотрения разделения труда в древнем обществе, а только лишь с учетом ее

основной функции – обеспечения воспроизводства численности сообщества и гигиены расы. Концепция дуально-родовой организации базируется на признании первоначально существующей эндогамной общины (праобщины), которая по каким-то неясным причинам разделилась на две экзогамные половины, или же, став полностью экзогамной, объединилась с другой общиной, которая как раз тоже стала экзогамной. Эта концепция представляется нам неверной. Мы полагаем, что образование первоначальной организации общества шло по пути социального оформления тех механизмов воспроизводства популяции, которые сформировались еще в ходе биологической эволюции. Эта позиция позволяет объяснить примитивную организацию отсталых племен Австралии без использования промежуточной концепции существования двух «первоначальных» родов.

Впечатление того, что существующие примитивные организации общества происходят от изначальной дуальной организации, возникло из-за двойственности функций, выполняемых брачными классами. Двойственность функций определяется разного рода причинами. Первая – ограничение инцеста и упорядочение половых отношений в общине. Вторая причина – разделение труда по полу и возрасту, взаимное обучение различным видам деятельности и определение обязанностей каждого из членов коллектива. Симбиоз этих причин очевидным образом ведет к тому, что каждый человек, член общины, должен быть идентифицирован 1) как брачный партнер и 2) как участник материального производства, имеющий право и обязанность на участие в определенных видах деятельности.

В данном случае положение его, как брачного партнера, не меняется на протяжении всей жизни, а положение как участника производства меняется. Поэтому брачный класс легче фиксируется, хотя вначале могла существовать и более сложная система, когда название брачного класса менялось в зависимости от возраста. Об этом может свидетельствовать австралийский миф о «трех женщинах», рассказывающий, как одна женщина дважды сменила свой брачный класс, что в более позднее время

было возможно только в течение трех поколений: мать – дочь – дочь дочери.

Как уже говорилось, локальная группа австралийского племени насчитывает от 30 до 100 человек и состоит из более мелких семей. Можно предположить, что наиболее подходящей численностью группы было человек сто. Предположим, что продолжительность жизни первобытного человека составляла лет 30, и - для простоты - что вероятность умереть в каждом возрасте одинакова (то есть возрастная пирамида имеет вид правильного треугольника), доли мужчин и женщин в популяции были примерно равны, - мы же возьмем их строго равными. Тогда очевидно, что 75% сообщества будут составлять подростки до 15 лет. В группе, состоящей из 30 человек, таким образом, окажется 4 женщины фертильного возраста и 4 мужчины-охотника. Видимо, ни о каком дальнейшем дроблении локальной группы не может быть и речи, она окажется просто недееспособной. Логично предположить, что в нормальных условиях группа из 30 взрослых и детей составляла часть локальной группы, которую Н.А.Бутинов называл семьей. Учитывая, что верхней границей численности локальной группы называлось 100 человек, можно предположить, что одна локальная группа состояла, как правило, из трех семейных групп, то есть из 90-100 человек. Соответственно племя состояло из трех-десяти локальных групп. Если предположить, что племя изначально состояло из двух локальных групп, столь малый размер популяции должен вести к увеличению числа гомозигот по рецессивным генам, в том числе и по плохим.

Посмотрим, как в случае трех (по меньшей мере) локальных групп в племени может сложиться система идентификации брачных партнеров. Для того, чтобы найти брачного партнера, надо, прежде всего, выделить признак принадлежности всех людей к локальным группам. В этом плане, относительно каждого индивидуума все члены племени делятся на две части: члены моей группы и члены не моей группы – мои потенциальные брачные партнеры. Для того, чтобы избежать инцеста по восходящей и нисходящей линиям родства, можно вступать в брак только в пределах

одного поколения. В этом плане все члены сообщества делятся опять-таки на две группы: мое поколение и не мое поколение. Эти две системы координат пересекаются и дают четыре вариации признаков, из которых лишь один вариант означает брачного партнера: это представители моего поколения, но не члены моей локальной группы. Если мы зафиксируем каждую из вариаций признаков, то получим модель системы четырех брачных классов.

Таким образом, относительно каждого подразделения все сообщество делится всегда на две части, независимо от того, сколько в него входит локальных групп. Уже на этом этапе может возникнуть впечатление существования двух первоначальных родов. Способ фиксирования брачных классов определяется трудовой функцией возрастных групп. Так как дети и старики приравнивались друг к другу по участию в производственной деятельности, то они могли получать одинаковое название. При невысокой продолжительности жизни получалось, что к моменту инициации подростков во взрослые, поколение их дедов вымирало, а поколение отцов превращалось в поколение стариков. То есть, для обозначения всех поколений локальной группы достаточно было двух слов.

В том случае, если племя состояло из более чем двух локальных групп, а мы думаем, что так оно и было в большинстве случаев, каждая группа должна была фиксироваться с помощью тотема, который играл роль современной фамилии. При фиксировании локальной группы с помощью тотема и выделения поколений в локальных группах должны были образоваться кольцевые системы брачных связей. Именно такие системы наблюдаются у камиларои (рис.5) и у многих других племен. Многочисленные примеры кольцевых связей описаны Д.А.Ольдерогге, который видел истоки этой системы в разрастании двух первоначальных родов.¹ В дальнейшем, развиваясь, тотем превращается в род матрилинейный или патрилинейный, в данном случае безразлично. Но наиболее вероятным является предположение, что в дальнейшем

¹ См. Система лобла и различные формы кузенного брака в Южной Африке; Трехродовой союз в Юго-Восточной Азии. – В кн.: Ольдерогге Д.А. Эпигамия. Избранные статьи. М., 1983

тотемистическая локальная группа превращается во фратрию, в то время как брачный класс внутри этой группы, с развитием моногамии и окончательной фиксацией родственных признаков, превращается в род.

Ю.И.Семенов считает, что экзогамия возникла как средство обуздания зоологического полового инстинкта и служила упрочению коллектива первобытных охотников. Ограничение половых отношений в первобытном стаде достигалось при помощи половых, сначала охотничьих, а затем производственных табу. Подобная трактовка древнего института половых табу не является бесспорной. С.А.Токарев считает, что возникновение этих институтов связано с магическими обрядами очищения, имеющими своей базой стремление устранить перед охотой посторонние запахи, в том числе и запах женщины.¹ Такой же точки зрения придерживается и Д.К.Зеленин.²

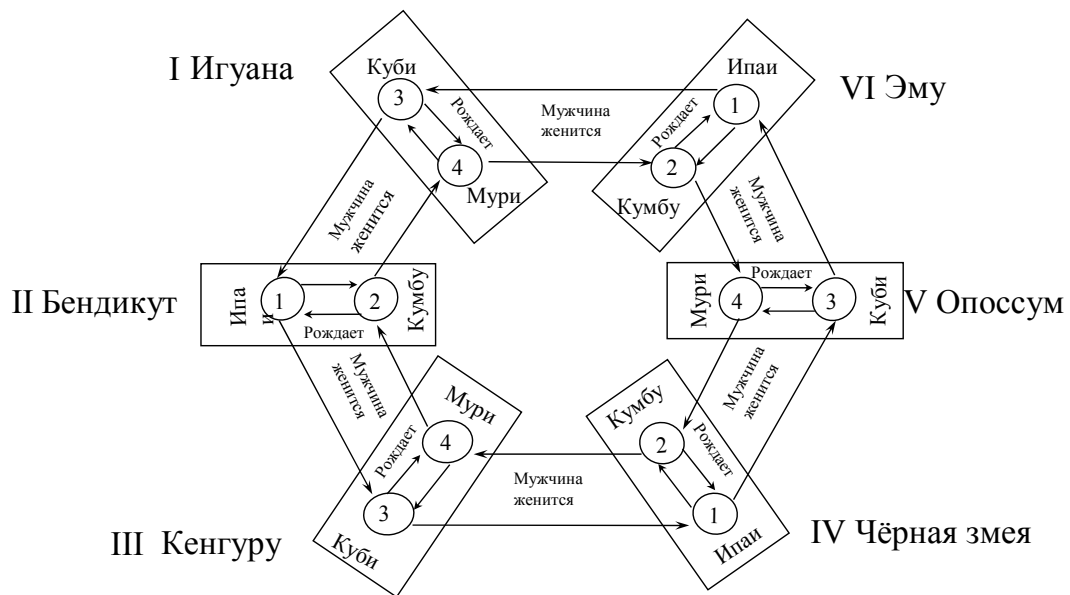


Рис.5 Система кольцевых брачных связей у камиларои (по Бутинову)³

¹ Токарев С.А. Сущность и происхождение магии. – ТИЭ, т.51, М., 1969, с.63

² Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, ч.1. Запреты на охоте и иных промыслах. Сб. Музея Антропологии и Этнографии. Л., 1929, с.23-27

³ Бутинов Н.А. Проблема экзогамии, с.23

Можно предположить, что эти табу – отражение фиксации полового разделения труда в древнем обществе, и они означают, что женщина не должна иметь никакого отношения к охоте (к мужской работе вообще), даже посредством половой связи с мужчинами в этот период. Примерно такую же основу имеют приводимые С.А.Токаревым примеры о запретах на смешивание различных видов продуктов, которые раньше доставлялись сезонными видами охоты.¹ То есть, эти запреты отражают нормы, регулирующие проведение охоты. В магическом сознании примитивного человека причина и следствие меняются местами: например, нельзя смешивать продукты не потому, что в одно время нельзя охотиться на морских и на сухопутных животных, а наоборот, нельзя охотиться потому, что нельзя смешивать продукты. То же можно сказать и о иудаистском запрете есть свинину, так как свинья – оседлое животное, которого кочевники не могли иметь, или делать одежду одновременно из шерсти (продукт кочевого скотоводства) и льна (продукт оседлого земледелия).

Отметим, что по Австралии нет никаких данных о существовании половых производственных табу, хотя половые отношения там, как известно, четко регулировались при помощи системы брачных классов.² Не означает ли этот факт более позднего появления производственных половых табу по сравнению со всей системой регулирования половых отношений и экзогамией, в первую очередь? Ведь с позиций Ю.И.Семенова, половые производственные табу должны предшествовать экзогамии, а в дальнейшем, фактически, составлять ее содержание.

Мы считаем, что древнейшая организация человеческого общества возникла в результате взаимодействия социального оформления механизмов воспроизводства популяции, возникших еще на биологическом этапе эволюции человека и основанных на относительной экзогамности матрифокальных групп, и развития разделения труда, приведшего к выделению возрастных групп как элементов социальной структуры древнейшего общества.

¹ Токарев С.А. Указ.соч., с.63

² См. Бутинов Н.А. Разделение труда в первобытном обществе. ТИЭ, т.54

Гипотеза о половозрастных группах как об основе примитивной социальной организации, была выдвинута еще в прошлом веке Г.Куновом, видевшем их задачу исключительно в установлении брачных норм.¹ Он обратил внимание на то, что в отношении терминов «отец» и «брат» австралийцы применяют местоимение «наш», а не «мой», и пришел к выводу, что первоначально эти термины показывали возрастные группы. Вывод вполне закономерный при условии существования группового брака и классификационной системы родства тураноганованского типа.

Роль половозрастных групп как элементов социальной структуры первобытного общества можно проследить на примере системы возрастных групп, долгое время сохранявшихся в Восточной Африке, по которым имеется много источников и которые достаточно подробно описаны в работе К.П.Калиновской.² Первый вывод, который можно сделать при исследовании социальной системы гада (институт мужских возрастных групп у племен гала), что для племени была важна не только общая ее численность, но и определенная возрастная структура. Об этом говорит частое несовпадение физического и социального возраста в системе.³ Это связано с выполнением этими классами производственных и социальных функций, с половозрастным разделением труда. Вторым выводом заключается в абсолютном исключении инцеста по восходящей и нисходящей линиям, что очевидно связано с организацией воспроизводства населения.

Система гада состоит из двух полуциклов по сорок лет каждый. Первый полуцикл является активным, второй – пассивным. Полуцикл состоит из пяти ступеней, по восемь лет каждая. Первая ступень – подготовительная, группа, находящаяся на этой ступени, не имеет никаких прав и участвует лишь в незначительных церемониях. Не принимает она участия и в производственной деятельности, но все женщины обязаны давать пищу членам этой группы (обряд «прошения

¹ Cunow H. *Wordwandschafts-Organisationen der Australneger*. Stuttgart, 1894

² Калиновская К.П. *Возрастные группы народов Восточной Африки*. М., 1976

³ Калиновская К.П. *Указ.соч.*, с.27

молока», все продукты ритуально называются молоком). Вторая группа – молодые воины, проходящие обучение. Третья группа – старшие воины; они имеют право жениться, но не должны иметь детей. Четвертая группа – управляющие жизнью племени, они подвергаются обрезанию и могут иметь детей. Членами пятой группы являются старейшины, они становятся «ритуальными отцами» первой группы, которой они передают свое родовое имя и после этого заканчивают первый полуцикл, переходя в разряд «немых», то есть не имеющих права активно вмешиваться в социальную жизнь коллектива.¹

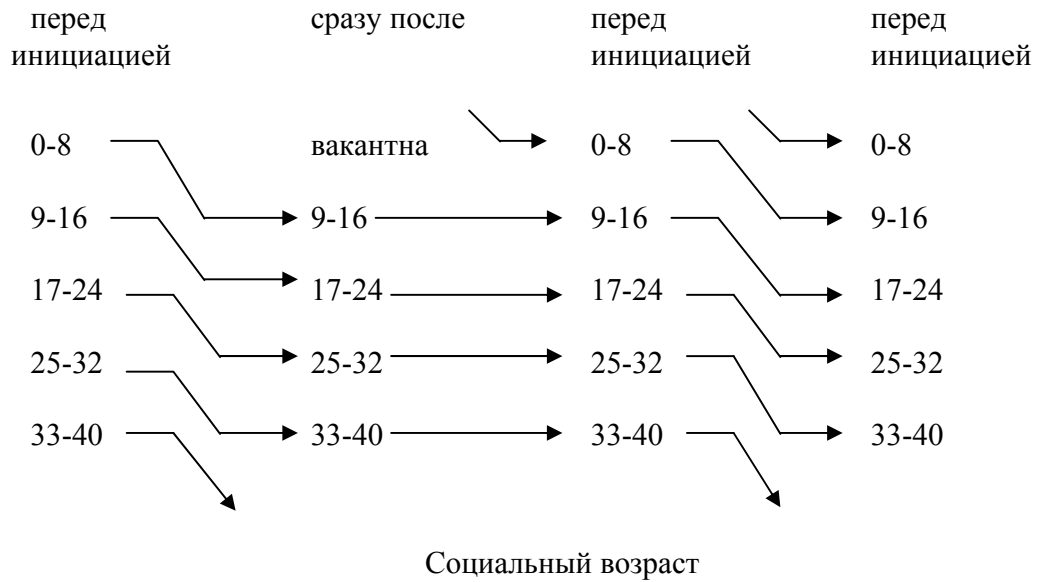
Когда институт гада был открыт, обратили внимание на весьма значительное расхождение в возрасте внутри возрастной группы. В особенности это было заметно в первых группах, куда входили одновременно и старики, и младенцы. До сегодняшнего дня, на наш взгляд, нет удовлетворительного объяснения этому явлению. И это связано с тем, что эти возрастные группы рассматриваются только с точки зрения их производственной функции. К.П.Калиновская совершенно справедливо критикует выбор кровного родства в качестве критерия выделения групп, и в противовес этому подчеркивает поколенный принцип формирования групп. Но критерием формирования поколения она считает реальный возраст, а потому, по предлагаемой гипотезе, первоначальные реальные и социальные возраста в группе совпадали, и дальнейшее рассогласование произошло из-за несовершенства самой системы.² Схема этого рассогласования представлена на рис.6. Как видно, накануне обряда инициации все возрастные группы заполнены, но после инициации первая ступень остается вакантной, она заполняется постепенно, по мере рождения детей у IV группы («обрезанных») в течение всего восьмилетнего интервала. Поэтому родившимся накануне инициации и имеющим физический возраст 0 лет, после инициации присваивается сразу социальный возраст 9 лет. Таким образом, формируется отставание фактического возраста от социального на одно «поколение», то есть на восемь лет. Но эта разница не может ни

¹ Калиновская К.П. Указ.соч., с.27-28

² Там же, с.34-35

увеличиваться, ни уменьшаться, а сохраняется постоянной. Объяснить при помощи этой схемы отставание социального возраста от физического невозможно.

Заполненность возрастных групп:



. . . .
 . . .
 . .
 .

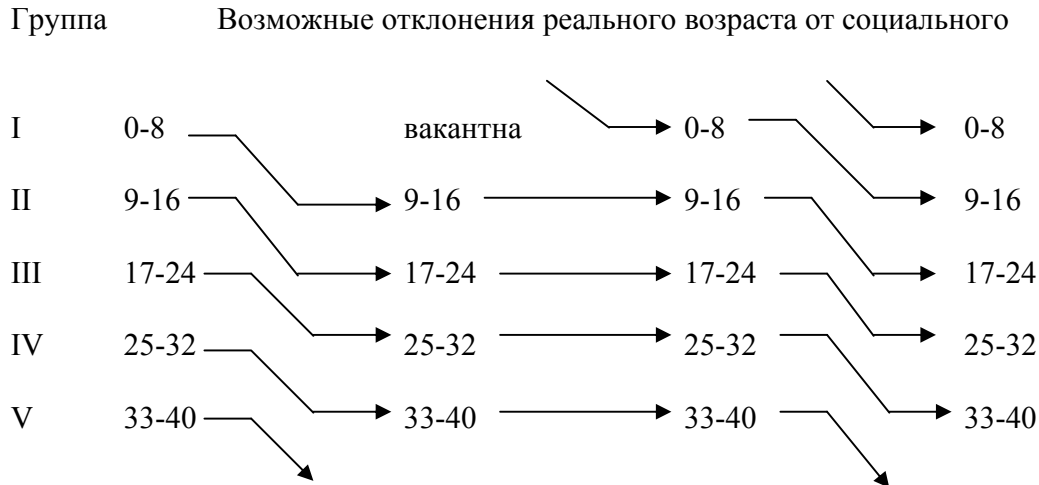


Рис.6 Соотношение физического и социального возраста у гала

Картинка на рис.6 напоминает хорошо известную в демографии процедуру, называемую «передвижкой возрастов», она с успехом используется для прогнозирования численности населения, и никаких затруднений не возникает. У гала этот классический демографический метод «применяется» в упрощенной форме. Всей группе иницируемых присваивается новый возраст, как будто они родились в один день, и возраст этот не определяется ни их реальным возрастом, ни нижней или верхней границей возрастов двух смежных групп. Им просто присваивается новое наименование. Попытки связать эти группы с реальным возрастом обусловлены современным образом мысли, который все преломляет через призму цифр. При этом забывается, что первобытный человек не умел считать, и что во многих первобытных языках вообще отсутствуют слова, обозначающие абстрактные понятия чисел.

Проблема отклонения реального возраста от социального может решиться, если учесть, что единственным способом определения возраста человека в первобытную эпоху была фиксация его принадлежности к определенному поколению. И связано это было именно с регуляцией половых отношений и воспроизводством популяции. Если рассматривать систему гада с этой точки зрения, то отставание социального возраста от физического находит вполне простое объяснение.

Уже отмечалось, что воины гала могут жениться с 17 лет, или вернее сказать, будут иницированы в третью группу. После этого, в течение восьми лет они не имеют права иметь детей. В том случае, если ребенок у них все-таки родился, он отвергался, но после четвертой инициации отцов усыновлялся.¹ Таким образом, получалось, что ребенок, родившийся у семнадцатилетнего воина, только что иницированного в третью ступень, получал право быть иницированным во вторую ступень лишь в 24 года, когда его отец завершит активный полцикл. Обрезан он будет еще спустя 16 лет. Нетрудно проследить кумулятивный эффект и довести возраст члена первой возрастной группы до 80 лет.

¹ Калиновская К.П. Указ.соч., с.31-32

Система гада вела к тому, что человек считался половозрелым, когда его отец вообще заканчивал активный полуцикл. В отношении регулирования половых отношений и, посредством этого, воспроизводства численности племени, институт гада напоминает своими функциями институт брачных классов у австралийцев, но является более тонким. Если у австралийцев при невысокой продолжительности жизни дед и внук принадлежали к одному брачному классу, что означало формальную возможность брака деда с родной внучкой, то у гала, независимо от продолжительности жизни, после пятой инициации наступала социальная смерть, человек оставался жив, но становился «немым».

Система возрастных групп показывает, как функция участия в трудовом процессе, в разделении труда сочеталась с функцией участия в воспроизводстве численности племени в доисторическую эпоху. Сущность древнейших социальных институтов состояла в том, что они органично сочетали функции производства и детопроизводства в первобытном обществе. Во многом это связано с совпадением демографической и протосоциальной структур на ранних этапах развития человеческого общества. Если от внимания ускользает бифункциональная специфика социальных институтов, то появляется множество фактов, объяснить которые весьма трудно.

На основании рассмотрения организации первобытных племен Австралии и восточно-африканской системы возрастных групп, можно попытаться реконструировать организацию первобытного человека. Отметим, что такая организация еще не представляет собой собственно исторического типа народонаселения. Скорее она является процессом становления народонаселения как системы, процессом формирования ее основных компонентов.

Первоначальную организацию первобытных людей, видимо, нельзя свести к известным понятиям племя, фратрия, община и т.п. Вероятно, она была чем-то похожим на районные популяции современных высших приматов и представляла достаточно большую группу (до 1000 особей и

более), разбитую на небольшие локальные коллективы, численность которых варьировала в зависимости от конкретных условий и, главным образом, от количества пищи на данной территории. Большая группа могла быть выделена весьма условно, она занимала общую территорию, на границе которой контактировала с другими группами. В группу можно условно зачислять те локальные коллективы, между которыми наиболее интенсивно осуществлялся обмен генетическим материалом. Поэтому каждая локальная группа, в известном смысле, могла представлять центр тяготения большой группы. Такая организация позволяла осуществлять обмен культурной информацией и генофондом в пределах огромных территорий. Основной минимальной единицей организации была матрифокальная группа. Имея определенную иерархию, аналогичную иерархии приматов, матрифокальные группы, составляющие одну локальную, постепенно распространили экзогамию на всю локальную группу. Развитие социальных отношений шло по пути оформления сложившихся структур воспроизводства популяции, придания им социальной формы. Первоначально социальными институтами могли быть экзогамные локальные группы протоплемени, в котором каждое поколение было эндогамным.

Параллельно с социальным оформлением и расширением действия механизмов, затрудняющих инцест и выработанных еще на биологическом уровне, шло и социальное оформление складывающегося разделения труда. Последнее возможно было связано с переходом к мясной пище и превращением мужчин по преимуществу в охотников. Поскольку первоначальное разделение труда было по полу и возрасту, процесс формирования демографических и производственных отношений, фактически, был единым. А социальная структура общества совпадала с его демографической структурой, это обусловило бифункциональность социальных институтов древности.

Зависимость всего общества и каждого отдельного человека от размеров и структуры первого должна была, прежде всего, отпечататься в голове первобытного человека. Социальные нормы, в виде традиций,

представлявшие социальную память древнейшего человеческого общества, регулировали, прежде всего, воспроизводство численности общности и гигиену расы. В дальнейшем, с развитием разделения труда и появлением сложных способов добычи пищи, традиции, регулировавшие промысловую деятельность человека, перемешались с нормами, регулирующими демографическое поведение, и стали представлять качественно новое целостное образование, осуществляющее социальное управление обществом как единым целым. Складывание системы социального управления обеими сторонами общественной жизни знаменовало окончательное становление народонаселения как системы. Решающую роль здесь сыграло развитие разделения труда. Оно вело ко все большей специализации больших групп, к усилению производственной кооперации внутри их и коограничению контактов с другими группами спорадическими актами обмена продуктами. Это, в свою очередь, вело к специализации языков, усилению культурных особенностей отдельных групп. Также это вело к уменьшению возможностей обмена генофондом в пределах больших территорий и складыванию определенных генотипов в пределах достаточно небольшой территории.

По всей вероятности, первоначально регламентация половых отношений являлась и регламентацией репродуктивного поведения. Вряд ли первобытный человек ограничивал рождаемость для уменьшения или предотвращения роста численности общины. Учитывая невысокую продолжительность жизни, можно было бы считать, что такой рост, как правило, исключался. Но, с другой стороны, человек в отличие от животных, во многом сам формирует себе условия жизни. И если увеличение численности популяции животных возможно только в случае значительного естественного улучшения условий существования, то человек сам улучшает эти условия, что должно вести к неуклонному росту численности рода человеческого. Последнее утверждение представляется верным потому, что в течение не очень длительного промежутка времени человек заселил все материки, даже находящиеся долгое время в экологической изоляции. Возможно, что некоторым первобытным

племенам и приходилось ограничивать свою численность. Но это может относиться только к племенам, попавшим в исключительно неблагоприятные условия. Все сообщения об инфантициде, о предупреждении и прерывании беременностей у отсталых племен относятся к тем из них, которые живут в исключительно неблагоприятных условиях, в резервациях, пустынях, впроголодь, ведущим при этом кочевой образ жизни, причем, зачастую этим своим положением они обязаны белым колонизаторам.¹

У первобытного человека не было никаких мотивов к ограничению рождаемости. Лишний человек был не просто еще одним «лишним ртом», но и еще одними рабочими руками, потому что заниматься собирательством можно было с раннего детства. Некоторые ученые полагают, что высокая рождаемость была невыгодна коллективу охотников, так как маленькие дети – обуза на охоте.² Но они совершенно не учитывают специфику древней охоты, когда плохо вооруженные люди загоняли зверей в естественные ямы, болота, овраги и там забивали камнями. Достаточно одному животному из загоняемого стада повернуть навстречу своим преследователям, и община недосчитается нескольких человек. Недостаточно вооруженный человек мог охотиться только на крупно копытных и толстокожих, так как только такая охота гарантировала достаточную добычу. Лишь впоследствии, когда был изобретен лук, человек стал охотиться на более мелких животных. Об этом красноречиво говорят остатки костей съеденных животных, найденные на стоянках первобытного человека.³ В таких условиях коллектив охотников должен быть значительным по размерам, что могла обеспечить только высокая рождаемость.

Но и с переходом к охоте на мелких животных, с изобретением лука и стрел, потребность в большом количестве охотников и, следовательно, в высокой рождаемости не изменилась. Теперь охота проводилась

¹ Carr-Saunders A.M. The population problem. A study of human evolution. Oxford, 1922

² Харрисон Дж., Уайнер Дж., Теннер Дж., Барникот Н., Рейнолдс В. Биология человека. М., 1979

³ Замятин С.Н. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита. – ТИЭ, т.54, М.-Л., 1960, с.86-89, 107

небольшими группами (3-4 человека), но, как мы видели, такое количество взрослых мужчин обеспечивала группа общей численностью человек в 30, из которых 75-80% составляли дети до 15 лет, а 12% - женщины в фертильном возрасте.

Основными целями демографического управления в первобытном обществе была максимизация рождаемости, а средствами ее достижения являлись полное включение всех женщин репродуктивного возраста в половые отношения и исключение половых отношений между близкими родственниками для предотвращения инбридинга. В человеческом обществе возник новый вид информационных системообразующих связей – демографические отношения, которые выступали как примитивные, классификационные системы родства, брачных классов, возрастных групп. Возможно, что половые сезонные и производственные табу возникли для упорядочения рождения детей во времени и увязки его с периодами наиболее интенсивных производственных работ женщин. Развитие демографических отношений шло по линии социального оформления тех механизмов воспроизводства популяций, который был выработан на протяжении биологической эволюции.

Законное сомнение в сохранении у человека инстинктивных механизмов предотвращения инцеста может быть развеяно новейшими исследованиями в этой области. В 1910 году Дж.Фрезер подверг жестокой критике позиции ученых, объясняющих экзогамию стремлением предотвратить инцест. Особенно досталось Вестермарку, говорившему об инстинктивном отвращении к половым связям между росшими вместе с детства.¹ С тех пор о позиции Вестермарка говорили лишь как о научном курьезе. Но вот, в середине нашего века, было проведено несколько независимых исследований взаимоотношений подростков в израильских поселениях – киббуци. В этих поселениях осуществляется коллективное воспитание детей, причем, мальчики и девочки воспитываются вместе, имеют общие спальни и душ. Отмечено, что с наступлением половой зрелости девочки начинают избегать показываться обнаженными перед

¹ Frazer J.E. Totemism and exogamy. A treatise on certain early forms of superstition and society. Vol. IV. L., 1910, p.71

мальчиками, принимать одновременно с ними душ. При этом между мальчиками и девочками одной группы возникает определенный антагонизм при полном отсутствии полового интереса между ними. В то же время у девочек резко повышается интерес к мальчикам из других возрастных групп. Отмечается отсутствие браков между выросшими в одном коллективе, хотя юридически это не возбраняется.¹ Можно считать, что эти сведения косвенно подтверждают нашу гипотезу о сохранении инстинктивных механизмов избегания инцеста, но они дают также направление для новых исследований поведения человека в этой области.

Окончательное становление народонаселения как системы произошло с переходом к ранее-первобытной общине и с появлением человека современного типа. Социальные институты эпохи первобытно-родовой общины еще сохраняют внешнюю схожесть с некоторыми биологическими системами. С переходом уже к общине прото-крестьянской утрачивается даже сама видимость сходства биологического и социального управления демографическими процессами. Крестьянская община, основной единицей которой является патриархальная семья, была очень устойчивой и инертной формой, и потому долго сохранялась на периферии классовых обществ.

¹ исследования в киббуцах обобщены Л.А.Файнбергом в работе «У истоков социогенеза», результаты исследований изложены в: Spiro J. Children of the kibbutz. Cambridge (Mass.), 1958 ; Talmon Y. Selection in collective settlement. – American Sociological Review, 1964, vol.29, N° 3, p.482-503

Глава 3. ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Рассмотрение исторических типов народонаселения имеет два аспекта. С методологических позиций оно является проверкой предлагаемой модели системы народонаселения на историческом материале. Эта проверка включает в себя:

- 1) выделение общности людей, адекватной определенной исторической эпохе, то есть такой, на которой замыкаются процессы производства материальных благ (производство, потребление, распределение, обмен продуктами труда и трудовой деятельности, а также процессы воспроизводства народонаселения);
- 2) построение модели функционирования народонаселения на определенном этапе общественного развития, то есть взаимосвязей между воспроизводством социальной и демографической структур;
- 3) выделение на основе анализа модели условий функционирования и, следовательно, функций управления в системе;
- 4) сравнение исторических данных с выводами, полученными на основании анализа модели, то есть собственно проверка адекватности модели.

Первые три этапа являются чисто теоретическими процедурами, последний же, четвертый этап требует конкретных исторических изысканий. Четвертый этап имеет самостоятельное значение и этим обуславливает эвристический аспект рассмотрения исторических типов народонаселения. На основании модели можно сделать выводы о необходимости тех или иных управляющих воздействий для сохранения целостности социального организма, и затем с этой точки зрения рассматривать имевшие место в изучаемую историческую эпоху законодательства, социальные потрясения, приводившие к деформации социальной структуры, военные экспансии, требовавшие огромного количества молодых и здоровых мужчин. Можно оценить роль, которую

играло несоответствие управления объективным требованиям системы при переходе от одной общественно-экономической формации к другой.

Каждое антагонистическое общество заключает в себе противоречие между основной целью конкретной схемы социального управления и динамикой общественного производства, лежащей в основе всей социальной эволюции. При традиционном и статистическом типе основной целью управления является поддержание системы в полной неизменности, в то время как сама система имеет свой внутренний источник развития. Разрешение этого противоречия может осуществиться в виде коренной перестройки системы управления в рамках одного типа и одной формации, или же в ходе социальной революции, при смене общественно-экономической формации.

Социальное управление не является пассивным элементом, оно, в свою очередь, значительно влияет на динамику общественного производства. Именно «жесткость» традиционного типа управления определяла рутинное, почти застойное состояние производительных сил общества. Но в то же время, по мере утраты социальными институтами своей изначальной бифункциональности, ухода материального производства из семьи, может появиться рассогласованность между управлением демографическим воспроизводством и воспроизводством социальной структуры.

3.1. Народонаселение в доклассовую эпоху

Доклассовый период развития народонаселения является самым продолжительным. Он охватывает период становления народонаселения как системы, когда получили социальное оформление унаследованные от животных предков механизмы управления воспроизводством стада, и появилась социо-культурная автономность отдельных групп людей. Достигает своего расцвета патриархальный период развития общества и сохраняется до сегодняшнего дня на периферии классового общества.

Институты воспроизводства народонаселения, сформировавшиеся в тот период, продолжали играть важную роль и в условиях классового

общества. Будучи включены в систему хозяйственных связей и государственного управления, прежде самостоятельные общности людей все же сохраняли патриархальную организацию воспроизводства демографической структуры и в период рабовладения, и в период феодализма. Причем это было не пережитком, а органическим условием функционирования данных классовых обществ. При капитализме остатки патриархальной организации были буквально сметены развитием товарного производства и сохранились как пережитки лишь в народных обычаях и обрядах.

При реконструкции народонаселения патриархального периода встает проблема источников. В целом можно назвать три основных источника: сочинения древних авторов, описывавших первобытные племена; данные о сохранявшейся еще в прошлом веке в России и на Балканах большой семейной общине (задруга, вервь); и, наконец, данные современной этнографии о народах, находящихся еще на низком уровне развития. Строго говоря, ни один из этих источников не может считаться удовлетворительным. Древние авторы были весьма этноцентричны при описании древних народов, семейная община в прошлом веке претерпевала значительное влияние классового общества, а первобытные племена Австралии, Океании, Америки и Азии к началу их серьезного этнографического изучения были в значительной степени социально деформированы колониальной администрацией, внедрявшей христианство и европейскую буржуазную мораль. Неудовлетворительность источников ведет к увеличению гипотетичности высказываемых предположений.

Для построения этого древнего типа народонаселения мы взяли именно патриархальную семью, а не род, хотя в принципе многие механизмы управления воспроизводством у них весьма похожи. Это связано с понятием минимального производственного коллектива, то есть такого, который необходим для выполнения большинства хозяйственных функций. Именно таким коллективом была патриархальная семья, в то

время как род или соответствующий ему институт в производственном отношении были частью целого – локальной группы или племени.

Первая форма семьи – патриархальная – возникает вместе с возможностью вести хозяйство меньшим, чем род, коллективом, состоящим из брачной пары и ее потомства. На смену отношениям социального родства приходят отношения кровного родства. Но производительная сила труда не вырастает сразу до такой степени, что можно самостоятельно хозяйствовать в рамках нуклеарной семьи, то есть состоящей из родителей и их детей. Поэтому патриархальная семья, состоящая из трех, четырех, а иногда и более поколений потомков, нисходящих и боковых, одного человека, знаменует собой определенный этап развития производительных сил. Этот этап начинается с переходом к производящей экономике и характеризуется «коллективной собственностью на землю и основные средства производства, а равно на коллективном потреблении продуктов этого производства».¹

Патриархальная семья, видимо, возникает из антагонизма между родом и отдельной парной семьей, которая пытается обзавестись собственным хозяйством. Вывод о наличии противоречия «между родом и семьей» делает Н.А.Бутинов на основании материалов этнографии племен Новой Гвинеи и северо-западной Меланезии.² На поверхности это противоречие выступает как антагонизм между полами, потому что мужчины выступают в качестве родового, консервативного начала, а женщины, пришедшие в результате брака в род мужа, но не ставшие его членами, выступают в качестве нового семейного начала. Ссылаясь на К.Шмица, изучавшего семейную жизнь комба, Н.А.Бутинов отмечает, что на огороде семья – на первом плане, в деревне же – на последнем.³ Поселения комба состоят из обособленных групп хижин-вемунов, каждый из которых является самостоятельным хозяйственным коллективом и

¹ Косвен М.О. Семейная политика и патронимия. М., 1963, с.4

² Бутинов Н.А. Общинно-родовой строй мотыжных земледельцев. – В кн.: Ранние земледельцы. М., 1980, с.110-111

³ Бутинов Н.А. Указ. соч., с.116; см. также Schmits С.А. Historische Probleme in Nordost Neuguinea. – Wiesbaden, 1966; Langness L.L. Some problem in the conceptualization of Highlands social structure. – American Anthropologist, 1964, vol.66, N° 4, pt.2, p.172

имеет один мужской дом и хижины, в которых живут женщины и их маленькие дети. Вемуны экзогамны, в них выделяется постоянное мужское ядро – мужчины, живущие в одном доме и являющиеся потому родственниками. Пришлую часть вемуна составляют жены мужчин, которые не являются их родственниками и поэтому не могут даже есть вместе с мужчинами, так как совместная трапеза делает людей родственниками.¹ Сестры мужчин составляют временную часть вемуна; выйдя замуж, они покинут его навсегда.

«В вемуне, таким образом, - пишет Н.А.Бутинов, - сосуществуют две разные по структуре и функциям социальные ячейки: род и семья. Интересы рода защищает когорта мужчин, интересы каждой семьи, в первую очередь, - женщина, и, во вторую – ее муж, которому заботы его семьи тоже небезразличны, хотя в семейной хижине он бывает редко».² В вемуне часто возникают конфликты, суть которых состоит в том, что кто-то из мужчин уклонился от работы на благо рода и вемуна для того, чтобы потрудиться на семейном огороде. В этой связи можно предположить, что многодетность и укрепление связей кровного родства в противовес связям социального родства, могли быть средством утверждения индивидуальной семьи. Укрепление связи между поколениями кровных родственников объективно должно вести к появлению такого коллектива внутри рода, который мог бы не просто обрабатывать собственный огород, но и расчистить участок леса, что прежде было под силу только всему вемуну в целом. Нам представляется, что механизм возникновения патриархальной семьи был именно таким: она возникла как средство утверждения индивидуальных связей в рамках одного рода.

Пережитки родовой организации в патриархальной семье заключались, прежде всего, в исключении браков между ее членами, хотя многопоколенная семья состояла из весьма отдаленных родственников. В этом плане организация воспроизводства народонаселения, основной ячейкой которого является патриархальная семья, весьма похожа на воспроизводство, основанное на брачных классах и родах. Но, в связи с

¹ Бутинов Н.А. Указ.соч., с.117

² Бутинов Н.А. Указ.соч., с.125

заменой социального родства кровным, в патриархальной семье появляется индивидуальная потребность в детях, которая отныне будет основой репродуктивного поведения.

Каждая патриархальная семья состояла из отдельных нуклеарных семей, связанных между собой родством и свойством; в репродуктивном периоде находилось едва ли больше одного поколения семей. На рис.7 изображена схема воспроизводства большой патриархальной семьи (для простоты взято две семьи). Каждая патриархальная семья состоит из нуклеарных семей и рабов, которые являются собственностью всей большой семьи в целом. Нуклеарные семьи можно разбить по поколениям, на схеме этого нет, потому что есть смысл выделять условно только два «поколения»: семьи, вышедшие из репродуктивного возраста, и семьи в репродуктивном возрасте. Функцией индивидуальной семьи является исключительно воспроизводство потомства. Земля и орудия труда, а также доходы и жилье являются общими. Всей жизнью семьи руководит старейшина (патриарх, большак, домачин и т.п.), который выбирается на общем собрании взрослых членов семьи. Важнейшие вопросы, касающиеся покупки-продажи, вступления в брак, тоже решаются коллегиально. Домачин распределяет людей на работу, проверяет ее исполнение. Мужчины заняты полевыми работами или ремеслом, женщины, по преимуществу, работают дома, дети выполняют различные вспомогательные работы, занимать на которых взрослых нерационально.¹ В предлагаемой модели патриархального народонаселения каждый элемент связан с другими материальными связями, представляющими потоки людей. Интенсивность этих потоков определяет количественное соотношение между элементами системы. Для сохранения постоянной структуры большой семьи необходимо постоянное поддержание интенсивности потоков на таком уровне, чтобы сумма входящих и исходящих для каждого из элементов была равна нулю.

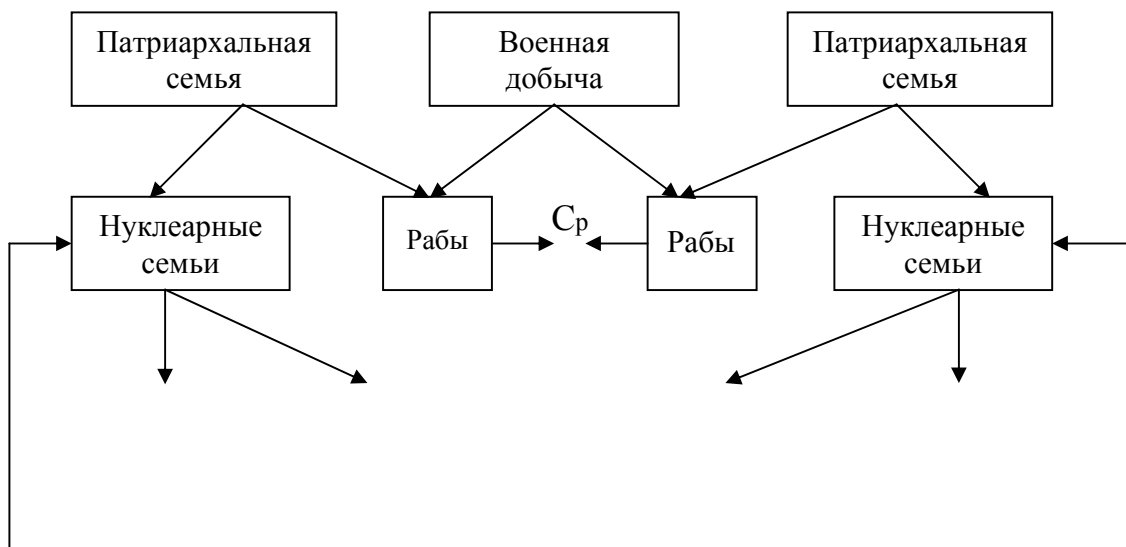
Можно различить два вида регуляции интенсивности потоков: нормативное (традиционное) и ненормативное управление. Последнее

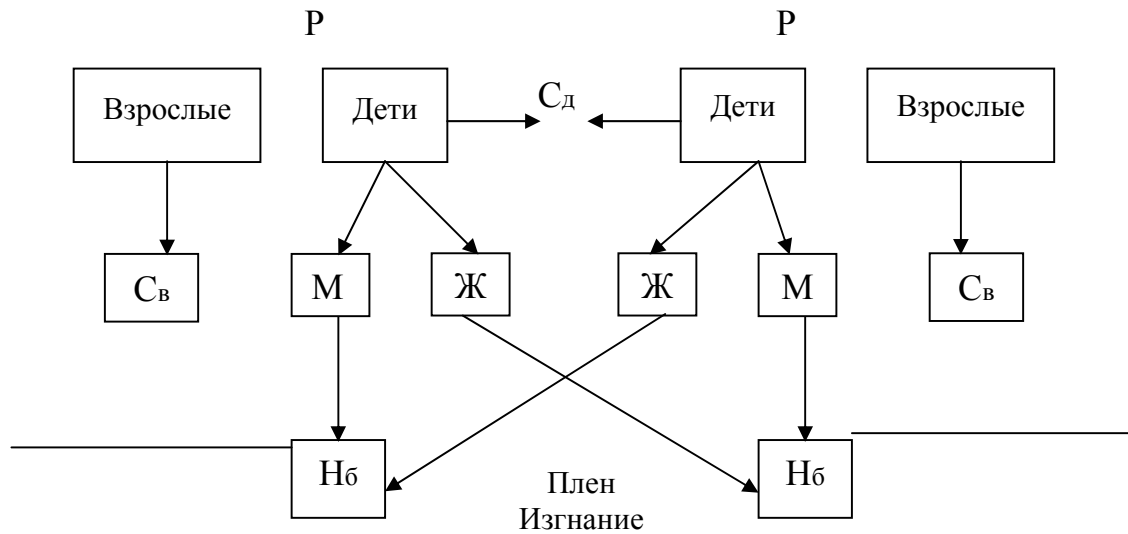
¹ Обобщение многочисленных данных о больших семейных общинах см. Косвен М.О. Семейная община и патримония

определяется общим уровнем развития производительных сил и задает ориентиры, цели для нормативного управления, выступавшего, прежде всего, как регуляция демографического поведения. Ненормативное управление задает, в первую очередь, уровень общей и детской смертности; во-вторых, оно устанавливает ценность детей с точки зрения их участия в материальном производстве. И, наконец, оно устанавливает оптимальные размеры общности людей в конкретных общественно-экономических условиях. В данном народонаселении между уровнями рождаемости и смертности устанавливается довольно жесткая зависимость, решающая роль в которой принадлежит рождаемости. Важная роль, которую дети играют в материальном производстве, ведет к демографической экспансии, что, в свою очередь, увеличивает смертность, если, конечно, не сопровождается ростом производительной силы труда. Развитие общей культуры обуславливает средний, нормальный уровень смертности, тогда как организация труда обуславливает стремление к неограниченной рождаемости.

Ненормативное управление задает общий стереотип поведения: каждый взрослый должен вступить в брак; вступив в брак, он должен иметь детей столько, сколько возможно, но выживет детей из-за высокой смертности не так уж много. Нормативная регуляция определяет конкретные формы поведения людей в конкретных ситуациях. Человеку нет нужды каждый раз «изобретать» линию поведения – попав в конкретную ситуацию, он оглядывается на обычай, рассматривая его как проверенный временем опыт поколений.

Рис. 7. Модель патриархального народонаселения





Ср – смертность рабов; Св – смертность взрослых членов семьи; Сд – смертность детей; Р – рождаемость, Нб – нормы брачности

1. Социальная мобильность тождественна изменению возраста
2. Уход из селения тождественен пленению, изгнанию, смерти
3. Условие успешного функционирования модели: интенсивность входящих в каждую ячейку потоков должна быть равна или больше интенсивности исходящих

В патриархальной семье имело место строгое половозрастное разделение труда; возможно, существовало и разделение видов деятельности между отдельными нуклеарными семьями, то есть кто-то занимался исключительно ремеслом, и т.п. Учитывая специфику сельскохозяйственной деятельности, можно предположить, что залогом процветания большой семьи был не столько его размер (численность), сколько демографическая структура, так как при отсутствии товарного производства и даже развитого обмена каждый из видов деятельности в большой семье был одинаково необходим. Взрослые мужчины расчищали площади для посевов, пахали, сеяли, убирали урожай, разводили скот; женщины содержали в порядке дом, ухаживали за домашними животными, готовили пищу (обычно эта функция женщины-главы, домачицы, большухи и т.д.), пряли, ткали, шили одежду, стирали, ухаживали за детьми; дети помогали женщинам по дому, пасли домашний скот и птицу, дети постарше помогали мужчинам. Дж.Колдуэлл, описывая

большие семьи йоруба, приводит интересный список функций, которые выполняют дети, включающий даже доставку корреспонденции.¹

Как известно, безбрачие, холостая жизнь взрослых людей всегда подвергалась осуждению. Эта традиция, видимо, восходит к периоду господства патриархальной семьи, когда брачность должна была строго регулироваться. У многих народов вступление в брак равнозначно инициации во взрослые, холостяки же имеют статус подростков, независимо от возраста. Это отражается в названиях групп: парубок у украинцев имел в качестве отличительного признака особую прическу («под горшок»), отсюда происходит и само слово парубок; то же у русских – парень. Обязательность вступления в брак была связана с особенностями распределения функций внутри большой семьи. Если взрослый мужчина вполне мог своим трудом прокормить несколько (двух-трех) человек, то одна женщина вряд ли могла обеспечить своим трудом нескольких взрослых мужчин. Поэтому мужчина, достигнув определенного возраста, должен был найти себе подругу. В то же время, повзрослев, он должен был обеспечить себе замену в группе детей, чтобы не нарушать демографической структуры семьи. Кроме того, он должен был обеспечить замену и своей сестре, которая, повзрослев, вышла замуж и перешла в другую семью, так как его жена (пришедшая из другой семьи) оказалась сразу в разряде взрослых, а сестра, уйдя из семьи и из категории детей, никого не оставила вместо себя. Таким образом, выполнение требования обязательного вступления в брак сочеталось с определенными репродуктивными обязанностями.

При переходе от присваивающей экономики к производящей, несомненно, изменилась структура факторов смертности. Переход к оседлости, постоянные, хорошо приспособленные к различным погодным условиям жилища, улучшение питания – таковы факторы, уменьшающие смертность. Вместе с тем появились и новые факторы, прежде всего экологического порядка, которые должны были вести к повышению смертности. Увеличение скученности людей в поселениях, нарушение

¹ Caldwell J.C. Toward a restatement of demographic transition theory. – Population and development Review, 1976, vol.2, N° 3-4, p.344

экологического равновесия из-за развития земледелия и скотоводства вело к ухудшению санитарной обстановки жизни людей, увеличивало вероятность возникновения инфекционных заболеваний.¹ Как сложилось соотношение благоприятных и неблагоприятных факторов и как изменился в связи с этим уровень смертности – на этот вопрос нельзя дать однозначного ответа. Думается, что если изменения смертности произошли, то они были весьма незначительны.

На рис.7 видно, что исходящими потоками в патриархальной семье, помимо смертности, является изгнание, пленение и, как средство уменьшения семьи до оптимальных размеров, ее разделение. М.О.Косвен считает, что естественное разрастание семейной общины было правилом и вело к ее разделению. Выделявшиеся новые семейные группы «сохраняли между собой в некоторых отношениях и формах хозяйственное, общественное и идеологическое единство и образовывали особую родственную группу – патримонию, которая состояла из меньшего или большего числа отдельных, все же связанных между собой родственных семей, ведущих свое происхождение от общего предка, носящих общее патронимическое название и пр. Численность патронимии могла достигать до двух-трех тысяч человек».² Конечно, можно предположить, что патронимии возникли из одного первоначального рода, о чем свидетельствует их экзогамия, но нам представляется более правильным предположение М.О.Косвена. Экзогамию патронимии можно объяснить ее происхождением из одной большой семьи.

Вопрос о нормах, обеспечивающих высокую рождаемость в больших семьях, является важным и для объяснения причин высокой рождаемости в современных развивающихся странах. Но единой точки зрения на происхождение этих норм, на причины высокой рождаемости в настоящее время нет. Ряд авторов (А.И.Антонов, В.А.Борисов, Л.Е.Дарский) полагают, что многодетность и высокая рождаемость обусловлены

¹ См. Козинцев А.Г. Переход к земледелию и экология человека. В кн.: Ранние земледельцы, с.18; Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество, с.93; Acsádi GY., Nemeskéri J. History of human life spans and mortality . – Budapest, 1970, p.209

² Косвен М.О. Указ.соч., с.4

экономическими причинами, а именно, полезностью большого числа детей для семьи, так как от этого зависит благосостояние семьи и обеспечение старости. Особенно характерна аргументация полезности многодетности в семьях австралийского ученого Дж.Колдуэлла, который считает, что детность семьи зависит от направления потока материальных благ и услуг. Если поток движется в направлении от детей к родителям, то последние стремятся иметь максимально возможное число детей, в противном случае идеалом является бездетность.¹

Представителем другой точки зрения на причины высокой рождаемости является А.Г.Вишневский, считающий, что многодетности, как общего правила, не было, а высокая рождаемость была обусловлена высокой смертностью и имела своей целью обеспечение воспроизводства численности населения.²

Нам представляется более правильной первая точка зрения, хотя она, как и вторая, имеет существенный недостаток. Он заключается в игнорировании структуры патриархальной семьи и фактическом применении современного понятия «семья» к весьма отдаленным периодам. Патриархальная семья коренным образом отличается от современной нукlearной семьи тем, что она на протяжении сколь угодно длительного промежутка времени не изменяет своей демографической структуры. Современная семья начинает свое существование с момента заключения брака между мужчиной и женщиной и представляет собой брачную пару без детей. Затем появляются дети – структура семьи меняется, она становится классической нукlearной семьей, то есть состоит из родителей и их детей. Дети становятся взрослыми, женятся или выходят замуж, образуют свои семьи – и их родители опять превращаются в бездетную пару. Таким образом, вся эволюция современной семьи описывается следующей формулой: бездетная семья – нукlearная семья – бездетная семья.

¹ Caldwell J.C. Op.cit., p.345

² Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. М., 1982, с.159-170

Патриархальная семья, даже если она состоит из трех поколений, не меняет своей структуры. В ней постоянно есть старшие, среднее поколение (дети старших) и дети среднего поколения (внуки старших). Каждый человек последовательно проходит все ступени демографической иерархии большой семьи. Неизменная структура обусловлена половозрастным разделением труда в этой основной производственной ячейке. Если рассуждать об экономической выгодности или полезности детей, то с таким же успехом можно говорить и о полезности и экономической выгодности взрослых. И дети, и взрослые были необходимым условием существования всей семьи, всего производственного коллектива в целом. Взрослые выполняли работы, связанные с большой физической нагрузкой и требующие определенных навыков, умелости; они производят большую часть продукта, но и потребляют большую его часть, что обусловлено не их особым социальным статусом, а их физиологией. Дети выполняют легкие, но необходимые работы, производят меньше продукта, но и меньше потребляют.

Осознание роли детей в производственном коллективе, видимо, произошло на этапе выделения отдельных семей из рода. Как отмечает М.М.Ковалевский, здесь должна возникнуть некая конкуренция за потомство, так как «каждая семья хотела иметь своих детей у себя в хозяйстве...».¹ Поэтому, вероятно, возник обычай «кувады», то есть симулирования отцом родовых мук для установления своих прав на потомство. М.М.Ковалевский подобрал множество данных о конкуренции за детей между кланами отца и матери, а также выдержек из древних законодательств, свидетельствующих о единственном предназначении брака – рождении множества детей. Непосредственно нормы рождаемости оформлялись по-разному. Например, в Риме, Греции, Индии, Иудее муж должен был разводиться с женой, если она не родила ему сына, который мог бы продолжить культ домашнего очага. В Риме при заключении брака произносили клятву, что берут жену, чтобы иметь от нее детей; в Иудее

¹ Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 193?, с.52

речь шла не о праве, а об обязанности развестись с бесплодной женой. По законам Ману (IX, 81), муж имел право на развод, если жена не родила ему в течение 8 лет или если все дети умирали при рождении в течение 10 лет, или если в течение 11 лет рождались только девочки. С появлением государственной власти стало санкционироваться и безбрачие.¹ Обычай требовать в заложники детей тоже свидетельствует об их большой ценности в примитивном обществе.²

Видимо, именно в патриархальной семье появилась индивидуальная потребность в детях. Обширное потомство могло обеспечить человеку выборы на почетный пост большака. Кроме того, в сознании семьи должно было отложиться то, что дети, многодетность, большесемейность ассоциируются с процветанием. При сегментации большой семьи наверняка наблюдалась разница в образе жизни между богатыми, зажиточными большими семьями и выделившимися из них малыми. Эта разница могла стимулировать высокую рождаемость для достижения многочисленности семьи и, следовательно, процветания.

То, что большая, многопоколенная, с развитой демографической структурой семья обладала рядом экономических преимуществ, свидетельствует, например, стремление государства в России поддерживать большую семью, так как она, будучи тягловой единицей, лучше справлялась со своими обязанностями. Как отмечает М.М.Ковалевский, «государство видело в нераздельной семейной собственности средство к вынуждению податной повинности».³ Николай Ростов, став помещиком после женитьбы на Марии Волконской, семьи крестьян «поддерживал в самых больших размерах, не позволяя им делиться».⁴ Сербская пословица говорит: «Задружна куча тече имуча» (большая семья живет богато). Н.Куплеваский, рассматривая земельные

¹ См. Ковалевский М.М. Указ.соч., с.81-82

² Цезарь Г.Ю. Записки о галльской войне. – В кн.: Древние германцы, М., 1937, с.11

³ Ковалевский М. Первобытное право, вып.1, М., 1886, с.40-41

⁴ Толстой Л.Н. Война и мир. Эпилог, ч.1, гл.VII

наделы крестьян, употребляет такой оборот: «кто беден или малосемьянист».¹

Нет никакого сомнения, что многодетность, стремление иметь как можно больше детей было не следствием рационального расчета, а образом жизни человека патриархального общества. В то же время нельзя согласиться с А.Г.Вишневым, считающим стремление к высокой рождаемости лишь ответом на высокую смертность. На самом деле высокая смертность была лишь дополнительным стимулом высокой рождаемости, основная же причина ее была в семейном производстве, его организации и структуре.

В заключение необходимо отметить, что в рассматриваемом нами типе народонаселения проявляется противоречие между стремлением к неограничению высокой рождаемости, причины которого коренятся в специфике семейного производства, и ограниченностью производственных возможностей семьи. Растущее население начинало давить на узкие социальные рамки, и единственным способом уменьшения этого давления было экстенсивное развитие производства. Возможно, именно это противоречие послужило причиной передвижения народов, которое мы наблюдаем в Европе вплоть до V-VI веков, а в Азии – до XIV века. С другой стороны, это противоречие, если оно не снималось интенсификацией производства и сменой социальных форм организации, могло вести к парцелляризации наделов, обезземеливанию части общинников и к их социальному расслоению, то есть все равно было катализатором возникновения классового общества.

3.2. Народонаселение при рабовладении

Рабовладельческое общество – это первое в истории классовое, антагонистическое общество, в котором социальная структура не совпадает с демографической. Этим и обусловлена специфика рабовладельческого типа народонаселения. Если в доклассовую эпоху демографическое воспроизводство полностью совпадало с

¹ Куплеваский Н. Состояние сельской общины в XVII веке на дворцовых землях и землях духовных и светских владельцев. Киев, 1877, с.10 (цит. по: Косвен М.О. Указ.соч., с.162)

воспроизводством социальной структуры, то при рабовладении оба эти процесса носят, казалось бы, независимый характер и являются относительно независимыми.

Относительная обособленность демографического воспроизводства от воспроизводства социальной структуры таит в себе возможность противоречия и даже антагонизма между ними. Появление государства как органа управления воспроизводством социальной структуры ведет к появлению разрыва в уровнях организации управления обоими видами воспроизводства. Если структурирование верхнего яруса управления социальной структурой было правилом и сущностью государства, основной функцией которого было подавление и удержание в подчиненном состоянии класса рабов, то демографическое управление осталось прерогативой семьи. Рассогласование обоих видов управления заставляло государство время от времени структурировать демографическое управление на уровне всего общества, но отсутствие учета специфики демографического поведения делало эти попытки бесплодными.

В качестве примера рабовладельческого населения мы берем население античного мира, потому что там наиболее выпукло проявлялось противоречие между воспроизводством социальной и демографической структур.¹

В античных обществах существовали две основные социальные группы: рабы – основная производительная сила общества, и свободные

¹ Народонаселение античного мира давно привлекает к себе внимание исследователей – историков и демографов, но изучается оно, как правило, с точки зрения определения общей численности или в плане изучения демографической политики античных государств. В числе первых работ, посвященных этому вопросу, надо назвать вышедшую в 1889 году в Лейпциге книгу К.Ю.Белоха «Население греко-романского мира» (на немецком языке), в которой даются реалистические оценки численности населения. Обзор и критический анализ этой и других работ по этому вопросу содержится в книге Б.Ц.Урланиса «Рост населения в Европе (опыт исчисления)», М., 1941, который также посвящает один из разделов численности населения античного мира. Кроме того, существует еще ряд работ, посвященных демографическим проблемам античности: Мейер Э. Народонаселение в древности. – В кн.: Народонаселение и учение о народонаселении. М., 1896; в этой же книге – статьи Л.Эльстера, посвященные популяционистской политике в Древней Греции и Риме; среди современных работ надо назвать «основы теории народонаселения». М., 1977; Судоплатов А.П. Демографические концепции. М., 1974; Урланис Е.Б. Демографическая политика в рабовладельческом и феодальном обществах. – В кн.: Вопросы демографии. М., 1970 и др.

люди, которые противостояли классу рабов и потому составляли в идеологическом плане единый класс рабовладельцев. Но реально свободное население античного мира было неоднородно. Меньшую его группу составляли рабовладельцы, целиком живущие за счет рабского труда. При низком уровне развития производительной силы труда и, следовательно, при минимальном количестве прибавочного продукта, для того, чтобы жить за счет рабов, надо было иметь их в весьма большом количестве. Предполагают, что на 90 тысяч граждан Афинского государства приходилось 365 тысяч рабов обоего пола и 45 тысяч состоящих под покровительством чужестранцев (метеков) и вольноотпущенных. То есть на каждого свободного приходилось 4.5 раба и метека.¹ В этих условиях была необходима консолидация всех свободных для удержания в повиновении порабощенных.

Не все свободные граждане имели рабов, большинство из них были крестьянами, которые самостоятельно работали на своих участках, и если использовали рабский труд, то незначительно. В городах было много ремесленников, работающих самостоятельно. В то же время незначительное число богатых рабовладельцев имело большую часть рабов. В Греции большая часть была занята в ремесленных мастерских – эргастериях или в домашнем хозяйстве. В Риме основным полем приложения рабского труда было сельское хозяйство.

Свободные мелкие производители составляли основу рабовладельческого государства – из них набиралось войско, которое захватывало и удерживало в повиновении рабов. Но по своей экономической основе эта социальная группа была чужда рабовладельческому способу производства, она представляла остаток первобытно-общинной формации и потому неуклонно разрушалась с развитием рабовладения. С появлением частной собственности и разделом общинных земель свободные люди чаще попадали в долговую кабалу к богатым и превращались, таким образом, в рабов. Социально-экономическое развитие оставляло свободному крестьянину-общиннику

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.21, с.119

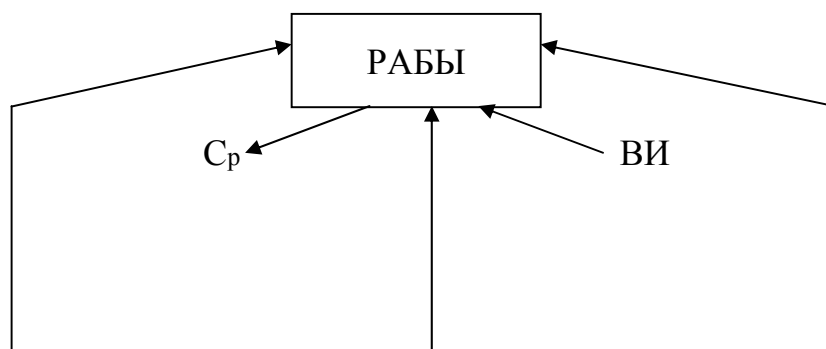
только две дороги: обогащение и превращение в «чистого» рабовладельца или разорение, обезземеливание и превращение в раба.

Таким образом, тенденция развития социальной структуры состояла в постепенном образовании только двух классов – рабов и рабовладельцев. При этом рабов должно было быть подавляющее большинство, а свободных – ничтожное меньшинство. Если предположить, что раб давал, при тогдашней низкой производительности труда, даже 25% прибавочного продукта, то при наличии четырех рабов рабовладелец по уровню потребления не отличался бы от раба. Учитывая, что содержания требовал не только сам рабовладелец, но и его семья, можно предположить, что на одного человека-эксплуататора должно приходиться не менее 8-10 эксплуатируемых.

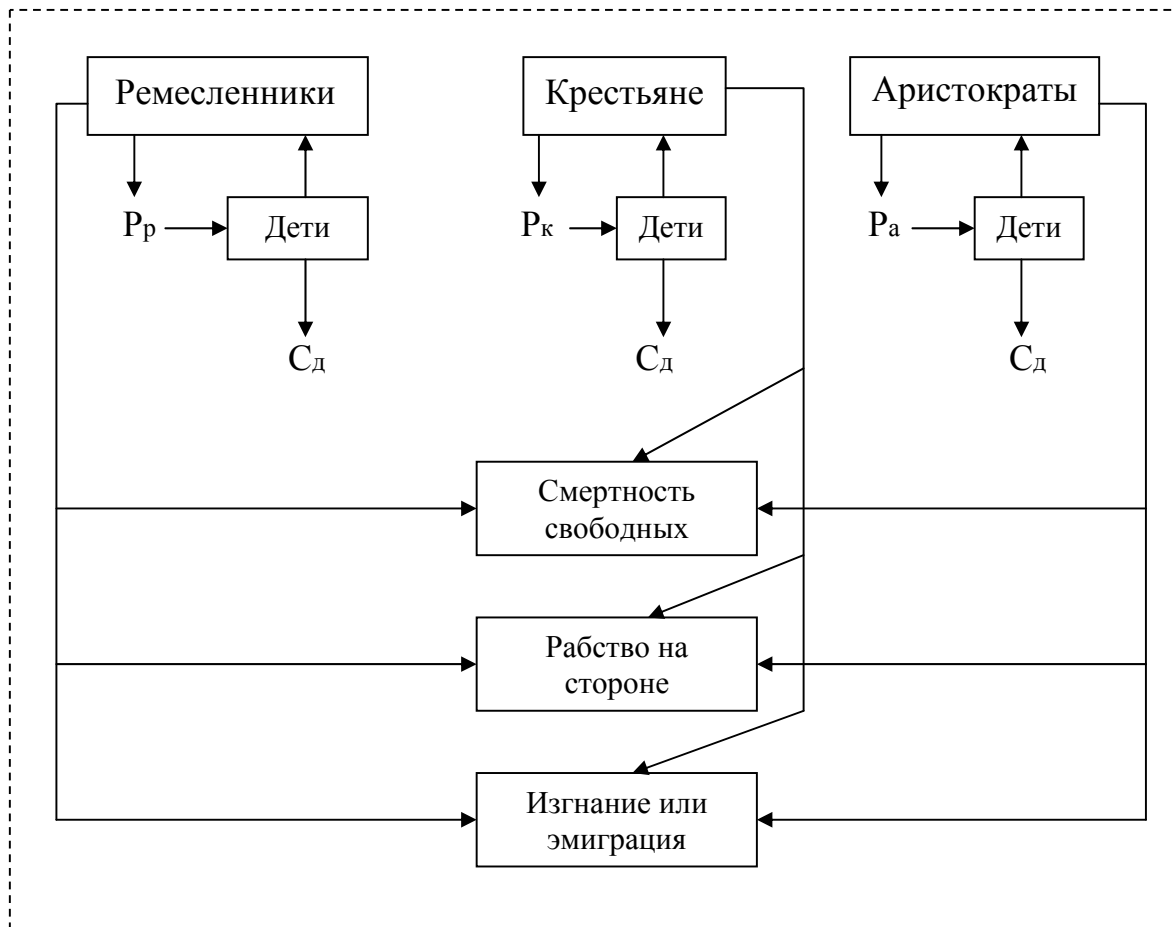
Направление социальной мобильности в рабовладельческом обществе было только одно: от свободного к рабу. Рост числа рабов обусловил то, что свободные представляли единую организацию угнетения. Лучше всего это показывает пример древней Спарты, где угнетенное население – илоты, находившиеся на положении рабов, подвергались постоянному военному давлению со стороны спартанцев, периодически им даже объявлялись «войны».

Модель функционирования античного населения (Рис.8) показывает потоки, пополняющие и исчерпывающие социальные группы, наличие которых является условием существования общества. Единственным источником пополнения (восполнения) каждой социальной группы свободных является ее демографическое воспроизводство, тогда как убывать она может за счет социального передвижения (разорение и превращение в раба), за счет естественной смертности и за счет военных потерь.

Рис. 8 Модель народонаселения при античном рабовладении



СВОБОДНЫЕ



S_r – смертность рабов; P_r – рождаемость рабов; P_k – рождаемость крестьян; P_a – рождаемость аристократов; C_d – смертность детей; ВИ – внешние источники

Для того, чтобы ограничить убыль социальных групп, надо перекрыть поток «свободные-рабы». Но в результате такой акции уменьшится приток рабов, следовательно, необходимо уменьшить убыль рабов за счет смертности и увеличить их приток из внешних источников. В свою очередь, это должно вести к усилению военной организации. Для пополнения группы рабов есть еще один источник – их естественное воспроизводство. Но этот источник при низкой производительности труда и небольшой продолжительности жизни в тот период не годится, так как затрата средств на содержание раба до достижения им нормальной

трудоспособности была нерентабельна. Дешевле было купить раба на рынке или захватить на войне.

В античном народонаселении складывается парадоксальная система: основной производящий класс, составляющий, возможно, большинство населения, не воспроизводится в демографическом плане. С точки зрения традиционной демографии, он вообще не входит в население. В этой связи основной задачей рабовладельческого государства, помимо подавления угнетенных, было обеспечение сохранения социальной структуры.

Государство выступает в качестве субъекта управления, основным же объектом государственного управления становится социальная мобильность. Демографическое поведение отходит на второй план, потому что первоначально в условиях практически не ограничиваемой рождаемости и обусловленной семейным производством высокой потребности в многодетности, управление им представлялось только как ограничение рождаемости и смертности. Вообще для социального управления в античную эпоху характерно ограничение, как мера воздействия на что-либо.

Специфика античного народонаселения, прежде всего, в Древней Греции заключается в его обозримости. В греческих городах-государствах все буквально знали друг друга. Именно это позволило древним философам осознать взаимосвязь воспроизводства социальной и демографической структур. Идея о необходимости законодательно регулировать эти два процесса пронизывает работы Платона и Аристотеля, посвященные вопросу о государстве.

Относительно небольшие размеры греческих городов-государств позволяли подмечать общие тенденции развития их народонаселения, не прибегая к помощи статистики. На первый план выступала необходимость консолидации всех свободных для угнетения всех рабов, а препятствиями здесь были имущественная дифференциация и долговое рабство. Платон, отмечая, что государство может увеличиваться до тех пор, пока не перестанет быть единым, имел в виду не только количественный рост, но

и социальное единство. Он писал о мнимо больших государствах, что «в них заключено два враждебных между собой государства: одно – бедняков, другое – богачей; и в каждом из них опять-таки множество государств, так что ты промахнешься, подойдя к ним как к чему-то единому».¹

Платон понимал необходимость разделения труда и существования групп, различающихся по месту в общественном производстве. Само государство он определял так: «Государство возникает, когда каждый из нас не может удовлетворить себя сам, но нуждается еще во многом».² Таким образом, под государством понималось все общество, а не только аппарат управления. Платон ведет речь не об устранении различий, а об устранении противоположности, антагонизма между различными группами в обществе путем устранения имущественной дифференциации свободных.

Позднее эти же идеи были сформулированы Аристотелем, который, выдвигая первым материальным условием существования государства, совокупность граждан, тут же задает вопрос: «Какие от природы они должны иметь качества...?».³ Величина государства, считает Аристотель, измеряется не количеством его населения, а его качеством. «Ведь у государства есть свои задачи, а потому величайшим государством должно признавать такое, которое в состоянии выполнить эти задачи наилучшим образом».⁴ При этом внимание обращается только на свободную часть населения, которую Аристотель считает «органической частью государства». Он пишет, что такое государство, которое «заключает в себе многочисленный класс ремесленников, но мало тяжеловооруженных, нельзя считать государством большим: ведь понятия большого государства и многонаселенного государства не тождественны».⁵

¹ Платон. Государство, IV, 422e, 423a. Цит. по: Платон. Сочинения в 3-х томах, М., 1971, т.3, ч.1

² Платон. Государство, II, 369

³ Аристотель. Политика, VII, 4, 2. Цит. по: Аристотель. Политика, М., 1911

⁴ Политика, VII, 4, 3

⁵ Политика, VII, 4, 4

Оригинально решает Аристотель проблему социальных антагонизмов, полагая, что ту часть населения, интересы которой не принимаются во внимание, нельзя считать населением вообще; «хотя земледельцы, ремесленники и всякого рода поденщики необходимо должны быть налицо в государстве, но собственно элементами, составляющими государство, являются военное сословие и те, кто облечен законодательной властью».¹

Будучи идеологами рабовладения, Платон и Аристотель решали проблему управления в обществе исключительно в рамках традиционного типа. Построив модель идеального государства, задачей управления они считали ограничение действия разрушающих его тенденций. Как отмечал Карл Хильдебранд, система каждого философа «возникает из умственного кругозора, свойственного его времени; и насколько бы его сознание не превышало сознание его современников, он может стать выше своего времени, но не вне его».² Платон и Аристотель заменили цели управления, выработанные опытом поколений, целями, поставленными на основе философского анализа и рассуждения, но в целом схему управления составляли прежней: сдерживание развития, поддержание системы в неизменном состоянии, даже если это противоречит объективным тенденциям.

Этот принцип сохраняет силу и в отношении регулирования численности населения. И Платон, и Аристотель считали необходимым поддерживать ее на определенном уровне. Интересно отметить, что в отношении рождаемости главной задачей считалось ограничение, как и в целом в отношении численности населения, которая без такого ограничения должна, безусловно, расти.

Таким образом, в учениях философов древности мы находим зародыш тезиса о стремлении к неограниченному размножению. В «Законах» Платон непосредственно выдвигает концепцию социального управления, оформленную как учение о тройной нужде и возделении,

¹ Политика, VII, 8, 6

² Цит. по: Народонаселение и учения о народонаселении, М., 1897, с.90

которые движут поступками людей. Это 1) вожделение к еде и питью, 2) вожделение к наслаждению и устранению всякого рода страданий и 3) вожделение, которое «воспламеняет людей неистовством и сжигает их на огне всевозможных бесчинств. Это стремление к продолжению рода (подчеркнуто нами)».¹ Задача управления заключается в том, что «надо попытаться сдержать их с помощью трех могущественных средств: страха, закона и правдивого слова, пользуясь при этом также музами и богами – покровителями состязаний, дабы погасить рост и наплыв этих страстей».²

В этих положениях отчетливо прослеживается древняя идеология, которая лежала в основе античных законодательств. Платон понимал роль демографического воспроизводства в государстве: «Скажи же, ради богов, какой закон установил бы законодатель первым? Не естественно ли, что он прежде всего упорядочит рождение детей – эту первооснову государства? ... Основа же для рождения детей во всех государствах – это брачные союзы... Следовательно, первыми во всяком государстве будут по праву законы о браке».³ То же самое находим у Аристотеля, предлагающего брачное законодательство, мало отличающееся от платоновского, но добавляющего, что «ни одного ребенка-калеку кормить не следует» и что «если у состоящих в супружеском сожитии должен родиться ребенок сверх положенного числа (детей), то следует прибегнуть к аборт...».⁴

Аристотель подчеркивает условие немногочисленности населения, как обязательное для успешного функционирования государства: «те государства, которые славятся прекрасной организацией, не допускают чрезмерного увеличения их народонаселения».⁵ То же самое, по Платону, является залогом процветания: «...прежде всего, сохраняйте на протяжении всей жизни установленную численность; затем сохраняйте величину и размеры вашего имущественного надела. Не бесчестите ваш

¹ Платон. Законы, VI, 782e, 783a. Цит. по: Платон. Сочинения в 3-х томах, М., 1971, т.3, ч. II

² Платон. Законы, VI, 783a

³ Платон. Законы, IV, 720e, 721a

⁴ Аристотель. Политика, VII, 14, 10

⁵ Аристотель. Политика, VII, 4, 10

первоначально соразмерный надел взаимной куплей и продажей, ибо не будет вам в этом союзником ни законодатель, ни бог».¹

Квинтэссенцию идеологии античности составляет идея соразмерности как условия процветания: соразмерности земли и населения, семьи и надела. Древние философы видели, откуда идет опасность для полиса. Развитие товарно-денежных отношений, купля и продажа земли – вот источник разложения социальной структуры рабовладельческого общества. Функционирование общественной системы рассматривалось по принципу котла с паром, давление в котором постоянно растет, и для поддержания его на необходимом уровне надо время от времени выпускать пар из клапана.

Именно этого принципа придерживались античные законодатели, стремившиеся сохранить в неизменности социальную структуру античного государства. Наиболее показательными в данном случае являются законодательства Тесея, Драконта, Солона и Клисфена в Аттике, а также реформы Сервия Туллия в Древнем Риме.

Основной целью всех этих законодательств было предотвращение тенденции к исчезновению промежуточного слоя свободных, не владеющих рабами, в рабовладельческом государстве, ибо именно они составляли основу его военной мощи. «Когда греческое общество впервые попало в поле зрения истории, - пишет Л.Г.Морган, - примерно в эпоху первой олимпиады (776 г. до н.э.) и вплоть до законодательства Клисфена (509 г. до н.э.), оно было занято разрешением великой проблемы ... Народ стремился перейти из родового общества, в котором он жил с незапамятных времен, в политическое, основанное на территории и собственности».² Эта оценка периода законодательства Древней Греции не совсем точна, фактический переход от родового общества к классовому был уже осуществлен, и речь шла лишь о юридическом оформлении уже существующих социальных институтов и отношений.

¹ Платон. Законы, V, 741a

² Морган Л.Г. Древнее общество, с.126

Все древнегреческие законодательства в большей или меньшей степени повторяли друг друга, что, возможно, свидетельствует об их неэффективности в достижении главных целей. Каждая из реформ имела своей основной частью территориальное и имущественное разделение народа. Как известно, ионийцы Аттики составляли четыре племени (гелеонты, гоплиты, экигоры и аргады), слившиеся в одну национальность. Каждое племя состояло из трех фратрий, а фратрия – из тридцати родов. Легендарные реформы Тесея связывают с образованием синойкизма аттических поселений с одним общим домом совета. Пытаясь, видимо, преодолеть родоплеменную разобщенность и консолидировать народ, Тесей разделил его на геоморов-земледельцев и демиургов-ремесленников. В то же время или несколько позже образовалась группа эвпатридов (имеющих благородного отца), видимо, из родовой знати. Эта реформа говорит, что уже во времена легендарного победителя Минотавра имущественные и территориальные отношения подчинили себе родовые и стали ведущим системообразующим фактором в народонаселении.

Но если реформы Тесея и преодолели родоплеменную разобщенность, они не остановили процесса имущественного расслоения населения и даже, возможно, стимулировали его. Законодательством Солона (594 г. до н.э.) население Аттики делится не по признаку участия в общественном разделении труда, как это было при Тесее, а по имущественному критерию, на четыре класса (тимократия). Первый класс – пентакосиомедимны, то есть имеющие доход не менее 500 медимнов зерна или масла, второй класс – всадники, имеющие доход не менее 300 медимнов, третий – зевгиты – 200 медимнов и четвертый – феты – менее 200 медимнов.¹ Надо отметить, что еще до Солона в каждом племени были учреждены навкрии по 12, составляющие округ с его домохозяйствами и выполняющие ряд повинностей, например, снаряжение корабля (откуда и название). Очевидно, что возложение таких обязанностей на род или несколько родов было невозможно из-за их

¹ Один медимн равен 54.5 литра

имущественного неравенства, в то время как территориальная единица могла с ними справиться. Таким образом, появился институт круговой поруки.

О том, насколько далеко зашла имущественная дифференциация. Говорит самый значительный закон Солона – сисахфия (сбрасывание бремени), по которому убрали долговые камни с полей, запретили лишать неоплатных должников личной свободы. Таким образом, был перекрыт канал, по которому свободные переходили в разряд рабов, и сохранена основа для войска рабовладельцев. С этой же целью был издан закон, ограничивающий размеры земельных владений, и было разрешено отчуждать землю (закладывать или отчуждать под видом завещания), то есть родовая собственность была заменена частной. Частная собственность на землю, с одной стороны, способствовала, а с другой – спасала обедневших от разорения, так как теперь можно было продать или заложить землю, тогда как раньше она безвозмездно доставалась богатеющему сородичу. Для поддержки бедняков Солон запретил вывоз зерна из Афин, что вело к понижению цен на него и улучшало их положение.

Реформы Клисфена (509 г. до н.э.) окончательно смели «последние остатки родового строя».¹ Аттика была разделена на 100 демов, 10 фил, 30 тритрий и 3 округа. «Забудь о филах и родах» - говорит пословица. Солон внес принцип собственности в управление обществом, Клисфен – принцип территориальности.

Оба великих законодателя были озабочены не только социальной структурой, но и численностью населения. Законы Солона осуждали безбрачие, а Клисфен дал гражданские права некоторым метекам и вольноотпущенникам, чтобы уравновесить численность населения отдельных территориальных единиц. Но именно эти законодательства, уничтожив родовую организацию общества, привели к уничтожению материальной основы репродуктивного поведения – семейного производства. С отделением социальной структуры от демографической

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.21, с.117

появилась возможность замены демографических источников пополнения социальных групп активизацией социальной мобильности. А в отдельной семье появилась возможность замены детей в структуре производства рабами. Причем, это должно было вести к значительному подъему производительности труда.

Если каждый ребенок, прежде чем вступить в материальное производство, переживал хотя бы небольшой период нетрудоспособности, то раб, купленный на рынке, сразу же начинал трудиться и окупал свою цену за 1.5-2 года. Расширение применения рабского труда подрывало потребность в многодетности. Если при патриархальном рабстве рабы лишь заменяли недостающих для нормального ведения хозяйства членов семьи, то в дальнейшем рабский труд вытесняет труд сначала детей, а потом и вообще свободных.

В период расцвета рабовладельческого способа производства наблюдается сокращение рождаемости, что отмечается в античных законодательствах в Афинах, где отцы трех сыновей освобождались от ночной службы, а отцы четырех – от общественной службы вообще,¹ и в Риме, где закон Юлия и закон Папия и Попея осуждали безбрачие и поощряли многодетность (точный текст этих законов до нас, к сожалению, не дошел). О снижении рождаемости в Греции пишет и Полибий.

Расширение применения рабского труда, ведущее к снижению рождаемости, и законодательные попытки сохранения социальной структуры путем подкармливания крестьянства вели в Древнем Риме к пауперизации и деклассированию значительной части населения. Это, в свою очередь, обусловило уменьшение военной мощи государства, которая обеспечивалась народным крестьянским ополчением. Раньше приток рабов обеспечивался, в основном, военными захватами; например, во время экспедиции Регула в Африку в 256 г. до н.э. в Италию было отправлено 20 тысяч человек, после захвата Торента во второй Пунической войне (209 г. до н.э.) было порабощено 30 тысяч человек, в

¹ См. Основы теории народонаселения, М., 1977, с.42

167 г. до н.э. после разгрома Эпира было уведено в рабство 150 тысяч человек, при усмирении Сардинии – 80 тысяч, и т.д. С разорением и пауперизацией крестьян приток рабов значительно оскудел. Это вело к повышению цены на рабов и уменьшало, таким образом, рентабельность рабовладельческого хозяйства.

Можно привести примеры целого ряда попыток законодательного поддержания социальной основы римского войска. Это реформы Сервия Туллия, аналогичные реформам Солона и Клисфена, в середине VI века до н.э., отмена долгового рабства по закону Петелия в 326 г. до н.э., аграрные реформы братьев Гракхов и Ацулея Сатурнина, военная реформа Мария и др. Уже сама их многочисленность говорит о неэффективности.

Именно в условиях снижения рентабельности рабовладельческого хозяйства и снижения рождаемости, когда все меры, направленные на повышение последней оказались неэффективными, начинается возрождение семейного производства. Это возвращение выступало как действие стихийного управления объектом. Но возрождение семейного производства происходит на качественно новой основе: возникают такие социальные институты, как колонат, серви казати (рабы, арендующие землю). И, наконец, превращение латифундии в сальтус – поместье, разбитое на parcelлы, отданные в аренду мелким держателям с фиксированными поземельными повинностями, - прообраз средневекового феодального поместья.

Таким образом, управление в античном народонаселении не смогло выполнить свои задачи, так как оно шло вразрез с объективными тенденциями развития общества. Разрешение противоречия между воспроизводством социальной и демографической структур осуществилось лишь при помощи коренной перестройки всей социальной системы – при переходе к феодальному способу производства.

3.3. Народонаселение при феодализме

Рассматривая народонаселение при феодальном строе, можно было бы ограничиться лишь указанием на то, что основной производственной

ячейкой здесь является семья и, следовательно, демографическое управление здесь организовано так же, как и на стадии разложения первобытно-общинного строя. Это роднит две названные общественно-экономические формации, но при феодализме общество делится на классы, существует государственный аппарат управления и юрисдикция. Поэтому организация управления народонаселением при феодализме имеет свою специфику.¹

Кроме того, народонаселение при феодализме коренным образом отличается от первобытного народонаселения: если последнее представлено такой общностью людей, как община или, самое большее – племя, то при феодализме народонаселение представляет собой национальность – достаточно большую общность людей, связанных территориально, политически, культурно-лингвистически и производственно.

Основу социальной структуры феодального общества составляют два класса: феодалы и крестьяне. Но они не исчерпывают социальной структуры, а существуют наряду с многочисленными прослойками, которые играют не менее важную роль в общественном производстве. Это прежде всего сословие горожан, состоящее из ремесленников и купцов, которое по мере развития феодального способа производства становилось все многочисленнее и подрывало основы натурального феодального хозяйства.

¹ Вопросы изучения населения средневековой Европы привлекают в настоящее время все большее внимание. Если акцент в исследованиях делался на определении численности и темпов роста населения на отдельных географических территориях (Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе; Барг А.М. К вопросу о росте населения Англии в XI-XII веках, - ВИ, 1947, № 11; Маркузон Ф.Д. Население мира от начала нашей эры до середины XX века, - в кн.: Вопросы экономики, планирования и статистики, М., 1957), то в настоящее время в круг исследований входят проблемы структуры средневековой семьи, территориального движения, социальной структуры и организации хозяйственной жизни. См. Ревункова Н.В. Население Монпелье в XII веке, СВ, 1967, т.30; Сванидзе А.А. К исследованию демографии шведского города, СВ, 1968, т.31; Авдеева К.Д. Внутренняя колонизация в Англии в XII-XIII вв., СВ, 1977, т.41; Барг А.М. Исследования по истории феодализма XI-XIII вв., М.-Л., 1962. Обзор современных исследований по проблемам средневекового населения сделан В.В.Самаркиным, см. «Историческая демография западноевропейского средневековья», - ВИ, 1977, № 2. особенно надо отметить работы Ю.Л.Бессмертного по структуре средневековой семьи (о них речь пойдет ниже), а также работы Р.Хилтона, Д.Херлихи, Э.Коулмена, Р.Рише, Ж.Фландрена, Ж.Дюби и др.

Средневековье – эпоха феодализма – отнюдь не однородно. Если раннее средневековье еще густо пронизано патриархальными и рабовладельческими отношениями, то в позднее уже можно найти зачатки капиталистических отношений. В настоящее время в советской медиевистике принята следующая периодизация: V в.- середина XI в. – раннее средневековье, формирование феодального поместья; расцвет средневековья – XI-XV вв. – полное развитие феодализма, городов и торговли; и, наконец, позднее средневековье – XVI-XVII вв. – разложение феодализма и зарождение капитализма (в западной медиевистике рубежом средневековья считается XV век). Рассматривать управление народонаселением необходимо с учетом этой периодизации, так как периоды различаются не только социальной структурой, но и репродуктивным поведением людей.

Характерной чертой социальной структуры феодального народонаселения является его сословность. Причем, каждое из сословий претерпевало значительную эволюцию на протяжении средневековья. Феодалы, ведущие свое происхождение от родоплеменной знати варварских племен, на протяжении первых двух периодов истории были военным сословием, функцией которого была защита крестьян-общинников. Но в первый период они по преимуществу защищали, а во вторую очередь эксплуатировали крестьян (о чем свидетельствует институт патроната). Во второй же период, после закрепощения крестьян, на первый план вышла эксплуатация, и антагонизм между крестьянами и феодалами вылился в целый ряд народных восстаний.

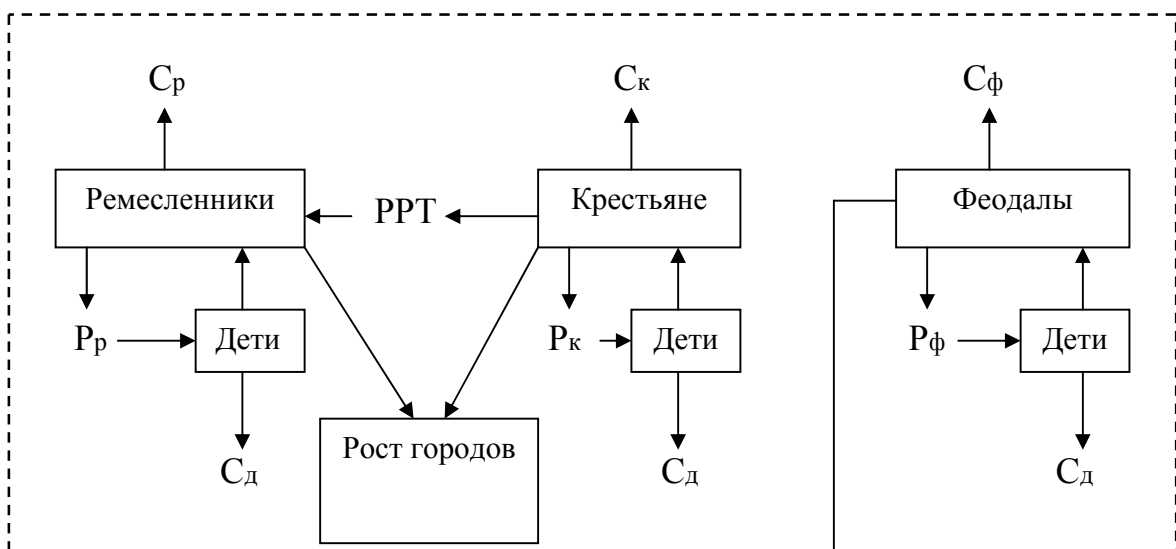
Претерпевали эволюцию и крестьяне, в течение первого периода средневековья бывшие по преимуществу свободными, выполнявшими небольшие поземельные повинности в пользу феодала-патрона. Хотя в этот период, особенно на территории бывшей Западной Римской Империи, сохранялись институты колоната и рабства. В конце первого - начале второго периода свободные крестьяне в основном были превращены в крепостных, значительно уменьшились их земельные наделы, но увеличились поземельные повинности и подушное обложение.

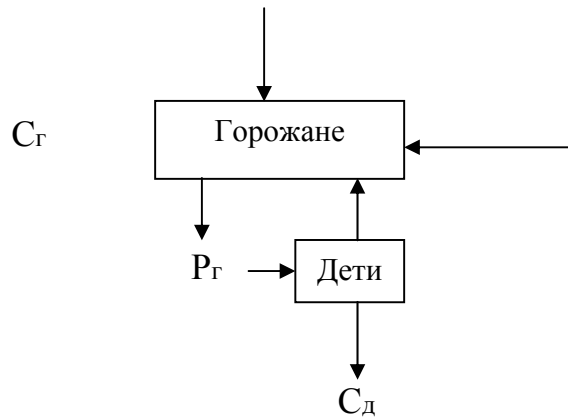
Это привело к значительному упадку и разорению крестьянского хозяйства, но и усилило города за счет развития торговли и увеличения товарного производства. Мощные крестьянские восстания в XII веке привели раскрепощению крестьян, к переходу от натуральной и отработочной ренты к денежной. Это, в свою очередь, усилило торгово-промышленное сословие общества, увеличило товарность хозяйства, обусловило возникновение национальных внутренних рынков и абсолютистских государств. Феодалное сословие превратилось в паразитирующую социальную группу.

Уже во второй период средневековья города начинают играть значительную роль в феодальном обществе. Они притягивают к себе население, бегущее из деревень от феодального гнета. Они становятся все могущественнее, оказывая поддержку государям в борьбе за абсолютную власть и, в свою очередь, получая от них поддержку в борьбе против феодалов. Именно города становятся силой, разлагающей феодальный способ производства. Развитие торговли ведет к вытеснению цехового ремесла капиталистической мануфактурой, именно в городах зарождаются новые общественные классы: пролетариат и буржуазия.

Схема феодального народонаселения (рис.9) показывает, что основным способом восполнения каждой социальной группы было демографическое воспроизводство. Но это относится только к собственно феодальным группам: крестьянам и помещикам. Население городов росло и за счет миграции сельских жителей в города. Этот источник роста городского населения был одновременно и каналом, по которому убывало сельское население.

Рис.9 Народонаселение феодального общества





C_p - смертность ремесленников
 C_k - смертность крестьян
 C_f - смертность феодалов
 C_r - смертность горожан
 C_d - смертность детей

P_p - рождаемость ремесленников
 P_k - рождаемость крестьян
 P_f - рождаемость феодалов
 P_r - рождаемость горожан
 PPT – развитие разделения труда

Единственным способом противодействовать этой тенденции развития социальной структуры было юридическое закрепление наследственности социального статуса. Жесткость сословных перегородок была характерной чертой феодального общества. Особенно наглядно эта форма управления социальной структурой видна в России, где вплоть до Октябрьской революции сохранилось разделение всех жителей на крестьян, мещан и дворян. Перейти из одного сословия в другое в средние века было просто невозможно. Единственным каналом смены социального статуса было (для жителей Западной Европы) бегство в города, воздух которых делал людей свободными. Ограничение социальной мобильности как способ управления не давал положительного эффекта в средневековье, так как разложение социальной структуры выражалось в перерождении самих социальных групп.

В средние века управление воспроизводством социальной структуры и управление демографическим воспроизводством выступают как два различных процесса. Если первое является прерогативой государства, то последнее остается в ведении семьи и не затрагивается даже такими формами управления, как брачные законодательства античности. Отсутствие попыток централизованного воздействия на рождаемость можно объяснить действием формального «гомеостатического» механизма, который обеспечивал постоянный медленный прирост населения за счет небольшого превышения рождаемости над смертностью. Но в основе этого механизма лежала потребность в многодетности, обусловленная семейным производством материальных благ.

А.Г.Вишневский, включив воспроизводство населения на стадии феодализма в традиционный тип, объясняет однообразие репродуктивного поведения «его жесткой запрограммированностью»¹, считает, что семья с большим числом детей ни субъективно, ни объективно не имела никаких экономических или социальных преимуществ. «Возьмем, к примеру, западноевропейское средневековье с его высокой рождаемостью у всех слоев населения, - пишет А.Г.Вишневский, - в чем были выгоды семьи с большим количеством детей для средневековой знати в условиях общепринятого майората...? Были ли заинтересованы в многодетности городские ремесленники в условиях, когда господствовала жесткая всесторонняя цеховая регламентация, и нередко ограничивалось даже число членов цеха? Чем, наконец, была «предпочтительна» многодетная крестьянская семья?»²

Рассмотрим репродуктивное поведение людей с учетом периодизации средневековой истории. Стремление к высокой рождаемости и многодетности было присуще феодальной знати в основном в первом – начале второго этапа средневековья. Это была эпоха крестовых походов и феодальных усобиц. Стремление к высокой

¹ Вишневский А.Г. О мотивационной основе рождаемости, - в сб.: Демографическое развитие семьи, М., 1979, с.143

² Там же, с.142-143

рождаемости, обусловленное высокой смертностью и желанием иметь наследников – продолжателей рода, было типично для знати. Это выражалось даже в костюмах женщин той эпохи, сшитых так, чтобы вызвать иллюзию, что женщина беременна. Психологически это переживалось как потребность в многодетности, ибо только она давала гарантию благополучия феодального рода.

Даже если мы возьмем майорат, то для того, чтобы иметь сына-наследника, нужно было родить в среднем четырех детей, учитывая, что половина из них – девочки, а половина умрет в детском возрасте.¹ Но было бы ошибкой считать, что потребность в многодетности была обусловлена исключительно высокой детской смертностью. Большое число детей обеспечивало феодалу социальную мощь. Выдавая замуж дочерей и женив сыновей, он укреплял связи с соседями, делая их своими потенциальными союзниками. При помощи института майората сохранялись только те владения феодала, которые были даны ему «от Бога», но, кроме родовой вотчины, феодал владел землей как вассал определенного сюзерена. Поэтому каждый феодал мог получить землю во владение, если соглашался принести вассальную присягу и выполнять ленную повинность, то есть поддерживать сюзерена оружием в размерах, установленных этой присягой.

С прекращением феодальных войн и установлением абсолютной монархии знать первой вступает на путь сокращения рождаемости. Отметим, что феодальная верхушка составляла ничтожное меньшинство населения. И если по такому признаку, как высокая рождаемость, ее можно объединить с другими сословиями феодального общества, то причины такой рождаемости у нее совершенно отличны от причин высокой рождаемости сословий, непосредственно занятых в общественном производстве. Неверно думать, что высокая рождаемость знати поддерживалась только религиозной моралью, если учесть, что в такой религиозной стране, как Испания, «право первой ночи» было

¹ См. Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни, М., 1978, с.22

отменено Фердинандом Католиком только после мощнейшего крестьянского восстания в 1486 году.

Особый интерес представляет рождаемость крестьян, составлявших абсолютное большинство средневекового общества. В современной медиэвистике не существует определенного решения вопроса о размерах семьи крестьян и уровне их рождаемости, а также о детерминантах репродуктивного поведения. Проблемы воспроизводства крестьянского населения и структуры крестьянской семьи в настоящее время все больше привлекают внимание ученых. В СССР и за рубежом прошло несколько конференций и семинаров по вопросам исторической демографии. Последнее десятилетие ознаменовано выходом ряда книг и статей по исторической демографии, написанных в основном историками. Но, к сожалению, эти работы оставляются без внимания учеными-демографами, что ведет, в свою очередь, к игнорированию историками достижений демографической теории, например, теории репродуктивного поведения, и к некоторой упрощенности демографического анализа.

В настоящее время широко распространено мнение, что в средневековой Европе преобладала малая семья (состоящая из родителей и их несовершеннолетних неженатых детей) и что размер семьи был весьма невелик. Это подтверждается, прежде всего, данными археологии крестьянского жилища. Так, Ж.Шапло и Р.Фосье на основе изучения богатого археологического материала считают, что крестьянский дом с конца IV века представлял собой небольшую, площадью примерно 12 кв.м, постройку без каких-либо пристроек, находящуюся в пределах небольшого укрепления. Эти пристройки, очевидно, были рассчитаны на малые семьи. На побережье Северного моря строились длинные дома – шириной 3-4 м, длиной 10-20 м. Но жилое помещение с одним очагом было очень мало, а большую часть дома занимали стойла для скота, что было обусловлено суровым климатом.¹

Иного мнения о размерах семьи придерживается германский археолог П.Донат. Изучая археологические данные о структуре

¹ Chapelot J., Fossier R. Le village et la maison au Moyen Age. – Paris, 1980

крестьянских поселений в Центральной Европе, он делает осторожный вывод, что в VII-XII веках один крестьянский двор населяли 20-30 человек, а поселения состояли из 6-12 дворов и насчитывали 125-300 человек.²

Итальянский ученый М.Монтанари, изучая структуру питания средневековых итальянских крестьян, пытался реконструировать крестьянское хозяйство. Взяв средний надел в 12 югеров, из которых 70% составляет пахотная земля (8 югеров), и предположив, что ежегодно обрабатывается 5 югеров (= 4 га), он пришел к выводу, что при урожайности сам-три и при оброке 1/3-1/4 урожая, на семью из четырех человек будет приходиться 800-1000 литров зерна в год. Эти цифры подтвердились данными полиптиков монастырей св.Коломбана (вторая половина XI в.) в Боббио и св.Юлии (начало X века) в Бешии. Такого количества зерна недостаточно для пропитания четырех человек, и автор делает вывод, что основную часть рациона в Италии составляли овощи.¹ Также можно сделать вывод, что семьи были небольшими.

М.Блок считает, что в каролингскую эпоху «крепкую и большую патриархальную семью заменяет в качестве ячейки общественной жизни супружеская семья, состоящая главным образом из потомков еще живущих супругов».² Такого же мнения придерживается Я.Д.Серовайский, полагающий, что во Франции в X-XII вв. «каждый манс находился во владении одной семьи современного типа».³ Ж.Фуркан считает, что «мансы Сен-Жерменского аббатства, расположенные вокруг Парижа, держались не расширенной семьей, а супружеской парой с детьми».⁴ Причем, размеры семьи были небольшими, разными исследователями назывались цифры от 1.5 до 2 детей в семье. Подобные сведения заставляли предположить: либо смертность была так высока, что

² Donat P. Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7-12 Jahrhundert. Berlin, 1980

¹ Montanari M. L'alimentazione contadina nell'alto medioevo. – Studi medievali, 1976, ser.3, Fasc.1, p.115-163

² Блок М. Характерные черты французской аграрной экономики. М., 1957, с.223

³ Серовайский Я.Д. Манс и надел зависимого крестьянина во Франции по материалам Клунийских грамот (X-XII вв.) – Учен. Зап. Казанск. ун-та, 1960, т.47, вып.6, с.80

⁴ Fourquin G. Le premier Moyen Age. – En : Histoire de la France rurale. – Paris, 1975, vol.1, p.348

из множества родившихся выживали только один-два ребенка, либо крестьяне по каким-то причинам ограничивали рождаемость.

На основе данных средневековых полиптиков и в особенности полиптика аббата Ирминома из Сен-Жерменского аббатства (IX век) было отмечено, что доля мужчин везде превышает долю женщин. Это позволило Д.Херлихи выдвинуть гипотезу о том, что смертность женщин в средние века была выше смертности мужчин, так как женщины часто погибали во время родов.¹ Несомненно, если такое положение было на самом деле, оно должно было вести к уменьшению среднего размера семьи. Но остается непонятным, почему именно в средневековой Европе женщины стали умирать чаще, чем мужчины? По этнографическим данным, такого не наблюдается даже у более примитивных народов.

Другую гипотезу выдвинула американская ученая Э.Коулмен, полагавшая, что превышение доли мужчин – следствие распространения убийства девочек.² Данная позиция означает признание наличия регулирования рождаемости и структуры семьи. Но убедительных причин убийства девочек не было найдено. Как уже отмечалось, при семейном производстве, особенно сельском хозяйстве, труд женщин не менее необходим, чем труд мужчин.

Известный советский медиевист Ю.Л.Бессмертный предложил совершенно новое объяснение этому явлению. Э.Коулмен подметила, что чем больше людей живет на одном мансе, тем меньше доля мальчиков и, соответственно, тем больше доля девочек. Эта достаточно устойчивая обратная зависимость наблюдается во всех главах полиптика Ирминона. Ю.Л.Бессмертный провел широкое антропонимическое исследование полиптика Ирминона и на основании сходства и различия имен родителей и детей выявил родственные связи между держателями одного манса. Он отметил, что доля женщин (среди взрослых) почти везде больше, чем доля девочек (среди детей).³ Эти данные опровергают тезис о более высокой смертности взрослых женщин по сравнению с мужчинами, выдвинутый

¹ Herlihy D. Life expectancies for women in the Middle Age. SUNY, 1972, p.1-16

² Coleman E.R. L'infanticide dans le haut Moyen Age. – Annales, E.S.C., 1974, N° 2

³ Бессмертный Ю.Л. Женщина во франкской деревне IX века. – Средние века (СВ), № 44, 1981, с.107

Херлихи, ибо в этом случае доля женщин должна быть еще меньше, чем доля девочек, а также ставят под сомнение тезис о распространении убийства девочек.

Ю.Л.Бессмертный выдвигает следующую гипотезу: в молодых семьях (то есть с малым числом детей) берегли прежде всего новорожденных мальчиков, а в уже разросшихся, многопоколенных семьях могли проявить заботу и о девочках.¹ Эта гипотеза основывается на выводе, сделанном на основе антропонимического анализа, о преобладании не малой, а большой многопоколенной семьи в средневековом феодальном хозяйстве.

В полиптике аббата Ирминона, помимо основного держателя манса упоминаются довольно часто довольно часто несколько содержателей, при этом повинности с манса не увеличиваются. Антропонимический анализ показал, что эти содержатели были по большей части детьми основного держателя. Таким образом, большинство мансов находилось во владении больших, многопоколенных семей. «Малая семья, - пишет Ю.Л.Бессмертный, - существовала здесь либо как часть большой семейно-хозяйственной группы, либо как часть соседского сообщества».²

Если молодая крестьянская семья обзаводилась собственным хозяйством (недостатка в земле в то время не было), то, получив от сеньора отдельное держание, она брала на себя и связанные с ним поземельные повинности, включая полевые барщины. Если же она оставалась в хозяйстве родителей, то участвовала лишь в выполнении прежних служб и оброков, так как объем поземельных повинностей зависел от надела, а не от размеров семьи.

Открытие многопоколенной семьи ведет к решению вопроса о потребности в детях при феодализме и о рождаемости в семье. По данным полиптика, отдельно упоминавшего детей, среднее их число в семье было 1.81 и варьировало, по отдельным главам, от 1.3 до 2.6.³ Очевидно, что

¹ Там же, с.110

² Бессмертный Ю.Л. Структура крестьянской семьи во франкской деревне IX века: данные антропонимического анализа Сен-Жерменского полиптика. – СВ, № 43, М., 1980, с.46

³ Там же, с.43

такое число детей в семье не обеспечивало даже простого воспроизводства населения. Проблема разрешается с учетом того, что содержатели мансов были, как правило, старшими детьми основных держателей, и потому реальное число детей в семьях было большим, чем получается при формальном анализе полиптика.

При описании старшие дети основного держателя фиксировались не как дети, а как со-держатели. Причем, их очень рано исключали из родительской семьи. В Северной Франции браки для мальчиков разрешались с 12-13.5 лет, а для девочек – с 10-11.5 лет.¹ Таким образом, родители получали дополнительные рабочие руки, а сеньор – дополнительный поочажный налог. В общем, можно сделать вывод, что среднее число детей в семье намного превышало двоих. Если учесть, что при небольшой продолжительности жизни вряд ли могло одновременно жить более трех поколений одной семьи, а семейные группы состояли, как правило, из 8-10, а иногда и из 25-29 человек,² можно предположить, что число детей в семье достигало 4-5.

Репродуктивное поведение крестьян при феодализме определялось потребностью в многодетности, обусловленной, прежде всего, семейным производством. Но здесь возникало противоречие между стремлением к многодетности и ограниченностью поля применения труда. Это противоречие вело к парцелляризации крестьянского землевладения. Так. Если надел крестьянина-керла в Англии в VII-VIII вв. (гайда) составлял 120 акров, то уже в IX-X вв. он составлял лишь 1/4 гайды – виргату. Этот же процесс привел к широкой внутренней колонизации в Западной Европе в XI-XII вв. Колонистами были лично свободные крестьяне, так называемые госпиты.

Существовали и явления, которые оказывали негативное влияние на репродуктивное поведение крестьян. Это была, в первую очередь, личная

¹ Riché R. Problèmes de démographie historique du haut Moyen Age (V-VII s.). – *Annales de démographie historique*, 1966, p. 37-57 ; Idem, *L'enfant dans le haut Moyen Age. – L'enfant et société*, P., la Haye, 1973, p.95-97 ; Flandrin J.L. *Parenté, maison, sexualité dans l'ancienne société.* – Paris, 1976, p.129

² Бессмертный Ю.Л. Указ.соч., с.51

зависимость крестьян и ее следствие – поголовное обложение, так называемая таля.

В XIII в. происходит бурное развитие торговли шерстью в Англии и во Франции, что привело к развитию денежного хозяйства и разложению феодального поместья. Повсеместно происходит коммутация (замена барщины денежным оброком), что в условиях сохраняющегося семейного производства ведет к укреплению потребности в многодетности. Все вместе это вело к имущественному расслоению крестьянства, позволяло помещикам сдавать домен в аренду или обрабатывать его трудом наемных рабочих из числа малоземельных крестьян.

Правда, после чумы 1348 года наступила феодальная реакция: из-за сокращения населения и повышения в этой связи заработной платы, феодалы не могли нанять рабочих и возвращались к барщине. Ответом на это было народное восстание под руководством Уота Тайлера (1381 г.), которое положило конец крепостной зависимости в Англии и расчистило дорогу развитию капиталистических отношений. «В Англии, - писал К.Маркс, - крепостная зависимость исчезла, фактически, в конце XIV столетия. Огромное большинство населения состояло тогда, и еще больше в XV веке, из свободных крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, за какими бы феодальными вывесками ни скрывалась их собственность».¹

В заключение рассмотрим условия формирования потребности в многодетности городских ремесленников. Прежде всего, отметим, что ограниченность числа членов цеха была не правилом, а исключением. Это были цехи латунников, игольников, рыбников в Любеке, башмачников и бочаров в Штеттине, жестянщиков в Нюрнберге, и некоторые другие.² Подобные жесткие регламенты обычно отменялись в результате протестов самих членов цеха. В наиболее типичных случаях цеховые регламенты, напротив, поощряли многодетность цеховых мастеров. Они, например, ограничивали число учеников, если последние не были сыновьями или братьями мастера, рожденными в законном браке, как это

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.23, с.728-729

² Чунтулов В.Т. Указ.соч., с.154

было у парижских сукновалов в XII веке. Статус парижских ткачей шерсти разрешал заниматься ремеслом и иметь до трех больших станков только кровным родственникам цехового мастера, когнаты же таких прав не имели.¹

Таким образом, можно сделать вывод, что для цеховых мастеров высокая рождаемость и большое число детей в семье, причем, в основном мальчиков, были единственными средствами расширения производства и обогащения. Средневековое семейное производство во многом сглаживало противоречие между воспроизводством социальной и демографической структур феодального общества. Оно стимулировало многодетность и закрепляло высокую потребность в детях в социальных нормах и традициях, выступавших основными регуляторами репродуктивного поведения всех социальных групп общества. Именно господство семейного производства создает впечатление автоматичности управления демографическим воспроизводством в средние века. Но это не так. Как только закрепощение крестьян подрывало основы семейного производства, начиналось снижение рождаемости. Об этом же говорит и различный размер семьи у разных категорий крестьян: чем самостоятельнее был крестьянин, тем больше был размер его семьи; у крепостных, находящихся в полурабском положении, размеры семьи были весьма малы.²

¹ См. Хрестоматия по истории средних веков, под ред. Грацинского С. и Сказкина С., М., 1938, т.1, с.335 и след.

² См. Бессмертный Ю.Л. Указ.соч., с.42

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение истории развития народонаселения имеет свою специфическую цель, которая задается центральной проблемой современной демографии – проблемой научного управления демографическими процессами. Эта цель определяет выбор методологических основ исследования народонаселения в историческом разрезе, которые должны включать не только принципы марксистско-ленинской теории общественного развития, но и элементы системного анализа и теории социального управления. Такое расширение методологической базы дает возможность обогатить, на основе конкретного исследования, содержание таких понятий, как качество и развитие народонаселения, являющихся ключевыми категориями общей теории народонаселения.

Народонаселение – это системное понятие, характеризующее одну из сторон реального общества. Сущность народонаселения раскрывается при помощи трех основных понятий. Во-первых, это демографическая структура, которая на поверхности явлений выступает как соотношение возрастно-половых групп. Сущностью демографической структуры являются отношения, складывающиеся в процессе демографического воспроизводства и по его поводу. Демографическая структура, с одной стороны, выступает как результат деятельности людей по производству и воспроизводству жизни себе подобных, а с другой стороны, представляет саму эту деятельность, фиксируемую сознанием как демографические процессы рождаемости и смертности.

Структуру общества как целостной системы составляют не только отношения людей друг к другу, но и отношения между различными сферами общественной жизни – экономической, политической, демографической и т.д. Поэтому второй важнейшей характеристикой народонаселения является социальная структура, и прежде всего, социально-экономическая структура, которая играет решающую роль в общественном развитии. Социально-экономическая структура, с одной

стороны, является важнейшей характеристикой общественной системы в целом, а с другой – характеристикой народонаселения, так как с ее помощью решается задача определения субординации процессов и отношений, вскрываются функциональные и причинные связи.

Устойчивость демографической и социальной структур обусловлена наличием особых механизмов управления, которые обеспечивают целостность, сохранение, функционирование и развитие общественной системы в целом. В этой связи мы предполагаем, что третьей важнейшей характеристикой народонаселения является управление взаимодействием между демографической и социальной структурами.

Развитие народонаселения выступает как изменение всех его характеристик, то есть как изменение его исторического качества. Структуры народонаселения, будучи относительно самостоятельными, имеют различные временные периоды изменения. Этапы развития социально-экономической структуры определяются с помощью понятия общественно-экономической формации. Этапы развития демографической структуры (количественный аспект) – при помощи понятия типа (режима) воспроизводства населения. Особый интерес представляет периодизация исторического развития социального управления демографическими процессами. Хотя состояние объекта управления, оцениваемое системой статистических показателей, может не меняться, задачи и методы управления могут стать совершенно иными. Это связано с изменением внутренней среды системы, ее компонентов. Определенное состояние демографических процессов выступает как результат управления и ничего не говорит ни о его структуре, ни о его методах.

В основе выделения исторических типов социального управления, в том числе и управления демографическими процессами, лежит тезис К.Маркса о трех последовательно сменяющих друг друга типах общественных отношений. Натуральному хозяйству соответствуют отношения, основанные на родстве и личной зависимости. Товарному

производству соответствуют овеществленные, товарно-денежные отношения. Развитому производству, осуществляемому на основе общественной собственности на средства производства, соответствуют непосредственно- общественные, коллективистские отношения.¹

Каждому типу общественных отношений соответствует своя специфическая структура средств сбора и переработки информации. В зависимости от того, какой механизм передачи информации является доминирующим в системе социального управления, можно выделить три исторических типа управления демографическими процессами: традиционный, соответствующий докапиталистической эпохе; статистический, соответствующий эпохе капитализма; научный, господствующий в коммунистическом обществе, основанный на знании объективных законов и тенденций и подчиненный интересам всего общества.

Взаимодействие всех трех компонентов народонаселения ведет к возникновению системных качеств, к образованию устойчивой структуры, соответствующей определенной общественно-экономической формации. Устойчивость этой структуры позволяет говорить об историческом типе народонаселения, который является мерой и определенным этапом его развития. Представляя собой уникальную комбинацию трех элементов, исторический тип народонаселения отражает историческое качество, общее и особенное в развитии народонаселения.

Основанное на марксистско-ленинской теории общественно-экономической формации, понятие исторического типа народонаселения позволяет выделить самое существенное, повторяющееся в развитии, то есть раскрыть его закономерности и разобраться в пестром потоке исторических явлений. Таким образом, создается возможность для более полного изучения законов народонаселения, познание которых является необходимой предпосылкой научного управления демографическими процессами.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.46, ч.1, с.100-101

Понятие исторического типа народонаселения имеет методологическое значение не только для объяснения демографического развития, но и для разработки системы научного управления демографическими процессами. На его основе можно построить модель народонаселения, которая будет математически (кибернетически или формально-логически) подобна системе-оригиналу – обществу. Это подобие будет и функциональным, и структурным, то есть модель будет отражать динамические тенденции и структуру своего прообраза.

Использование понятия исторического типа народонаселения для исследования конкретных проблем позволяет применить весь спектр методик изучения социальных явлений, от формально-математических построений до конкретно-исторических изысканий.

При исследовании истории развития народонаселения понятие исторического типа позволяет по-новому взглянуть на проблему происхождения древнейших социальных институтов и социогенеза вообще. Первые социальные институты регулировали не только воспроизводство численности населения, но и организацию труда в сообществе, то есть были бифункциональны. Социогенез представлял собой сочетание двух равнопорядковых процессов: становления социальной структуры общества, основанной на разделении труда и кооперации, и становления социального управления демографическим воспроизводством. По форме оба процесса первоначально совпадали, так как разделение труда осуществлялось по полу и возрасту. Поэтому каждая возрастная группа имела определенную функцию, как участник воспроизводства численности сообщества и как участник производства материальных благ. Социальный статус человека в первобытном обществе определялся его принадлежностью к возрастно-половой группе. Таким образом, демографическая и социальная структуры общества первоначально совпадали, а производственная и демографическая функции органично сочетались.

В патриархальный период древней истории (соседская община) сформировались новые социальные институты, регулирующие

воспроизводство населения. Для этого периода характерна высокая рождаемость, причины которой коренятся в специфике хозяйственной деятельности патриархальной семьи. Характерной чертой последней является ее неизменная демографическая структура. В ней постоянно есть старшее поколение, среднее поколение – дети старших, и младшее поколение – внуки старших. Неизменная структура патриархальной семьи была органическим условием ее хозяйственной деятельности, которая базировалась на возрастном-половом разделении труда: определенное число детей и взрослых, мужчин и женщин было необходимым условием существования всей семьи, всего производственного коллектива в целом.

Рост производительности труда, превращение человеческого общества в территориальное объединение дает почву для возникновения демографического дуализма между семьей и обществом. Непосредственной причиной этого является уход из семьи производства материальных благ, превращение общества из объединения семей в объединение отдельных индивидов, граждан. Возникает возможность рассогласования и даже противоречия между воспроизводством социальной и демографической структур.

Наиболее ярко это противоречие проявляется в античных рабовладельческих обществах, где с отделением социальной структуры от демографической происходит замена в структуре производства сначала детей, а затем и взрослых, рабами. Это вело к ослаблению экономической мотивации рождения детей и снижению рождаемости. К этому добавлялось расслоение свободных (пауперизация и разорение мелких производителей, составлявших основу войска), уменьшавшее военную мощь античных государств, что вело к оскудению рынка рабов и повышению их цены. В этих условиях начинается возрождение семейного производства, выступающее как действие стихийного управления обществом. Возвращение к семейному производству происходит на качественно новой основе: возникают колонаты, сальтусы (поместья, разбитые на parcelлы и отданные мелким держателям с фиксированными

поземельными повинностями) – прообраз средневекового феодального поместья.

Основу социальной структуры феодального общества, особенно в его западноевропейской форме, составляют два основных класса – феодалы и крепостные крестьяне, сосуществующие с рядом социальных прослоек (сословий), среди которых важнейшими являются горожане, ремесленники и купцы. Развитие товарного производства, имущественная дифференциация крестьян, обусловленное развитием разделения труда и ростом его производительности, разрушали социальную структуру феодального общества. Единственным способом противостояния этой тенденции было юридическое закрепление социального статуса людей – это было одной из функций управления развитием народонаселения.

В основе репродуктивного поведения человека при феодализме лежит потребность в многодетности, а среди мотивов рождения детей преобладают экономические, что связано со спецификой семейного производства. Отсутствие детей или малодетность вели к тому, что человек испытывал, прежде всего, экономические затруднения, а уже через посредство этого – социальные и психологические затруднения.

Средневековое семейное производство во многом сглаживало противоречие между воспроизводством социальной и демографической структур общества. Но как только закрепощение крестьян подрывало основы семейного производства – начиналось снижение рождаемости. Чем самостоятельнее был крестьянин, тем больше был размер его семьи; у крепостных, находившихся в полурабском состоянии, размеры семьи были весьма малы.

Высокая рождаемость в докапиталистических формациях была обусловлена семейным производством и сильной экономической мотивацией рождения детей. Как только в ходе общественного развития семейное производство начинает разрушаться – рождаемость понижается. Связь между семейным производством и высокой рождаемостью прослеживается в настоящее время в развивающихся странах, где ее

снижение происходит лишь по мере развития вглубь и вширь индустриального производства.

В заключение отметим, что методологические возможности понятия «тип народонаселения» не ограничиваются историческим анализом. Представляя собой определенный способ организации данных о народонаселении, оно может использоваться для исследования современных проблем и решения задач научного управления демографическими процессами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Тезисы о Фейербахе. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. (Соч.), т.3, с.1-4
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – Соч., т.3, с.7-544
3. Маркс К. Вынужденная эмиграция. – Соч., т.8, с.565-571
4. Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1858 г.). – Соч., т.12, с.709-738
5. Маркс К. Капитал, т.I – Соч., т.23, с.5-787
6. Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И.Засулич. – Соч., т.19, с.401-419
7. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1858 гг. – Соч., т.46, ч.I, с.560
8. Маркс К. Конспект книги Л.Г.Моргана «Древнее общество». – Архив Маркса и Энгельса, т.IX, М.: Госполитиздат, 1941, с.1-192
9. Энгельс Ф. Марка. – Соч., т.19, с.327-345
10. Энгельс Ф. К истории первобытной семьи (Бахофен, Мак-Леннан, Морган). – Соч., т.22, с.214-225
11. Энгельс Ф. К истории древних германцев. – Соч., т.19, с.442-494
12. Энгельс Ф. Франкский период. – Соч., т.19, с.495-546
13. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. – Соч., т.20, с.5-342
14. Энгельс Ф. Диалектика природы. – Соч., т.20, с.343-626
15. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – Соч., т.21, с.3-178
16. Энгельс Ф. Письмо к Й.Бооху 21(22) сентября 1890 г. – Соч., т.37, с.393-397
17. Энгельс Ф. Письмо к К.Шмидту 27 октября 1890 г. – Соч., т.37, с.414-422
18. Энгельс Ф. Письмо В.Боргиусу 25 января 1894 года. – Соч., т.39, с.174-177
19. Ленин В.И. Рабочий класс и неомальтузианство. – Полн. соб. соч., т.23, с.255-257
20. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. – Полн. соб. соч., т.23, с.255-257

21. Ленин В.И. План диалектики (логики) Гегеля (Оглавление малой Логики (Энциклопедии)). – Полн. соб. соч., т.29, с.297-302
22. Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Наука логики». – Полн. соб. соч., т.29, с.77-218
23. Ленин В.И. О государстве. – Полн. соб. соч., т.39, с.64-84
24. Ленин В.И. Письмо М.Горькому, ноябрь 1913 г. – Полн. соб. соч., т.48, с.230-232
25. Ленин В.И. Об отношении к буржуазным партиям. – Полн. соб. соч., т.15, с.368-388
26. Материалы XXV съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1976. – 256 с.
27. Материалы XXVI съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1981. – 223 с.
28. Абрамова Н.Т. Редукционистские тенденции в кибернетике. В кн.: Кибернетика и диалектика. – М.: Наука, 1978, с.287-306
29. Авдеев А.А., Дудченко О.Н. Изучение совпадения мнений мужей и жен о предпочитаемом числе детей. В кн.: Семья и дети. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1982, с.61-67
30. Авдеева К.Д. Социальный аспект внутренней колонизации в Англии XII-XIII вв. (состав ее участников). – Средние века (СВ), № 40. – М.: Наука, 1976, с.48-67
31. Авдеева К.Д. Внутренняя колонизация в Англии XII-XIII вв. – СВ, № 41. – М.: Наука, 1977, с.5-33
32. Авербух М.С. Законы народонаселения докапиталистических формаций (Опыт исследования). – М.: Наука, 1967. – 208 с.
33. Авербух М.С. войны и народонаселение в докапиталистических формациях. Опыт историко-демографического исследования. – М.: Наука, 1970. – 214 с.
34. Алаев Л.Б. Община. – Советская историческая энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1967, т.Х, с.418-423
35. Антонов А.И. Потребность семьи в детях. В кн.: Демографическое поведение семей. – Ереван, Б.И., 1975, с.785-795
36. Антонов А.И. Изменение структуры и жизнедеятельности семьи. В кн.: Молодая семья. – М.: Статистика, 1977, с.15-33

37. Антонов А.И. Социология рождаемости (теоретические и методологические проблемы). – М.: Статистика, 1980. – 271 с.
38. Антонов А.И. Взаимоотношения супругов и репродуктивное поведение семьи. В кн.: Семья и дети. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1982, с.67-74
39. Андреев Ю.В. Раннегреческий полис: гомеровский период. – Л.: Изд. Ленинградск. ун-та, 1976. – 142 с.
40. Античный полис. Отв. ред. Э.Д.Фролов. – Л.: Изд. Ленинградск. ун-та, 1979, 140 с.
41. Античный город. Отв. ред. И.А.Болтунова. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – 192 с.
42. Араб-Оглы Э.А. Демографические и экологические прогнозы: критика современных буржуазных концепций. – М.: Статистика, 1978. – 319 с.
43. Аристотель. Политика. – М.: Изд. М. и С.Сабашниковых, 1911. – 466 с.
44. Афанасьев В.Г. Проблема целостности в философии и биологии. – М.: Мысль, 1964. – 416 с.
45. Афанасьев В.Г. Еще раз о проблемах научного управления обществом. В кн.: Научное управление обществом. Вып.3. – М.: Мысль, 1969. – с.3-39
46. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом (опыт системного исследования). – М.: Политиздат, 1973. – 319 с.
47. Афанасьев В.Г. Общество: познание, системность и управление. – М.: Политиздат, 1981. – 432 с.
48. Барг М.А. К вопросу о росте населения Англии в XII-XIII вв. «Вопросы истории» (ВИ), 1947, № 11, с.86-93
49. Бахта В.М. Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество. В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн.1: Законы и конкретные формы всемирно-исторического процесса. – М.: Наука, 1968, с.266-325
50. Бессмертный Ю.Л. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII-XIII вв. – М.: Наука, 1969. – 371 с.
51. Бессмертный Ю.Л. Структура крестьянской семьи во франкской деревне IX века: данные антропонимического анализа Сен-Жерменского полиптика. – СВ, № 43, М., 1980, с.32-76

52. Бессмертный Ю.Л. Женщина во франкской деревне IX века. – СВ, № 44, М., 1981, с.97-116
53. Бжилянский А.Я. Некоторые экономические проблемы управления развитием народонаселения. В кн.: Управление демографическими процессами. – М.: Статистика, 1980, с.21-36
54. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. – М.: Наука, 1973. – 270 с.
55. Блок М. Характерные черты французской аграрной истории (пер. с фр.). – М.: Изд. иностранной литературы, 1957. – 315 с.
56. Бориковский П.И. Возникновение человеческого общества. Палеолит мира. Африка. – Л.: Наука, 1977. – 211 с.
57. Боярский А.Я. Население и методы его изучения. – М.: Статистика, 1975. – 264 с.
58. Боярский А.Я. О недалеком будущем. В кн.: Наше будущее глазами демографа. – М.: Статистика, 1979, с.3-11
59. Бирюков Б.В. Кибернетика и методология науки. – М.: Наука, 1974. – 413 с.
60. Бернал Дж. Наука и общество. – М.: Изд. иностранной литературы, 1953. – 300 с.
61. Бертильон Ж. Вымирание французского народа. – СПб: Издатель, 1899. – 40 с.
62. Бертильон Я. Статистика движения населения во Франции. – СПб: Н.П.Карабасников, 1889. – 164 с.
63. Блаватская Т.В. Ахейская Греция – М.: Наука, 1966. – 225 с.
64. Бжилянский Ю.А. Проблемы народонаселения при социализме (политэкономический анализ). – М.: Мысль, 1974. – 214 с.
65. Бойко В.В. Малодетная семья (социально-психологическое исследование). – М.: Статистика, 1980. – 231 с.
66. Бутинов Н.А. Проблема экзогамии. В кн.: Родовое общество. Труды Института этнографии (ТЭИ), т. XIV. – М.: Изд. АН СССР, 1951, с.3-27
67. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. – М.: Статистика, 1976. – 248 с.

68. Бутинов Н.А. Разделение труда в первобытном обществе. В кн.: проблемы истории первобытного общества. ТИЭ, т.54. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1960, с.109-150
69. Бутинов Н.А. Первобытно-общинный строй (основные этапы и локальные варианты). В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ, кн.І. – М.: Наука, 1968, с.89-155
70. Бутинов Н.А. Общинно-родовой строй мотыжных земледельцев. В кн.: Ранние земледельцы. – М.: Наука, 1980, с.110-143
71. Васильев Г.Г. Роль конкретных социологических исследований в научном управлении обществом. – М.: Изд. Московск. ун-та, 1981. – 128 с.
72. Васильев Ю.М., Губерман Ш.А., Гельфанд И.М., Шик М.Л. Взаимодействие в биологических системах. – «Природа», 1969, № 6, с.13-21; № 7, с.24-33
73. Васильева Э.К. Социально-экономическая структура населения СССР. – М.: Статистика, 1978. – 207 с.
74. Валентей Д.И. Проблемы народонаселения. – М.: Высшая школа, 1961. – 160 с.
75. Валентей Д.И. Теория и политика народонаселения. – М.: Высшая школа, 1967. – 184 с.
76. Валентей Д.И. К вопросу о системе наук и законов народонаселения. «Известия АН СССР», сер. Экономическая, 1970, № 6, с.34-41
77. Валентей Д.И. Демографические науки в системе знаний о народонаселении. – Экономические науки, 1976, № 9, с.19-26
78. Валентей Д.И. Наука о народонаселении, ее достижения и поиски. – Экономические науки, 1977, № 9, с.110-113
79. Валентей Д.И. Проблемы управления процессами развития народонаселения. – Вопросы философии, 1978, № 2, с.3-13
80. Валентей Д.И. Современное состояние разработки программ развития народонаселения, ее цели и задачи. Доклад на рабочем заседании I Всесоюзной научной школы по проблемам народонаселения «Управление процессами развития народонаселения в развитии

социалистическом обществе». Брест, 27 мая – 2 июня 1979 г. – Минск, БИ, 1979. – 18 с.

81. Варрон Сельское хозяйство. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – 218 с.
82. Винер Н. Кибернетика. – М.: Наука, 1983. – 343 с.
83. Вишневский А.Г. Демографическая революция. – М.: Статистика, 1976. – 238 с.
84. Вишневский А.Г. Социальное управление рождаемостью. – Вопросы философии, 1978, № 6, с.85-100
85. Вишневский А.Г. Демографическая революция и будущее рождаемости и смертности в СССР. В кн.: Наше будущее глазами демографа. – М.: Статистика, 1979, с.27-44
86. Вишневский А.Г. О мотивационной основе рождаемости. В кн.: Демографическое развитие семьи. – М.: Статистика, 1979, с.126-151
87. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 287 с.
88. Воейков А.И. Распределение населения Земли в зависимости от природных условий и деятельности человека. – СПб: С.П.Бобин, 1911. – 112 с.
89. Войтонис Н.Ю. Предыстория интеллекта (К проблеме антропогенеза). – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1949. – 272 с.
90. Воспроизводство населения СССР. Под ред. А.Г.Волкова и А.Г.Вишневского. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 303 с.
91. Гвишиани Д.Н. Организация и управление. – М.: Наука, 1972. – 536 с.
92. Геодакян В.А. О существовании обратной связи, регулирующей соотношение полов. В кн.: Проблемы кибернетики. Вып.13. – М.: Наука, 1965, с.187-194
93. Геодакян В.А. О структуре эволюционирующих систем. В кн.: Проблемы кибернетики. Вып.25. – М.: Наука, 1972, с.81-92
94. Гражданников Е.Д. Прогностические модели социально-демографических процессов. – Новосибирск: Наука, 1974. – 112 с.
95. Гузеватый Я.Н. Демографо-экономические проблемы Азии. – М.: Наука, 1980. – 248 с.

96. Голубцова Е.С. Очерки социально-экономической истории Малой Азии I-II вв. (Независимая сельская община). – М.: Изд. АН СССР, 1966. – 196 с.
97. Гельфанд И.М., Розенфельд Б.И., Шифрин М.А. Структурная организация данных в задачах медицинской диагностики и прогнозирования (предварительная публикация). – М.: АН СССР, 1982. – 56 с.
98. Дарский Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи. В кн.: Демографическое развитие семьи. – М.: Статистика, 1979, с.85-126
99. Демографические модели. Новое в зарубежной демографии. Под ред. Е.М.Андреева и А.Г.Волкова. – М.: Статистика, 1977. – 182 с.
100. Древняя Греция. Ред. В.В.Струве и др. – М.: Изд. АН СССР, 1956. – 613 с.
101. Древние Германцы (сборник документов). – М.: Статистика, 1937. – 224 с.
102. Дитерици К.Ф. Народонаселение земного шара по его количеству, племенным различиям и вероисповеданиям. – СПб: Ф.Нордман, 1876. – 38 с.
103. Джолли А., Роз Ф. Значение табу в первобытном обществе. – «Советская этнография», т.VI-VII, 1947, с.210-215
104. Джолли А., Роз Ф. Место туземцев Австралии в эволюции общества. – «Советская этнография», т.VI-VII, 1947, с.216-223
105. Жебелев С.А. Древний Рим. – Пг: Наука и школа, 1922-23, ч.I, II. – 120с., 142 с.
106. Заборовский Я.Ю. К вопросу о достоверности цензовых списков II в. до н.э. – Вестник древней истории (ВДИ), 1962, № 2, с.112-118
107. Замятин С.Н. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху неолита. – ТИЭ, т.54, М.-Л., 1960, с.80-108
108. Зверева Н.В. О системном подходе к изучению народонаселения. – Экономические науки, 1978, № 11, с.18-24
109. Зверева Н.В. Объективная необходимость планомерного управления развитием народонаселения при социализме. В кн.: Управление демографическими процессами. – М.: Статистика, 1980, с.3-21

110. Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч.I. Запреты на охоте и иных промыслах, т.VIII. – Л.: БИ, 1929. – 151 с.
111. Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. – М.: Наука, 1964. – 323 с.
112. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. Отв. ред. Ю.В.Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 432 с.
113. Калиновская К.П. Возрастные группы у народов Восточной Африки. – М.: Наука, 1976.- 159 с.
114. Карпов А.М. О развитии примитивных орудий. ТИЭ, т.54. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1960, с.3-79
115. Кастро, Жозуэ де. География голода. – М.: Изд. иностр. литературы, 1950. – 219 с.
116. Каутский К. Размножение и развитие в природе и в обществе. – Харьков: Пролетарий, 1923. – 160 с.
117. Кваша А.Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР. – М.: Статистика, 1974. – 180 с.
118. Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 200 с.
119. Кваша А.Я. О долгосрочных демографических прогнозах. В кн.: Население СССР сегодня. – М.: Статистика, 1982, с.99-112
120. Кларк Дж. Доисторическая Африка. – М.: Наука, 1977. – 263 с.
121. Краулей Э. Мистическая роза. Исследование о первобытном браке. – СПб: А.С.Суворин, 1905. – VII + 486 с.
122. Ковалевский М. Очерк происхождения семьи и собственности. – М.: Соцэкгиз, 1934. – 188 с.
123. Ковалевский М. Первобытное право. Вып. 1-2. – М.: А.И.Мамонтов и К°, 1886. – 168 с., 171 с.
124. Колобова Г.М., Глускина Л.М. Очерки истории древней Греции. – Л.: Учпедгиз, 1958. – 348 с.
125. Козлов В.И. Динамика численности народов. – М.: Наука, 1969. – 407 с.

126. Ковалев С.И. История античного общества. Ч.І. Греция. – Л.: Соцэкгиз, 1936. – 336 с.
127. Ковалев С.И. История Рима. – Л.: Изд. Ленинградск. ун-та, 1948. – 798 с.
128. Кончаловский Д.П. Экономическая история Рима в ее источниках. – М.-Л.: Госиздат, 1925. – 118 с.
129. Коростылев Г.М. Рост народонаселения и общественный прогресс. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд., 1969. – 143 с.
130. Коростылев Г.М., Краев В.С. Буржуазные концепции народонаселения. Критический анализ. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 160 с.
131. Карнап Р. Философские основания физики. – М.: Прогресс, 1971. – 378 с. (пер. с англ.)
132. Кибернетика и современное научное познание. Под ред. В.С.Тюхтина. – М.: Наука, 1976. – 428 с.
133. Кейфиц Н. Математический анализ населения. В кн.: Демографические модели. – М.: Статистика, 1977, с.10-26
134. Козинцев А.Г. Переход к земледелию и экология человека. В кн.: Ранние земледельцы. – М.: Наука, 1980, с.15-47
135. Коршунов А.М., Манталов В.В. Теория отражения и эвристическая роль знаков. – М.: Изд. Московск. ун-та, 1974. – 214 с.
136. Костин Л., Валентей Д. Политика народонаселения в СССР. В кн.: Политика народонаселения в странах-членах СЭВ. – М.: Статистика, 1977, с.72-91
137. Кнышенко Ю.В. История первобытного общества и этнографии. – Ростов-на-Дону: Изд. Ростовск. ун-та, 1965. – 440 с.
138. Косвен М.О. Семейная община и патронимия. – М.: Наука, 1963. – 220 с.
139. Кузищин В.И. Римское рабовладельческое поместье II в. до н.э – I в. н.э. – М.: Изд. Московск. ун-та, 1973. – 252 с.
140. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 330 с. (пер. с англ.)

141. Куплеваский Н. Состояние сельской общины в XVII веке на дворцовых землях и на землях духовных и светских феодалов. – Киев: С.Т.Ермеев, 1877. – 44 + 159 с.
142. Курс демографии. Под ред. А.Я.Боярского. 2-е изд. – М.: Статистика, 1974. – 454 с.
143. Лармин О.В. Методологические проблемы изучения народонаселения. – М.: Статистика, 1974. – 240 с.
144. ван Лавик-Гудолл Дж. и Г. Невинные убийцы. – М.: Мир, 1977. – 176 с.
145. ван Лавик-Гудолл Дж. В тени человека. – М.: Мир, 1974. – 207 с.
146. Липс Ю. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. – М.: Изд. иностр. лит-ры, 1954. – 488 с.
147. Ляпунов А.А. Об управляющих системах живой природы. В кн.: О сущности жизни. – М.: Наука, 1964, с.66-80
148. Ляпунов А.А. В чем состоит системный подход к изучению реальных объектов сложной природы. В кн.: Управляемые системы. – Новосибирск: БИ, 1970. Вып.6
149. Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения. – СПб: И.И.Глазунов, 1868, т.1, 2. – 236 с., 287 с.
150. Мамчур Е.А. Проблема выбора теории. – М.: Наука, 1975. – 232 с.
151. Марков М. Теория социального управления. – М.: Прогресс, 1973. – 447 с.
152. Машкин Н.А. История Древнего Рима. – М.-Л.: Госполитиздат, 1956. – 611 с.
153. Меркулов И.П. Гипотетико-дедуктивная модель и развитие научного знания. – М.: Наука, 1980. – 189 с.
154. Моммзен Т. История Рима, т.1-3, 5.- М.: Соцэкгиз, 1936-49. – 892, 446, 558, 631 с.
155. Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. – Л.: Изд. института народов Севера ЦИК СССР, 1934. – 350 с.
156. Народонаселение и учение о народонаселении. – М.: М.И.Водовозов, 1897. – 337 с.

157. Немировский А.И. История раннего Рима и Италии. – Воронеж: Изд. Воронежск. ун-та, 1962. – 299 с.
158. Нетушил Н.В. Обзор Римской Империи. – Харьков: БИ, 1912. – 410 с.
159. Неусыхин А.И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI-VIII вв. – М.: Изд. АН СССР, 1956.- 426 с.
160. Ольдерогге Д.А. Эпигамия. – М.: Наука, 1983. – 280 с.
161. Основы теории народонаселения. Под ред. Д.И.Валентея. – М.: Высшая школа, 1977. – 269 с. (изд. 2-е, перераб. и доп.)
162. Основы управления развитием народонаселения. Под ред. Н.В.Зверевой. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 189 с.
163. Особенности демографического развития в СССР. Под ред. Р.С.Ротовой. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 232 с.
164. Павлик З. Проблемы демографической революции. В кн.: Брачность, рождаемость, семья за три века. – М.: Статистика, 1979, с.138-169
165. Панкратьева Н.В. Закон народонаселения при социализме. – М.: Наука, 1984. – 168 с.
166. Петрушенко Л.А. Принцип обратной связи (Некоторые философские и методологические проблемы управления). – М.: Мысль, 1967.- 276 с.
167. Петров А.С. Экономические основы управления производством. – М.: Мысль, 1966. – 158 с.
168. Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П. История первобытного общества. Изд.3-е, перераб. и дополн. – М.: Высшая школа, 1982. – 223 с.
169. Первобытное общество. Основные проблемы развития. Ред. Першиц А.И. – М.: Наука, 1975. – 287 с.
170. Проблемы истории докапиталистических формаций. Под ред. Ю.М.Сапрыкина. – М.: Изд. Московск. ун-та, 1978. – 162 с.
171. Проблемы истории докапиталистических обществ. Законы истории и конкретные формы всемирно-исторического процесса. Отв. ред. Л.В.Данилова. – М.: Наука, 1968. – 691 с.

172. Пирожков С.И. Об изменении воспроизводства населения. В кн.: Возобновление поколений нашей страны. – М.: Статистика, 1978, с.91-101
173. Пирожков С.И. Демографические модели и возрастная структура населения. – М.: Статистика, 1976. – 136 с.
174. Платон. Государство. Сочинения, т.3, ч.1. – М.: Мысль, 1971. – с.89-454
175. Пискунов В.П. О периодизации мирового демопроееса (Препринт научного доклада). – Киев: ИЭ АН УССР, 1982.- 51 с.
176. Платон. Законы. Сочинения, т.3, ч.2. – М.: Мысль, 1971. – с.83-498
177. Плетников Ю.К. О природе социальной формы движения. – М.: Изд. Московск. ун-та, 1971. – 246 с.
178. Попов А.Я. Современное мальтузианство – человеконенавистническая теория империализма. – М.: Госполитиздат, 1953. – 192 с.
179. Рабочая книга по прогнозированию. Под ред. И.В.Бестужева-Лады и др. – М.: мысль, 1982. – 430 с.
180. Ранние земледельцы (Этнографические очерки). – Л.: Наука, 1980. – 224 с.
181. Ревункова Н.В. Население Монпелье в XII в. – СВ, № 30, 1967, с.123-137
182. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913).- М.: Госстатиздат, 1956. – 352 с.
183. Региональные особенности воспроизводства и миграции населения в СССР. Под ред. Т.В.Рябушкина и др. – М.: Наука, 1981. – 267 с.
184. Рогинский Я.Я. Антропологические вопросы в проблеме происхождения человека. В кн.: Происхождение человека и древнее расселение человечества. ТИЭ, т.XVI. – М.: АН СССР, 1951, с.153-204
185. Северцов А.Н. Эволюция и психика. – М.: М. и С.Сабашниковы, 1922. – 54 с.
186. Седова Э.П. Кибернетика и управление обществом. В кн.: Научное управление обществом. Вып.6. – М.: Мысль, 1972, с.221-286

187. Семенов Ю.И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки. ВИ, 1966, № 8, с.88-106
188. Семенов Ю.И. Как возникло человечество. – М.: Наука, 1966. – 576
189. Семенов Ю.И. Проблема начального этапа родового общества. В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. – М.: Наука, 1968, с.156-222
190. Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. – М.: Мысль, 1974. – 308 с.
191. Серовайский Я.Д. Манс и надел зависимого крестьянина во Франции по материалам клюнийских грамот (X-XII вв.). – Ученые записки Казанского ун-та, т.46, вып.6, 1960, с.79-106
192. Серени Э. Город и деревня в доримской Италии. ВДИ, 1967, № 2, с.77-97
193. Сергеев В.С. История Древней Греции. – М.: Изд. восточной лит-ры, 1963. – 3-е изд., 524 с.
194. Сергеев В.С. Очерки по истории Древнего Рима. Ч.1, 2. – М.: Соцэкгиз, 1950. – 372, 373-832 с.
195. Система знаний о народонаселении. Под ред. Д.И.Валентея. – М.: Статистика, 1976. – 367 с.
196. Сказкин С.Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. – М.: Изд. Московск. ун-та, 1968. – 337 с.
197. Спенсер Г. Основания биологии. В 2-х т. – СПб: Н.П.Поляков, 1870. – (12)370, (10)440 с.
198. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. Очерки и этюды. – М.: Вопросы труда, 1957. – 224 с.
199. Староверов О.В. Модели движения населения. – М.: Наука, 1979. – 342 с.
200. Судоплатов А.П. Демографические концепции (критический анализ). – М.: Изд. Московск. ун-та, 1974. – 122 с.
201. Стешенко В.С. Демография в современном мире. – М.: Статистика, 1978. – 247 с.
202. Самаркин В.В. Историческая демография западноевропейского средневековья. – ВИ, 1976, № 2, с.186-192

203. Тимофеев-Ресовский Н.В., Яблоков А.В., Глотов Н.В. Очерк учения о популяции. – М.: Наука, 1973. – 277 с.
204. Тих Н.А. Предыстория общества (Сравнительно-психологическое исследование). – Л.: Изд. Ленинградск. ун-та, 1970. – 311 с.
205. Тихомиров Н.П., Исаков Б.И. Демографическое моделирование. – М.: МИНХ, 1982. – 75 с.
206. Тихомиров Н.П. Математические методы в социологии. – М.: МИНХ, 1983. – 79 с.
207. Токарев С.А. Сущность и происхождение магии. ТИЭ, т.51, М., 1969, с.53-92
208. Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. – М.: Наука, 1964. – 399 с.
209. Толстов С.П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ, вып.9-10, Б.М. Гос. соц.-эконом. изд., 1935, с.3-41
210. Тяхтин В.С. Отражение, системы, кибернетика. – М.: Наука, 1972. – 256 с.
211. Уитроу Дж. Естественная философия времени. – М.: Прогресс, 1964. – 431 с.
212. Украинцев Б.С. Отражение в неживой природе. – М.: Наука, 1969. – 272 с.
213. Управление развитием народонаселения в СССР. Под ред. А.Я.Кваши. – М.: Статистика, 1977. – 219 с.
214. Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе (Опыт исчисления). – М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1941. – 436 с.
215. Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. – М.: Госполитиздат, 1963. – 136 с.
216. Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. – М.: Наука, 1974. – 336 с.
217. Урланис Б.Ц. Народонаселение: исследования, публицистика. – М.: Статистика, 1976. – 359 с.

218. Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. – М.: Статистика, 1978. – 309 с.
219. Урланис Б.Ц. Проблемы экономической демографии. В кн.: Проблемы демографии. – М.: Статистика, 1971, с.93-111
220. Урсул А.О. Информация. Методологические аспекты. – М.: Наука, 1971. – 295 с.
221. Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. – М.: Наука, 1965. – 288 с.
222. Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима III-I вв. до н.э. – М.: Наука, 1977. – 255 с.
223. Фабри К.Э. О подражании у животных. – Вопросы психологии, 1974, № 2, с.102-115
224. Файхтингер Г. Стохастические модели выбытия в статистике населения. В кн.: демографические модели. – М.: Статистика, 1977, с.164-181
225. Файнберг Л.А. У истоков социогенеза. – М.: Наука, 1980. – 153 с.
226. Фюстель де Куланж, Нума Дени. Древняя гражданская община. Исследования о культе, праве, учреждениях Греции и Рима. – СПб: Н.И.Спиридонов, 1895. – VIII+374 с.
227. Фюстель де Куланж. Гражданская община древнего мира. – СПб: БИ, 1906. – 459 с.
228. Фрезер Дж. Золотая ветвь. Вып.2: Табу-запреты. – М.: Научное общество «Атеист», 1928. – 138 с.
229. Харрисон Дж., Уайнер Дж., Теннер Дж., Барникот Н., Рейнолдс В. Биология человека. – М.: Мир, 1973 – 611 с.
230. Хрестоматия по истории Средних веков. Под ред. Н.Грацинского и С.Сказкина, в 3-х томах. – М.: Учпедгиз, 1936, т.I. – 360 с.
231. Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и ее проблемы (Социально-демографическое исследование). – М.: Статистика, 1978. – 224 с.

232. Хорев Б.С. Об актуальных теоретических и научно-практических вопросах воспроизводства населения СССР. В кн.: Экономические аспекты воспроизводства населения. – Киев: БИ, 1979, с.116-138
233. Чунтулов В.Т. Экономическая история зарубежных стран. Ч.1. – Киев: Изд. Киевского гос. Ун-та, 1959. – 320 с.
234. Шаллер Дж. Год под знаком гориллы. – М.: мысль, 1971. – 246 с.
235. Шелестов Д.К. Демография: история и современность. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 271 с.
236. Шелестов Д.К. У истоков исторической демографии. – Вестник Московск. ун-та, серия 8 «История», 1982, № 3, с.21-33
237. Шелестов Д.К. Возникновение демографической науки. – Вестник Московск. ун-та, серия 6 «Экономика», 1982, № 4, с.61-69
238. Шелестов Д.К. история и современность (Об изучении истории демографической науки). В кн.: Прошлое и настоящее демографии. – М.: Статистика, 1980, с.3-14
239. Шелестов Д.К. Народонаселение: история термина и современность. В кн.: Население СССР сегодня. – М.: Финансы и статистика, 1982, с.113-124
240. Штаерман Е.М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. – М.: Наука, 1964. – 263 с.
241. Штаерман Е.М. Древний Рим. Проблемы экономического развития. – М.: Наука, 1978.- 222 с.
242. Штернберг Л.Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. – Л.: Изд- во народов Севера ЦИК СССР, 1933. – XIX+188 с.
243. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. – Л.: Изд- во народов Севера ЦИК СССР, 1934. – XVI+572 с.
244. Якимов В.П. Ранние стадии антропогенеза. ТИЭ, т.XVI, М.: 1951, с.7-88
245. Acsády Gy., Nemeskéry J. History of Human Life Span and Mortality. – Budapest: Acad. Kiado, 1970. – 346 p.
246. Bichof N. Comparative Etiology of Incest Avoidance. – Biosocial Anthropology. – L.: Malaby Press, 1975, p.37-65

247. Bois G. Crise de féodalisme. Economie rurale et démographie en Normandie Orientale du début du XIVème siècle au milieu du XVIème siècle. – Paris : Ed. de l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, 1976. – 412 p.
248. Caldwell J.C. Toward a Restatement of Demographic Transition Theory. – Population and Development Review, 1976, vol.2, N° 3-4, p.359-366
249. Carr-Saunders A.M. World Population: Past Growth and Present Trends. – L: Frank Cass, 1964. – 336 p.
250. Chapelot J., Fossier R. Le village et la maison au Moyen Age. – Paris: S.E., 1980. – 375 p.
251. Colement E.R. L'infanticide dans le Haut Moyen Age. – Annales E.S.C., 1974, N° 2, p.298-324
252. Consael R., Lamens A. Méthodes déterministes et probabilistes de l'analyse démographique. – Biometrie-Proximetrie, 1962, vol.3, N° 2-3, p.83-112
253. Cunow H. Wordwandschafts-Organisationen der Australneger. – Stuttgart, 1894. – 276 s.
254. Donat P. Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7-12 Jahrhundert. – Berlin: Akademie-Verlag, 1980. – 225 s.
255. Deevey E.S. The Human Population. – Scientific American, 1960, vol.203, N° 3, p.194-205
256. Fison L., Howitt A. Kamilaroi and Kurnai. – Melbourne, Sydney, Adelaide and Brishan, 1880. – 316 p.
257. Flandrin J.L. Famille. Parenté, maison, sexualité dans l'ancienne société. – P. : 1976. – 287 p.
258. Frazer J.E. Totemism and Exogamy. A Tratize of Certain Early Forms of Superstition and Society. Vol. 1-4. – L.: Macmillar, 1910
259. Frish J. Individual Behavior and Intertroop Variability in Japanese Macaques. – Primates, N° 4, 1970, vol.11, p.249-259
260. Fox R. Primate Kin and Human Kinship. – Biosocial Anthropology. L.: Malaby Press, 1975, p.9-36

261. Histoire de la France rurale. Sous la direction de G.DUBY et A.Wallon.
Vol.I. La formation de campagne française des origines au XIVème siècle. – Paris, 1972. – 624 p.
262. Herlihy D. Life Expectancies for Women in Medieval Society. – The Role of Women in Middle Age. – In: Papers of the Sixth Annual Conference of the Center for Medieval and Early Renaissance Study. SUNY, 6-7 May 1972, p.1-16
263. Landry A. La révolution démographique, études et essais sur les problèmes de la population. – Paris: Sirey, 1934. – 227 p.
264. Landry A. Traité de démographie. – P.: Payot, 1945. – 651 p.
265. Langness L.L. Some Problem in the Conceptualization of Highland Social Structure. – American Anthropologist, 1964, vol.66, N° 4, Pt.2, p.162-182
266. Mason A. The Social development of Monkey and Aps. – Primates Behavior. Field Studies of Monkeys and Aps. Ed. by I.Devore. – NY: Hold, Rinhart and Winston, 1965, p.212-265
267. McLennan J.F. Primitive Marriage. An Inquiry into the Origin of the Form of Capture in the Marriage Ceremonies. – London, Macmillan, 1896
268. Neggitt M.J. Male-Female Relationships in the Highlands of Australian New Guinea. –American Anthropologist, 1964, vol.66, N° 4, Pt.2, p.204-224
269. Montanari M. L'alimentazione Contadina nell'alto medioevo (Inotesi sul consumo cerealicolo dei coltivatori dispendenti nell'Italia setten trionale). – Studi medievali, 1973, ser.3, fasc.I, p.115-163
270. Power J. Social Systems in Star Mountains. Toward a Reorientation of the Study of Social Systems. –American Anthropologist, 1964, vol.66, N° 4, Pt.2, p.133-161
271. Reynolds V., Reynolds F. The Chimpanzees of the Budongo Forest. – Primates Behavior. Field Study of Monkeys and Aps. – NY: Hold, Rinhard and Winston, 1965, p.386-425
272. Riché R. Problèmes de démographie historique du Haut Moyen Age (V-VIIs.). – Annales de démographie, 1966, p.37-57
273. Riché R. L'infant dans le Haut Moyen Age. – L'infant et société. P.: La Haye, 1973, p.85-107

274. Sahlins M. The origin of the Society. – Scientific American, 1960, vol.203, N° 3, p.85-107
275. Schmitz C.A. Historische problem in Nordost Neuguinea. – Wiesbaden: Steiner, 1960. – VIII+441 s.
276. Spenser B., Gillen F. The Native Tribes of Central Australia. – L.: Macmillan, 1938. – XXIV+671 p.
277. Spiro J. Children of the Kibbutz. – Cambridge (Mass.): Harward University Press, 1958. – 173 p.
278. Talmon Y. Selection in Collective Settlement. – American Sociologist Review, 1964, vol.29, N° 3, p.482-503
279. Vandenberg J. The development of social structure in Free-Ranging Resus Monkeys. – Behavior, 1967, vol.29, N° 1, p.172-194
280. Westermarck E. The History of Human Marriage. – L., NY: Macmillan, 1894. – 644 p.
281. Zuckerman S. The Social Life of Monkeys and Aps. – L.: Kegan, Trench, Truber and C°, 1932. – XII+375 p.